

ВЫСОКИЙ БЕРЕГ №2

A photograph of a coastal landscape. In the foreground, a rocky beach with dark and light stones meets the blue sea. A steep, rocky cliff rises from the beach, covered with sparse, dry vegetation. At the top of the cliff, a white lighthouse with a glass-enclosed lantern room is visible against a clear blue sky.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ ГОРОДА АНАПА

АНАПА
2014

*Мария Михайловна Лермонтова,
мать поэта*

*Юрий Петрович Лермонтов,
отец поэта*

*Елизавета Алексеевна Арсеньева,
бабушка поэта*

Герцог Лерма

ВЫСОКИЙ БЕРЕГ №2

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ ГОРОДА-КУРОРТА

АНАПА

Анапа,
2014 г.

ББК 84 Р7-5
Ф 75

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор и составитель	В.И. Фокин
Редактор раздела «Проза»	С.А. Лёвин
Ответственный секретарь	Т.К. Хоменко
Член редколлегии	Н.А. Чех
Фотохудожник	О.А. Ариффулин

© Журнал «Высокий Берег». Анапа, 2014-000 с.

Второй выпуск журнала «ВЫСОКИЙ БЕРЕГ» посвящён великому поэту и прозаику – Михаилу Юрьевичу Лермонтову, 200-летие со дня рождения которого будет отмечаться в октябре 2014 года, и чья жизнь и творчество неразрывно связаны с Кавказом, Таманью. В создании номера приняли участие уже знакомые читателям анапские поэты, прозаики, публицисты, а также два гостя журнала из Москвы и Пскова. В этом номере открываются новые разделы – «Дебют в журнале», где в дальнейшем будут публиковаться работы, достойные внимания любителей и прозы, и поэзии, и «Дорогие мои земляки» – о жизни и деятельности известных анапчан.

ISBN 5-350-00030-6

ББК 84 Р7-5
Ф 75

Редколлегия выражает искреннюю благодарность авторам и читателям, внёсшим свой вклад в издание журнала

Редколлегия знакомится с письмами и материалами читателей и авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, дат и цифр несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редколлегии.

Литературные произведения принимаются только на электронном носителе и в печатном виде.

ISBN 5-350-00030-6

© «Высокий Берег»
© Текст – коллектив авторов
© Дизайн-макет – В.И. Фокин
© Фотографии – О.А. Ариффулин

ВЕЛИКИЙ ПРЕЕМНИК

29 января (по новому стилю 10 февраля) 1837 года, в 2 часа 45 минут пополудни скончался гениальный поэт России, Европы, мира – Александр Сергеевич Пушкин. В те часы, когда Пушкин прощался с друзьями, зарождалось одно из величайших творений поэзии. Написано оно было почти неизвестным широкой публике М.Ю. Лермонтовым, которого видели в толпе лицейский приятель Пушкина, цензор Семёнов, и его племянник, впоследствии – маститый учёный, академик Семёнов–Тянь-Шанский. Пробраться к дверям квартиры Пушкина почти невозможно, плотная толпа загораживала всё пространство перед домом и перед соседними зданиями. Набережная Мойки запружена в такой степени, что у ворот понадобилось выставить часовых для соблюдения хоть какого-нибудь порядка. Толпятся чиновники, литераторы, мещане, актёры, офицеры, купцы, студенты и даже те, кого тогда называли простолюдинами. Стоит возбужденный и оскорблённый народ. Слышится злоба и угрозы в адрес Дантеса и Геккерена. Многие плачут.

Лермонтов потрясён смертью своего кумира. Он идет домой, к бабушке, на Садовую. Не обращая внимания на собравшихся друзей, на споры и шум, Лермонтов пишет взволнованную элегию:

*Погиб поэт! – невольник чести –
Пал оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!...*

*Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар?*

*Его убийца хладнокровно
Навёл удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьётся ровно,
В руке не дрогнул пистолет.*

*Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы Гения и Славы палачи...
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперстники разврата,*

*И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!*

Эти строки из стихотворения были более, чем понятны. В стихотворении многие узнали себя, узнали и поняли, чем угрожает им Лермонтов!

Это было потрясающее предвидение и дальнейших событий истории России, и своей собственной судьбы, судьбы опального, гонимого писателя.

Никто из поэтов не начинал так смело и вдохновенно, как Лермонтов. Ни чья слава не бывала ещё так внезапна. За слова правды о великом поэте, которого он даже лично не знал, Лермонтов уже обречён. И его ожидает та же судьба, и такая же гибель – на поединке. **Немного знает наша история таких колоссальных трагедий, вытекающих одна из другой, и таких блистательных эстафет, являющих великие силы народа, способного послать одного гения на смену другому!**

Эти выдержки из исследовательских работ, посвящённых творчеству М.Ю. Лермонтова, принадлежащих русскому писателю, литературоведу, лауреату Ленинской и Государственной премий И. Андронникову, – лишь часть многих трудов, многочисленных исследователей жизни Лермонтова и его творческого наследия. Написано и опубликовано столько, что вряд ли можно что-либо добавить.

И всё же хочется обратить внимание наших читателей на некоторые стороны природных дарований Лермонтова, неотъемлемых от литературных. Он сам вспоминал после поездки с бабушкой на Кавказ, где впервые в десятилетнем возрасте, влюбился в златокудрую девочку: «говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, в которой много музыки, и которая будет любить изящные искусства». Одарён был Лермонтов удивительной музыкальностью – играл на скрипке, на фортепиано, пел, сочинял музыку на собственные стихи. Он «слышал» мир объёмно, красочно. А сколько песен, романсов на его стихи, было написано в последующие десятилетия и века. Он одухотворял, оживлял утёс, тучи, сосну, дубовый листок, волны, наделял их человеческими страстями.

Лермонтов владел английским, французским, немецким языками, читал полатыни, а когда служил на Кавказе, начал изучать азербайджанский, записывал грузинские слова. Его воображение было таким живым, острым, мысль – постоянно работающей, что он мог оказаться даже там, где никогда и не бывал – Испании, Греции, Италии, Финляндии...

Он «видел» мир так, как видит его глаз художника, который способен воспроизвести на полотне (и не только с натуры, но и на память) лица, фигуры, бой, погоню, пейзаж. Восхищения достойны его горные, кавказские пейзажи (Необходимо подчеркнуть, что жизнь М.Ю. Лермонтова, его творчество невозможно представить без Кавказа, Тамани. Есть версия, что он останавливался в Анапе на один день!) и, особенно, изображения лошадей – блеск кожи, их мускулатуру, позы и в движении, и в статике, их нетерпеливость и гордость. Остается только сожалеть, что такой талант не получил профессионального продолжения. Да и мог ли? Ведь прожил он всего 27 лет! Как несправедлива судьба по отношению к гениям!

В.Фокин

P.S.

Ниже мы представляем в журнале несколько работ М.Ю.Лермонтова.

*Портрет А.А. Столыпина
в костюме курда, масло, 1841 г.*

*Черкес
масло, 1838 г.*

При Валерике, акварель, 12 июля, 1840 г.

Конь, акварель, 1830-е гг.

*Маневры в Красном Селе,
сентя, 1833–1834 гг.*

*Бивуак лейб-гвардии Гусарского полка под Красным Селом,
акварель, 1835 г.*

*Вид Бештау около Железноводска,
карандаш, 1837 г.*

Тамань, карандаш, 1837 г.

КАЗАКОВ Александр Петрович – родился в 1954 г. в г. Смоленске. До службы в Советской Армии жил в г. Клин Московской области, работал электросварщиком, после службы работал в Новгородской области. С 1978 г. живет и работает в г. Пскове. Окончил культпросвет училище, Псковский государственный пединститут (исторический факультет). Печатался во многих сборниках псковских поэтов, в журналах «Всерусский собор» (Санкт-Петербург), «Север» (Петрозаводск), «Сибирские огни» (Новосибирск). Автор 6 книг повестей и рассказов, музыки и слов сборника песен. Член Союза писателей России.

ДОМ

– Эх, хорошее у вас молоко, Марь Захарна! В городе такого днём с огнём не найдёшь. Спасибо вам!

– Э-э, мил человек! – довольно заулыбалась Марья Захаровна, дородная пожилая женщина, засовывая вырученные за молоко деньги в карман тёмно-синего, в крупный белый горох фартука. – Это не у меня молоко, а у коровы моей, Зорюшки; это ей спасибо говори, а не мне...

– Ну, я и имел в виду... – смутился дачник – молодой, лет тридцати, мужчина, принимая из рук Марьи Захаровны трёхлитровый бидон. Чтобы скрасить возникшую неловкость, кивнул на крупного козла с большими, загнутыми назад рогами, высунувшего бородатую морду в щель между досками загона.

– А почему это вы, Марь Захарна, козла своего Мишкой назвали?

Женщина пожала плечами.

– Ну, а как мне его назвать-то надо было – Козлом, что ли? – улыбнулась она. – Или как собаку – Тузиком? Мишка и Мишка; чего тут такого-то? Подумаешь, невидаль! Вон, у меня и кот человечесьё имя носит – Васька; ну и что? Кому от этого хуже-то? У нас в деревне ни Мишек, ни Васек, Слава Богу, нету; значит, и обижаться на это некому. Вот и весь сказ!..

Она обеими руками поправила платок на голове и бросила на дачника настороженный взгляд.

– Тебя-то, мил человек, как зовут? – как бы между прочим спросила она.

– Вениамин, – с достоинством представился тот и церемонно склонил голову.

– Ну, вот видишь – не Михаилом же, – облегчённо рассмеялась Марья Захаровна. – И не Васькой! Так вот тебе, Ве... Веамин, и обижаться не на что...

– Да это я так... – смутился дачник. – Просто чудно как-то...

– Что чудно? – вновь насторожилась Марья Захаровна.

– Понимаете, у меня в Москве один хороший знакомый есть, – принялся сбивчиво объяснять Вениамин. – Так его тоже Мишкой зовут – Михаилом, то есть... Знакомый-то хороший, да человек – не очень...

– Ну, и что? – подозрительно прищурясь, спросила Марья Захаровна.
– Да нет, ничего, – ещё больше смутился Вениамин. – Просто... чем-то он мне вашего Мишку сильно напоминает. Такой же... козёл, словом.
И он с неприязнью кивнул в сторону загона.
Марья Захаровна поджала губы и подбоченилась.
– Ну, это ты, Ме... Ве... Веамин, не прав! – решительно возразила она. – Твой-то знакомый, может, как ты говоришь, и вправду – козёл; да только уж ты, мил человек, его с моим-то Мишкой не равняй: мой-то Мишка, хоть и животное, а, я думаю, уж получше твоего-то знакомого будет. О моём-то Мишке ещё никто худого слова не сказал!...
– Да нет, вы не так поняли! – Вениамин замахал рукой. – Я не к тому, Марь Захарна...
– Ну, к тому, аль не к тому, не знаю. А только мой Мишка, хоть и не человек, а и умный, и добрый! – продолжала защищать своего козла Марья Захаровна. – Не то, что некоторые люди... Он отродясь пакостей никому не делал; это люди пакости хорошо умеют делать, а Мишка мой лишнего себе не позволит!...
Вениамин, уже пожалевший, что вообще завёл этот разговор, посмотрел на наручные часы и заторопился.
– Ну, спасибо за молоко, Марь Захарна! – выпалил он скороговоркой.. – Побегу я, скоро автолавка приедет, надо ещё хлеба купить...
Он вежливо кивнул на прощанье и быстрым шагом направился восвояси.
– Иди, иди с Богом... – махнула рукой Марья Захаровна. – Иди уже...
И вдруг, спохватившись, уже вдогонку Вениамину, крикнула:
– Завтра-то придёшь? Молока-то тебе оставлять, али как?
Вениамин, обернувшись, закивал головой.
– А как же! Обязательно оставьте: у меня дочка – ну, просто чудеса – за один раз чуть ли не литр выпивает. Дома, в городе, ни за что было не заставить, а здесь... Так что оставьте, Марь Захарна: приду обязательно!
Он помахал рукой и свернул в проулок.
– Вишь ты, зачем козла человеческим именем назвала, – пробормотала вслед ему Марья Захаровна. – Сам ты... А как мне его называть-то – Козлом, что ли?
– Правильно, ба: нечего своих в обиду давать! – высунув голову из дома, хохотнул худощавый белообрый парень – внук Марьи Захаровны, Витька. – Кличка ему, вишь ты, не понравилась!
– Он – городской, Витюша; много ли они, городские-то, в нашей жизни понимают... – вздохнула Марья Захаровна, осторожно опуская своё большое грузное тело на низкую скамейку у калитки.
И вдруг напустилась на внука:
– Это кто из вас, ты аль Верка, калитку-то в палисадник утром не закрыл, а?
– А чё? – непонимающе захлопал глазками Витька.
– А ничё! – повысила голос Марья Захаровна. – Мишка-то чего, думаешь, в загородку у меня загнан, а?
– А чё?
– Чё, чё! – Передразнила внука Марья Захаровна. – Иду я наемни с огорода, а он стоит в палисаднике и георгины жрёт, стервец!
И она погрозила в сторону загона кулаком.
– У-у, образина рогатая! Ужо я тебе, зар-р-раза!
– Ме-е-е-е! – возмущённо проблеял Мишка и помотал длинной белой бородой.
Витька прыснул сдержанным смешком.
– Ты ж только что, ба, мужику-то этому, что за молоком приходил, говорила, какой Мишка у тебя хороший: и умный он, дескать, и добрый... Чего ж ты его ругаешь-то теперь?
– И правильно говорила! Потому что не его ругать надо... – строго глядя на внука, сказала Марья Захаровна. – Мишка – что? Он, что о нём ни говори, а скотина! Хотя и

умный, конечно, зараза... Да только каким бы он умным ни был, а калитку в палисадник самому ему нипочём не открыть! И в загон в наказание не Мишку надо было загонять, а тебя!

– Да я-то тут причём? – возмутился Витька. – Не был я сегодня в палисаднике! А раз не был, значит, и калитку не открывал...

– Ну, раз не ты, так Верка... – отчего-то поморщилась Марья Захаровна.

– Да Верка и вообще на улицу сегодня не выходила! – заступился за жену Витька. – Она, вон, с утра из-за стола не вставала – дипломную свою пишет...

– Ну, тогда я не знаю... – махнув рукой, сбавила тон Марья Захаровна. – Ну вас! Разбирайтесь сами...

– Ме-е-е-е! – снова проблеял козёл и толкнул рогами хлипкую дверь загона.

– Я тебе «мекну», цветоед, рогатый! – незлобливо прикрикнула на Мишку Марья Захаровна и тяжело поднялась со скамьи. Постояла, опершись на забор, поохала, разгибая спину; отдышавшись, сказала:

– Ты, сынок, принеси-ка Мишке воды; он, наверное, пить хочет, вот и стучит рогами-то... А я пойду, прилягу: наломалась с прополкой этой, на жаре-то – будь она неладна! – сил нет...

День, и вправду, выдался жарким и безветренным – как, впрочем, и почти всё нынешнее лето только в самое начало июня был дождливым, а потом погода довольно быстро наладилась и устоялась.

Дожди же были редкими и непродолжительными и шли, в основном, по ночам.

Конечно, такая сушь заметно прибавляла хлопот с поливом огорода, но это Марью Захаровну не тревожило. Вот если бы ей одной приходилось с огородом-то управляться, тогда – да, хлебнула бы она лиха, при её-то годах и здоровье! А так этим делом Витя, внук, заправляет, и близко её к ведрам не подпуская: он и в бочки, что по всему огороду тут и там расставлены, загодя воды наносит, и польёт сам. А если той воды, бывает, и не хватит, так и с озера натаскает, благо оно, озеро-то, под боком; вышел за ограду огорода – вот тебе и озеро!

И Верка – молодец, ничего не скажешь: тоже по хозяйству крутится – будь здоров, уж никак не меньше мужа! Да?ром, что, можно сказать, городская: Витя её из райцентра привёз, Верку-то; а райцентр, каким бы маленьким он ни был, по их, деревенским понятиям, всё одно – город. Как уж она согласилась к ним в деревню насовсем переехать, только им, молодым, и ведомо. Любовь, наверное...

Марья Захаровна, опираясь на перила, с трудом поднялась на высокое крыльцо и остановилась: от ходьбы да от жары ноги к вечеру опять сильно отекали, и каждый шаг вверх по ступеньке давался Марье Захаровне непросто.

– Переходила ты, старая, переходила... – пробормотала она, переводя сбившееся дыхание. – Всё сама норовишь, сама...

Перед тем, как войти в дом, Марья Захаровна посмотрела вдоль короткой деревенской улицы: не идёт ли за молоком ещё кто-нибудь? Плохо, если кто придёт: Зорька ещё с выгона не вернулась – рано ей ещё возвращаться, – а от утренней дойки молока и вовсе ни капли не осталось: последнее дачнику этому, как его... Веамину, что ли? Вот ведь имечко – Господи, прости! – язык сломаешь! В общем, последнее молоко она ему отдала. Вернее, продала; чего уж тут греха таить...

– Ах ты, Зорюшка моя! Ах, кормилица ты наша!.. – вздохнула Марья Захаровна.

Но улица была пуста; только откуда-то со стороны мыса раздавался визг купающихся в озере ребятишек, да возле острова маялся в лодке какой-то неугомонный рыбак в широкополой соломенной шляпе – видно, из недавно приехавших и ещё не насытившихся этим удовольствием дачников.

И охота ему на такой-то жаре торчать... – покачала головой Марья Захаровна. – Вот ведь люди!

Она уже хотела, было, войти в дом, как вдруг взгляд её словно обо что-то споткнулся.

– Матушки святы!.. – прошептала Марья Захаровна, почувствовав, как отчего-то забухало в груди сердце. – Матушки святы!.. Неужто?!

«Как это я раньше-то не заметила, не увидела? – подумала она и, отгораживаясь от бившего в глаза солнца, козырьком приложила ко лбу ладонь. – Как же так-то? Ведь сколько ждала этого, а пропустила, ворона старая!..»

Там, у самого берега, среди развесистых берёз, наполовину скрытая от глаз Марьи Захаровны потемневшей от времени крышей соседского дома, возвышалась над деревней бело-жёлтая конструкция из причудливо перекрещенных стропил. Стропила издали напоминали мачты корабля, и потому и сама конструкция казалась издали сказочным кораблём, плывущим в голубом августовском небе среди пушистых белых облаков...

– Ай да Дмитрич! Неужто начал?.. – восхищенно покачивая головой, прошептала Марья Захаровна.

Она уже хотела, было, спуститься с крыльца и пойти туда, куда звало её радостно забившееся сердце; но, подумав, сама себя и остановила:

«Нет, не дойду сейчас... Вот отдохну малость, полежу, чтобы ноги отошли, а уж к вечеру и схожу...»

Она переступила порог дома, но не утерпела и уже из сеней ещё раз оглянулась, словно боясь, что увиденное только померещилось ей. А если даже и не померещилось, то вот возьмёт сейчас этот чудный корабль, да и уплывёт вслед за едва заметно движущимися по небу облаками.

И растает так же бесследно, как, наверное, тают и они, закончив свой путь где-то там, за чертой бесконечно далёкого горизонта...

Но стропила были на месте, и Марья Захаровна успокоилась.

– Теперь уж что уж... – сказала она. – Теперь уж никуда не денутся, раз появились... Ай, да Дмитрич! Ай, да молодец; не обманул...

Марья Захаровна прошла в свою спальню, по пути отхлебнув из стоявшей на столе кружки холодного чая, перекрестилась на висевшие в углу комнаты иконы и тяжело опустилась на широкую кровать.

– Вот и славно, вот и хорошо... – прошептала она. – Отдохну, а к вечеру и схожу...

Она откинулась на высокие подушки и прикрыла глаза; полежала так немного, дожидаясь, пока исчезнут из-под закрытых век разноцветные радужные круги (так у Марьи Захаровны бывало всегда, если в яркий солнечный день ей подолгу приходилось бывать на улице), а потом открыла их и принялась рассматривать фотографии, висевшие на стене напротив кровати.

Фотографий, обрамлённых в простенькие деревянные рамки, было немного, с десяток, и почти все они – кроме одной, самой дорогой её сердцу, – висели на этой стене уже много лет. Марья Захаровна видела их по несколько раз за день – и когда просыпалась утром, и когда вечером укладывалась спать, и когда по какой-нибудь надобности или просто так заходила в комнату. Видела – и иногда думала о том, что за долгие годы давно уже, наверное, пора было бы ей привыкнуть к этим фотографиям, как к чему-то обыденному, и не замечать их, но...

Но почему-то не привыкалось, почему-то не проскальзывали мимо глаз Марьи Захаровны, не проходили мимо её сознания родные ей лица, не тускнели вечно открытые глаза близких ей людей – нет! Они, эти глаза, пристально смотрели на неё: когда одобрительно смотрели, иногда – осуждающе; но иногда – безразлично... Они смотрели на Марью Захаровну и днём, и ночью, без сна и отдыха наблюдая за её жизнью; они внимательно следили за всем, что она делала в течение долгих, долгих лет – лет, прожитых ею на этой земле уже без них, – без дедушки с бабушкой, без родителей, без братьев...

И без сына...

«Хорошо, хоть Витюша со мной: не бросает меня, старуху старую, бережёт... – думала Марья Захаровна, глядя на фотографии. – И Верка – молодец: обломала гонор-то свой городской, обломала! Хотя и тяжко ей было, конечно, поначалу-то, – что уж теперь

говорить... Да и я-то хороша, дура старая! И чего к девке по всяким пустякам цеплялась? Ох, Господи! Прости меня, Господи, грешную!.. Куда б я сейчас, без них-то?..»

В комнату, отодвинув рукой занавесь, заглянул Витька.

– Не спишь, ба? – почему-то шёпотом спросил он.

– Не сплю, сынок, не сплю, – тихо отозвалась Марья Захаровна. – Так, лежу... Мне, сам знаешь, днём если поспать – ночью изведусь. И сама изведусь, и вам покоя не дам... Ты чего хотел-то?

– Да ничего, – Витька махнул рукой. – Так просто... Мишку я напоил, воды наносил; скоро уж и Зорька придёт: вон, уж мычат где-то недалеко...

– Ну, придёт, так я подою, – сказала Марья Захаровна. – вот полежу маленько – и, даст Бог, встану.

– Да ты лежи, лежи, ба! – запротестовал Витька. – Верка сама подоит. А то – я...

– Я подою, баб Мань! – звонко крикнула из горницы Верка. – Только сбегаю, искупнусь – подою.

– Ты пиши, пиши давай эту свою... как её? – повысила голос Марья Захаровна.

– Дипломную, – подсказал Витя.

– Ага, дипломную! Пиши, пиши, не отлынивай, – пристрожила Верку Марья Захаровна. – А дойка... куда она денется? Полчаса раньше, полчаса позже...

Улыбающаяся Верка появилась в дверном проёме и облокотилась о косяк, плечом шутиливо оттолкнув от него мужа.

– Да сколько можно писать-то? – рассмеялась она. – У меня скоро рука отвалится!

– А корову за титьки дёргать – не отвалится? – улыбнулась Марья Захаровна.

Верка беспечно посмеялась.

– Э-э, баб Мань! Не отвалится; там, по крайней мере, думать не надо: дергай себе и дёргай...

– Думать, доченька, везде надо, – вздохнула Марья Захаровна. – Это только дураки так живут, не думавши-то. А вы у меня, чай, робята умные...

– Да это я так, к слову, – улыбнулась Верка.

Она повернулась к Витьке и вдруг схватила его двумя пальцами за нос.

– Ну, пойдёшь со мной купаться? Быстро отвечай, а то нос оторву! Оторву – и съее-ем! Пойдёшь?

– Да пойду, пойду! Пусти! – пытаюсь освободиться от цепкой Веркиной хватки, загундосил Витька. – Пусти, говорю! А то утоплю!

– Ой, ой, ой! «Утоплю!» – передразнила мужа Верка. – Напугал! Ты догони сначала, медведь косолапый!

Она оттолкнула его и со смехом бросилась вон – сначала из комнаты, а потом и из дома, и уже через мгновение её звонкий голос, зовущий Витьку, долетел со двора.

«Ну, чисто – дети! – улыбнулась Марья Захаровна. – Муж и жена называется! Этот... детский сад...»

– Я пойду, ба? – растирая ладонью побелевший нос и подпрыгивая от нетерпения, спросил Витька. – Утоплю её щас, клоуна рыжего!

– Иди-иди, махнула рукой Марья Захаровна. – Да поаккуратней там, в озере-то! А то, и вправду, утопишь её, жёнку-то...

Витька убежал, а Мария Захаровна нашла взглядом фотографию молодого человека в военной форме, висевшую на стене среди других снимков, и прошептала:

– Вот какой ноне у тебя сынок-то вырос, Гришенька, сыночек ты мой ненаглядный...

Жалко, что не видишь ты его...

Она утёрла тыльной стороной ладони покотившуюся по щеке слезу и добавила:

– А может, и видишь; сверху-то тебе, поди, всё видать...

И перекрестилась...

– М-м-му-у-у! – протяжно и требовательно донеслось с улицы.

– Ме-е-е! – долетело в ответ со двора.

– О, здороваются! – сказала Марья Захаровна и, кряхтя, села на кровати. – Знать, не видались давно, соскучились...

Она встала, перекрестилась на иконы и, пройдя через кухню и полутёмные сени, вышла на крыльцо.

Но, прежде, чем спуститься по ступенькам во двор, Марья Захаровна бросила взгляд в сторону озера.

– Ну, молодец, Дмитрич! Ай, молодец!.. – покачала она головой и улыбнулась.

Закрыв Зорьку в хлеву и подбросив охапку травы Мишке, Марья Захаровна в дом не пошла, а села на скамейку возле калитки.

«Сколько лет собирался – всё не собраться ему было, – думала она, глядя на торчавшие из-за соседской крыши стропила. – А, вишь ты, собрался всё-таки! А я, было, думала, что и не дождусь уже...»

Как-то по весне, лет пять тому назад, когда уже и в самой Буковке, и поблизости от неё, вдоль озёрного берега, появились с десятков дачных домиков и приспособленных под них строительных вагончиков, к дому Марьи Захаровны подъехала легковая машина, по самые стёкла залепанная дорожной грязью. Из машины вышел невысокий, сутуловатый мужчина, как поначалу показалось Марье Захаровне, сорока–сорока пяти, в потёртой кожаной куртке и высоких резиновых сапогах; словно не решаясь открыть калитку, он немного потоптался возле неё, оглядываясь по сторонам, потом взял из машины картонную папку с тесёмками, захлопнул дверцу и вошёл во двор.

Марья Захаровна сидела на кухне, возле окна, и пила чай.

«Опять землемер пожаловал, что ли? – подумала она. – Так они, землемеры-то, обычно в той стороне деревни, на взгорке, участки-то дачникам отмеряют: в нашем-то краю давно уж и обмерено всё, и отмерено...»

В дверь негромко постучали.

– Заходите, заходите! – крикнула Марья Захаровна. – Не заперто...

Дверь открылась; мужчина вошёл в дом, вежливо поздоровался и остановился у порога. Марья Захаровна кивнула в ответ и машинально посмотрела на его ноги: не нанёс бы грязи, на сапожищах-то! Вон, на улице-то что творится; прибирай тут потом за каждым...

Но мужчина был без сапог; в одних только шерстяных носках, и это заставило Марью Захаровну посмотреть на него с немалой долей благодарности.

«Молодец! Сапоги, видать, ещё на крыльце снял: то-то шагов в коридоре не слышно было, – подумала она. – Уважает, видать, человек чужой-то труд... Молодец!»

– Я к вам, Мария Захаровна, вот по какому делу, – присаживаясь по приглашению хозяйки к столу, заговорил мужчина негромким, немного сипловатым голосом. – Хочу я здесь, в Буковке, дачу построить. Вернее – дом. А участок мне сельсовет выделил как раз тот, на котором раньше ваш дом стоял – ну, тот, что немцы в войну разбомбили... Вы как, Марья Захаровна, не будете возражать против этой моей затеи?

Марья Захаровна к такому разговору готова не была и потому от слов нежданного гостя поначалу даже как-то растерялась. Не зная, что ответить, она пожала плечами и промолчала...

А в голове её тем временем потревоженным пчелиным роем заметались сомнения – и по поводу личности самого, совершенно незнакомого Марье Захаровне мужчины, и по поводу его неожиданного вопроса...

А нет ли в его словах какой подоплёки? На вид он человек вроде приличный – на первый-то взгляд; но кто его знает, что у него на уме на самом-то деле? Вон, по телевизору-то: каких только шаромыжников, что народ, почём зря, дурят, ни показывают – страсть!

– Чего уж тут... – осторожно, чтобы не сказать чего-нибудь во вред себе, заговорила Марья Захаровна. – Чего уж тут возражать-то? Коли уж дали вам этот участок, так и стройтесь на нём, да и на здоровье! Всё одно – пустует. Да и место там хорошее – прямо на берегу, у самой воды...

Она вдруг улыбнулась.

– Я, сколько помню, когда ещё девчонкой была, мы с братом Матвейкой, бывало, прямо из калитки и – бух! – в озеро!

Сказала – и сразу же, одёрнув себя, погасила улыбку:

«Чего это я, перед чужим-то человеком?.. Эх, раскаркалась, ворона старая!»

Спросила, нахмурившись:

– Так от меня-то вы чего хотите? Прав у меня на тот участок, как я понимаю, таперича никаких нет, так ведь?

Мужчина вместо ответа только молча и почему-то виновато кивнул.

– Ну, вот! – отчего-то обрадовалась Марья Захаровна. – А на нет и суда нет! Да ежели б и были они у меня, права-то, то к чему он мне? Вот мой дом, – она развела руками, показывая на стены кухни. – И другого мне не надо; мне на мой век и этого хватит...

Гость улыбнулся, и была его улыбка такой открытой, что Марья Захаровна невольно тоже улыбнулась в ответ.

«Не особо молодой-то, – разглядывая разбежавшиеся по лицу мужчины морщинки, подумала она. – Видать, ошиблась я, когда в окошко-то его усмотрела. Ему, поди, под пятьдесят уже...»

– Я не о том, Марья Захаровна, – тихо заговорил гость, и глаза его отчего-то вдруг стали очень печальными. – То, что участок тот давно уже не ваш, я и так знаю...

Марья Захаровна пожала плечами.

– Да чего уж там; конечно, не наш... – сказала она и тяжело вздохнула. – Время, мил человек, – простите, не знаю, как вас звать-величать...

– Сергей Дмитрич, – вежливо представился мужчина.

– Время, Сергей Дмитрич, наше ушло... Так что... стройтесь, ежели уж решили. Места у нас красивые, и озеро хорошее – большое, красивое. А рыбы в нём!..

Сергей Дмитрич кивнул и положил на стол картонную папку, которую до тех пор держал у себя на коленях.

«Сейчас подписать чего-нибудь попросит... – вдруг заволновалась Марья Захаровна, глядя, как гость развязывает на папке белые шёлковые тесёмки. – А чего я в этих бумажках понимаю? Эх, и Витя с Веркой, как на беду, в Медянк уехали! Хоть бы вернулись поскорей... А то подпишу сейчас чего-нибудь не то, так и из этого дома, не дай Бог, выселят...»

Но Сергей Дмитриевич достал из папки не документы, а чистый лист бумаги, простой карандаш и линейку; разложив их на столе перед собой, он посмотрел Марье Захаровне прямо в глаза и так же тихо, как и прежде, заговорил:

– Марья Захаровна, вы меня, пожалуйста, не бойтесь, – сказал он и мягко положил свою руку на руку Марьи Захаровны. – Я к вам не со злом пришёл. И не с обманом.

«Да кто тебя знает... – поджав, было, губы, подумала Марья Захаровна. – Вон по телевизору-то...»

Но руки не отняла; сказала, добродушно улыбаясь:

– А чего мне тебя бояться-то, Дмитрич? Я, чай, в своём дому?!

– Ну, и хорошо! И правильно, что не боитесь, – рассмеялся Сергей Дмитриевич.

Он помолчал немного, как бы раздумывая, с чего начать; потом, видимо, решившись, спросил:

– Марья Захаровна, скажите, сколько вам лет было во время войны? Ну, когда ваш дом разбомбили?

Марья Захаровна растерялась.

– Лет-то? – переспросила она, со вновь возникшим подозрением глядя на гостя: может, в этом вопросе какая заковыка есть? Коли уж подписывать ничего не попросил, так, может, здесь какой подвох?

Но... смотрела-то Марья Захаровна с подозрением, а сердце почему-то подсказывало ей: нет, не с худым пришёл к ней этот улыбчивый человек; не таит он камня за пазухой или зла какого против неё – уж больно глаза у него добрые...

– Лет-то? – переспросила она. – А зачем тебе это?
– Хотелось бы мне, Марья Захаровна, узнать помните ли вы, каким был ваш дом...
– Дом-то? Помню, конечно... – Марья Захаровна пожала плечами и призадумалась. – Чай, родилась там, в доме том... В лет... Когда война началась, я уж третий год в школе отучилась; значит, лет одиннадцать мне было...

Она умолкла и нахмурилась, напрягая память; потом кивнула:

– Да, одиннадцать: Ивану, брату старшему, восемнадцать в том году стукнуло – его сразу же в армию забрали, как война-то началась, – а он, Иван-то, нас с Матвейкой ровно на семь годков старше был... Погиб Ванюша – тогда же, в сорок первом; и повоевать не успел – в первом же бою погиб. Под Москвой-матушкой...

Она, было, пригорюнилась и покачала головой, но тут же встрепенулась и пытливо посмотрела на гостя.

– Так ты чего меня про дом-то спросил, Дмитрич?

Сергей Дмитриевич замялся на секунду, а потом сказал:

– Понимаете, Марья Захаровна, хочу я дом построить, но не такой, как большинство дачников теперь себе строят – кто кого перечудит, а такой, какой там, на том самом месте, – он мотнул головой в сторону окна, – до войны стоял...

И пояснил:

– Ну, такой, какой у вас был. В котором вы жили...

Какая-то тёплая волна вдруг захлестнула сердце Марьи Захаровны, и от этого ей стало так хорошо и спокойно, словно кто-то большой и сильный мягко прижал её к своей груди, погладил, как маленькую девочку, по голове и одарил необыкновенной лаской и добротой...

Она проглотила образовавшийся в горле комок и тихо спросила:

– А... а зачем тебе это, Дмитрич? Ты уж извини, сынок, что я тебя на ты-то называю... – спохватилась она.

– Да ради Бога, Марья Захаровна! – отмахнулся Сергей Дмитриевич. – Вы мне в матери годитесь: у меня мама такого же возраста...

– Жива?

– Жива, жива, слава Богу... – улыбнулся Сергей Дмитриевич. – Только далеко отсюда, в Туле. Вот построю дом, буду её сюда на лето привозить.

– А что! – улыбнулась Марья Захаровна. – И привози; глядишь, и познакомимся... Чего тут не отдыхать, летом-то? Вон, красота-то у нас здесь какая! Такой красоты, небось, нигде, во всём белом свете боле не сыщешь...

– Это правда... – кивнул Сергей Дмитриевич и почему-то грустно улыбнулся. – Такой я больше нигде не видел...

Они помолчали немного, думая каждый о своём. Потом Сергей Дмитриевич сказал:

– А почему я дом хочу построить таким, каким ваш был... Это, Марья Захаровна, как бы вам сказать... Ну, в общем, непросто это объяснить, но попробую...

Он ненадолго задумался, отвернувшись к окну, потом вздохнул и негромко заговорил:

– Мне, Марья Захаровна, по работе много ездить приходится – и по району, и по области, да и по другим, как теперь говорят, регионам тоже. И всё больше – по сельской местности: я, Марья Захаровна, лесом занимаюсь – деланки объезжаю, лес заготавливаю; ну, и так далее... А потом – переработка: доски, срубы и прочая продукция; словом, производство...

Марья Захаровна недобро прищурилась.

– Так ты, Дмитрич, стало быть, этот... как его... «новый русский», что ли? – спросила она с плохо скрываемой неприязнью.

Сергей Дмитриевич махнул рукой и рассмеялся.

– «Новый», «новый»! – закивал он головой. – Такой «новый», что жена скоро забудет, как я выгляжу, будет помнить таким, каким я прежде был – «старым»!

– Что так? – удивилась Марья Захаровна.

– Да я, Марья Захаровна, все эти годы, что лесом занимаюсь, домой только ночевать приезжаю! – грустно улыбнулся Сергей Дмитриевич. – И в отпуске, не помню, когда в последний раз был...

Он устало махнул рукой.

– Это только со стороны кажется, что всё легко и просто; впрочем, не о том речь...

Сергей Дмитриевич облокотился на стол, и только теперь, когда его чёрных волос коснулся солнечный свет, пробившийся через окно кухни из-за серых дождевых туч, Марья Захаровна заметила, сколько в них седины...

– И вот ездю я, Марья Захаровна, по деревням, – продолжая прерванный разговор, доверительно заговорил Сергей Дмитриевич. – Ездю и смотрю, как люди в них живут: какие дома строят, как участки свои обихаживают, какие бани ставят; ну, и тому подобное... И для работы мне это важно знать – на какие срубы заказов от людей ждать, – и так, самому, интересно...

Он снова посмотрел в окно и опять вздохнул.

– И вижу я, Марья Захаровна, как меняются наши деревни. Не все, конечно, далеко не все: те, что вдоль дорог стоят или в глуши непролазной где-нибудь – те...

Сергей Дмитриевич на мгновение умолк и сокрушённо покачал головой; потом грустно посмотрел на внимательно слушающую Марью Захаровну и сказал:

– На те, Марья Захаровна, без слёз и смотреть нельзя... А вот такие, как Буковка, что по берегам озёр и рек стоят и где природа красивая, живописная – вот как у вас здесь, например, – он кивнул за окно. – Те – да, обустраиваются: в таких местах и дома новые строятся, а иногда – и целые поместья...

– Ну, так и хорошо, что строятся, – сказала Марья Захаровна. – Не всё ж людям из деревень по городам-то разбегаться: и так уж, почитай, все разбежались! Так что и хорошо, что строятся...

Сергей Дмитриевич грустно усмехнулся.

– Хорошо-то оно, конечно, хорошо, да только... – сказал он, взял со стола карандаш и принялся зачем-то его рассматривать.

– Что – только? – заинтересованно спросила Марья Захаровна. – Плохо, что ль?

Сергей Дмитриевич поморщился.

– Да не плохо, а... как бы это сказать... В общем, понимаете, Марья Захаровна, что люди строятся, это, конечно, хорошо; но как-то... не по-русски они строятся, что ли. Всё как-то по западному норуют – как, например, в Европе или Америке. Или в Прибалтике... А своё-то, русское, подзабыли. Или просто не хотят по-русски строить: не модно это стало, что ли? Или у нас своей, исконно русской архитектуры, нет и не было никогда? Или люди действительно просто перезабыли, что и как наши предки делали: как избы строили, какие бани рубили, какие двory ставили? А, Марья Захаровна?

Сергей Дмитриевич заметно разволновался; он встал, быстрым шагом пересёк кухню из угла в угол. Потом так же стремительно опустился на табуретку, подался через стол к Марье Захаровне и, не скрывая горечи, заговорил:

– Ведь еду я, бывает, через деревеньку какую-нибудь, в которой старых изб – от силы три штуки осталось, и сомневаться начинаю: а в России ли я? Не заблудился ли я ненароком? Ведь иногда просто диву даешься, что видеть приходится! То посреди деревни домина стоит трёхэтажный, размером чуть ли не с вокзал, да ещё и с башнями по углам; то одноэтажный, но огромный, как колхозный скотный двор, коров эдак на триста; то ещё что-нибудь заковыристое, что не знаешь, как обозвать... Тьфу!

Марья Захаровна, соглашаясь с ним – видела, мол, такие, видела – покивала головой, вздохнула и сказала:

– А ты, Дмитрич, в Сокольском-то бывал? Видел, каких там, как ты говоришь, чудес понаставили? Хорошо, что хоть по окраинам, а не посреди самой деревни. А то были бы, как бельмо на глазу?...

– Вот! Вот! Вот и я о том! – вскинулся Сергей Дмитриевич. – Именно – бельмо; правильно вы, Марья Захаровна, сказали! Понастроили бельм этих – аж смотреть тошно-

...Испоганили русскую деревню, постарались... во славу Отечества... Слов, как говорится, нет – одни матюги остались. Извините...

– Чего уж, – отмахнулась от его извинений Марья Захаровна. – А этот дом, что депутат-то у нас в Буковке отгрохал, видал? Во – хоромина! С ума сойти!

– Ну, как раз депутат-то, Марья Захаровна, хороший дом построил, правильный, – не согласился с ней Сергей Дмитриевич. – Этот дом у него в стиле русской архитектуры почти полностью выдержан – за исключением некоторых моментов, конечно: окна на веранде несколько великоваты, ещё кое-какие переборы есть... Но это – так. Мелочи; им особого внимания уделять не стоит. А в целом – всё правильно сделал, по-русски.

– Ну, в этом ты, Дмитрич, наверно, прав, – подумав, кивнула Марья Захаровна. – Мне бабка моя, помню, рассказывала, что такой большой дом и раньше здесь был, со старых времён ещё. Он от помещика какого-то, кажи?сь, остался, а потом в нём то ли сельсовет был, то ли клуб – уж и не помню теперь, что...

Она замолчала, пристально посмотрела на примолкшего гостя и вдруг рассмеялась.

– Так ко мне-то ты, Дмитрич, зачем приехал? Чтобы про всё это рассказать, али ещё зачем?

Сергей Дмитриевич улыбнулся.

– Да нет, не за этим, конечно, – сказал он. – Впрочем, наверно, и за этим – тоже...

По оконному стеклу застучали капли дождя, и на улице как-то сразу потемнело. Сергей Дмитриевич посмотрел на висевшие на стене кухни часы-ходики и покачал головой.

– О! Время-то уже, за разговором-то... – пробормотал он и, хлопнув ладонью по столу, заговорил уже решительно и по-деловому:

– Ну, больше не буду понапрасну ваше время тратить. В общем, дело вот в чём, Марья Захаровна: посмотрелся я и наяву, и в альбомах разных на всякие заморские, так сказать, конструкции и решил, что ничего из этого строить здесь, в Буковке, нельзя! Строить дом надо таким, чтобы он ни в коем случае не нарушал общей гармонии – ни с тем, что здесь уже есть, ни с природой. Думал я, Марья Захаровна, думал, что мне делать, какой дом построить; даже сам проектировать пытался, а всё – так...

Сергей Дмитриевич на мгновение умолк и смущенно улыбнулся.

– Одна ерунда какая-то, словом, получалась... И вдруг узнаю, причём совершенно случайно, что здесь в Буковке, вы, Марья Захаровна, живёте! И решил: пусть на том месте будет стоять точно такой же дом, что и раньше там стоял! Пусть будет так, как когда-то здесь уже было! Ведь от добра, как говорится, добра не ищут; правда, Марья Захаровна?

И снова обдало Марью Захаровну тёплой волной, словно кто-то нежданно-негаданно коснулся её незримой ласковой ладонью, и снова учащённо забилось в груди Марьи Захаровны сердце, будто бы предчувствуя скорое и долгожданное пришествие какой-то необыкновенной радости, какого-то праздника или волшебства...

В тот вечер Марья Захаровна и Сергей Дмитриевич, как добрые старые знакомые, долго сидели рядышком за покрытым клеёнкой кухонным столом и пили чай из пузатого, с медалями на медном боку, самовара («Это, Дмитрич, всё, что после войны из прежней утвари, что в том доме-то была, и осталось», – сказала о самоваре Марья Захаровна) и разговаривали «за жизнь»...

А после чаепития, когда Марья Захаровна убрала со стола посуду и насухо вытерла клеёнку, они склонили головы над листом бумаги, и Сергей Дмитриевич под её руководством принялся выводить на нём контуры дома. Сначала он долго и тщательно, вникая во все детали, зарисовал фасад дома и его вид со всех сторон, а потом, уже по линейке, вычерчивал планировку, одновременно проставляя приблизительные – насколько помнила их Марья Захаровна – размеры внутренних помещений дома, и попутно дотошно, до мелочей, выпрашивал, что и где в доме находилось...

Затем, немного передохнув, они вместе же разметили на бумаге и план самого участка, чтобы Сергей Дмитриевич совсем уж точно мог знать, где и какие когда-то были на нём постройки – баня, хлев, сарай...

– Может, в этом году и начну, – перед тем, как попрощаться, сказал в тот вечер Сергей Дмитриевич, поднимаясь из-за стола. – Теперь мне, Марья Захаровна, всё ясно; так что я, пожалуй, смело могу уже и расчёты делать, и за сруб приниматься. Правда, пока стройматериалы закуплю, пока с бумагами всё ула?жу, тоже какое-то время пройдёт: дело это, при наших-то бюрократах, тоже, сами понимаете, нескорое... Но, думаю, Марья Захаровна, что где-нибудь в августе всё же начну; мастера у меня хорошие – умелые и непьющие, – они быстро это дело сделают.

Он наклонился, слегка приобнял сидевшую у стола Марью Захаровну за плечи и рассмеялся.

– Если всё сладится, то мы с вами, Марья Захаровна, на будущий год чай будем пить в вашем старом доме – вот из этого самого самовара! – весело сказал он, сделав ударение на слове «вашем».

И, уже уходя, обернулся на пороге и сказал – серьёзно и тихо:

– Хочется мне, Марья Захаровна, чтобы деревни наши облик свой на века сохранили. На века! Чтобы и дети, и внуки, и правнуки наши увидели их такими, какими мы с вами их знаем и помним. И – любим... А иначе... Иначе – что им после нас на земле этой останется? Коттеджи заморские?..

«Вот есть же ещё люди на белом-то свете! – думала Марья Захаровна, глядя вслед лихо разбрызгивающей деревенские лужи легковушке. – А ругают, по телевизору-то: «новые русские», «новые русские»!.. Вот вам и «новый русский», пустомели! Нет, есть ещё люди! Есть!..»

И почему-то заплакала...

Эх, и разбередил же ей он душу своими вопросами – тогда, в тот дождливый майский вечер!.. Так разбередил, что Марья Захаровна потом до самого рассвета заснуть, как ни пыталась, так и не смогла.

Впрочем, помнится, не очень-то и пыталась: лежала с открытыми глазами, заново переживала воспоминания, вызванные из сумерек давно прошедших лет дотошным Сергеем Дмитриевичем, и вглядываясь в смутные очертания висевших на стене рамок с дорогими её сердцу фотографиями. И время от времени смахивала то с одной, то с другой щеки тихие, тёплые слёзы – непрошенные, но почему-то солоновато-сладкие, а вовсе не горькие...

Правда, не «сладилось», как он надеялся, в том году у Сергея Дмитриевича – ни в том не «сладилось», ни в четыре последующих; прочем, не у одного него...

Пришёл август, а вместе с ним обрушилась на страну и страшная беда с непонятным простому человеку названием – «дефолт»; уж это-то слово Марья Захаровна хорошо запомнила – на всю, как говорится, оставшуюся жизнь! Да и как было не запомнить, если от всех сбережений, что она не один год копила на «чёрный день», в одночасье остался пшик? Хочешь, не хочешь, а запомнишь...

Подкосила та беда и фирму Сергея Дмитриевича – да так круто подкосила, что ему, бедному, как видно, и совсем уж не до дома стало: года четыре, пожалуй, он в Буковке не появлялся...

«А теперь, вишь ты, сладилось... – уже поздним вечером, лёжа в кровати, думала Марья Захаровна. – Выстоял, видно, выкарабкался Дмитрич-то из всех этих передрыг, раз уж за дом взялся... Пойду утром, посмотрю, как там, да что там...»

Не вставая с кровати – что ни говори, а устала она за день, очень устала! – Марья Захаровна перекрестилась и попыталась уснуть. Но сон, как и в ту, пятилетней давности ночь, всё никак не хотел приходиться к ней...

«Видно, и впрямь Господь хорошим-то людям помогает, – думала она, ворочаясь с боку на бок. – Дай ему Господи, здоровья и сил, чтобы всё у него, у Дмитрича-то, получилось!.. Пусть всё у него хорошо будет: пусть и он дома строит, и мастера его срубы да прочие... эти, как их?.. Вот забыла, старая! Совсем памяти нету! Ну, Бог с ними, с этими, как их... Тьфу! Ну, ладно: потом вспомню... Пусть и мастера его, Дмитрича-то, всё, что нужно, ладят всем, кому в том надобность есть: строить – не рушить; строить – дело

благое и нужное. А тех, кто рушит, их, Господи, и так – пруд пруди: вон, с деревнями-то что случилось... Эх, Боже ж Ты мой!.. Спаси, Господи, нас, грешных, и сохрани!.. И Дмитрича – тоже... А я вот уж? встану пораньше, как Зорьку-то выпускать, да и схожу туда, к дому-то; посмотрю, что там, да как...»

Под самое утро, когда стало светать, а Марья Захаровна уже начала подумывать о том, что пора бы ей, наверное, и вставать, чтобы выпустить Зорьку в невеликое, в пять коров да две лошади, деревенское стадо, сон как-то незаметно, исподволь подкрался к Марье Захаровне и ласково смежил её старческие веки..

И приснился Марье Захаровне дом на берегу озера – не этот, в котором она прожила почти всю свою жизнь, а тот, прежний, когда-то давным-давно разрушенный страшной войной... Дом стоял на берегу, окружённый со всех сторон молодыми стройными берёзками, а Марья Захаровна – Марьяшка, как называла её мама, – совсем ещё девчонка, будто бы смотрела на него откуда-то с озера, из лодки. И было ранее-раннее утро, и из-за её спины, из-за ближнего острова, вставало солнце. Марьяшка знала, что вот именно сейчас, уже через мгновение, оно выглянет из-за вперемежку растущих на озере берёз и сосен и первыми же своими лучами осветит его, её родной дом, и отразится ими в чистых, только накануне вымытых мамой оконных стёклах, – вспыхнет в них ослепительным блеском и почти тут же и исчезнет, потому что станет подниматься всё выше и выше, в бескрайнюю голубизну необъятного неба – неба её детства, под которым она совсем недавно родилась...

Марья Захаровна спала, улыбаясь во сне, и не проснулась даже от звука громко скрипнувшей на кухне половицы. Потом в её спальню, осторожно отодвинув лёгкую ситцевую занавесь, заглянула заспанная Верка; заглянула, постояла немного, глядя на улыбающуюся во сне Марью Захаровну, и тоже невольно улыбнулась.

В окно, сквозь листву растущей в палисаднике сирени, пробился тонкий солнечный лучик; он, было, запутался в рыжих, распущенных по плечам Веркиных волосах, но тут же отразился от них и испуганным зайчишкой метнулся в сторону – сначала на висевшие на стене фотографии, а потом в угол, к иконам...

Верка, словно для того, чтобы избавиться от солнечного проказника, тряхнула головой и осторожно, на цыпочках, стараясь больше не наступать на скрипящие – она никак не могла запомнить, на какие именно – половицы, пошла во двор, – выгонять Зорьку...

«Пусть поспит... – думала она про Марью Захаровну, спускаясь босиком по прохладным и влажным от росы ступенькам крыльца. – Пусть поспит: целый день ещё впереди; на целый день забот ещё хватит...»

Пусть поспит...

ФОКИН Виктор Иванович – родился 21 октября 1939 года в г. Рудня Сталинградской области. Образование – высшее. Закончил Харьковский инженерно-строительный институт, факультет промышленного и гражданского строительства. Прошёл трудовой путь от мастера до управляющего строительным трестом. Последние 22 года – Генеральный директор проектного института. Заслуженный строитель Российской Федерации, поэт, прозаик. Автор 15 книг стихов, повестей, рассказов, песен. Участник 7 сборников псковских литераторов. Печатался в журналах: «Наш современник» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Север» (Петрозаводск), «Московский Парнас» (Москва), «Скобари» (Псков), в российских и областных газетах. Внесён в «Золотую летопись славных дел к 1100-летию г. Пскова», лауреат премий: Всесоюзного общества «Знание», ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ.

Награжден медалями: «За заслуги перед Псковом», «За трудовую доблесть», «За долголетний добросовестный труд», знаком «Княгини Ольги» – основательницы г. Пскова. Член Международного Сообщества Писательских Союзов – правопреемника Союза писателей СССР. Член Союза писателей г.-к. Анапа.

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Тень любви, как неразгаданная тайна,
Неожиданна, но вовсе не случайна.
Сам Господь послал нам эту сказку,
Только разные бывают в ней развязки...*

В. Фокин

Если бы кто-нибудь другой рассказал Григорию Ивановичу такую историю, он, хлопав рассказчика по плечу, сказал бы: «Красиво врешь, где учился?». Иногда после прошедших нескольких лет он сам тяжело верил, однако случившегося из жизни не выкинешь, да и зачем вычёркивать? Только потому, что было больно? Но ведь и счастливым он себя чувствовал! Или обманывал себя, желая этого счастья? И возможно ли оно на склоне жизни, когда тебе уже давно за пятьдесят, а точнее – ближе к другой круглой дате?

Воспоминания нахлынули вновь, и он до мельчайших подробностей представил себе то декабрьское утро 1995 года в поезде Архангельск – Ленинград.

Накануне вечером его провожал весь «мальчишник», во главе с Михаилом, 55-летие которого отмечали. Собирались редко, 1–2 раза в году, но всегда дружно. Это началось лет восемь назад, когда на одном из семинаров они решили организовать свое «братство». Люди все солидные, прошедшие невольно тернистые жизненные пути и поэтому ценившие надёжность и откровенность. Не все директора проектных институтов примкнули к этому «союзу», но семь человек постоянно поддерживали связь, добрые доверительные отношения. И, если выпадала возможность, собирались, общались, отводили душу. Время преподносило такие сюрпризы, закручивало такие виражи, что без поддержки и взаимовыручки выжить было трудно. Вот и держались друг за друга, «не раз выручали в нужный час». А новостей у всех было полно.

На свой юбилей Михаил пригласил всех ещё за месяц, чтобы никто ничего не намечал и планов больше никаких не строил. Поэтому собрались все семь человек. Юбилей

юбилеем, но в субботу Григорию Ивановичу уже надо уезжать, так как в понедельник на работу, а ещё пересадка в Ленинграде.

Утро во всех поездах всегда одинаковое – подъем, умывание, сдача белья, получение проездных билетов... Как всегда, очередь в туалет, все полусонные, с полотенцами, все торопятся. Оставалось два человека (худой, длинный мужчина да женщина в трико, плотно облегающем красивые ноги, и в бежевом свитере, подчёркивающим стройную фигуру). Длинный зашёл, долго возился, нажимал кран для умывания, потом затих. Женщина переложила полотенце с одного плеча на другое. Мужчина всё не выходил. Утром пассажиры друг на друга не смотрят, хорошего мало, но тут женщина оглянулась нетерпеливо к Григорию Ивановичу: «Он что там, застрял? Может, ему помощь нужна?» Какую помощь можно оказать человеку в туалете вагона, Григорий Иванович не представлял, принял фразу дамы за шутку, решил поддержать разговор, чтоб хоть как-то заполнить тягостное ожидание. Но в это время щёлкнул замок туалета, и женщина повернулась к двери. Однако дверь не открылась, и Григорий Иванович произнёс: «История повторяется, помните подпоручика Дуба из «Швейка»? У того, правда, обстановка поострее была». Женщина снова повернулась, уже улыбаясь: «Вы тоже любите Гашека?» Ответить Григорий Иванович не успел, дверь, наконец-то, открылась, и «длинный» вышел из туалета, спокойно складывая бритвенный прибор.

Женщина вышла быстро (явно торопилась успеть переодеться), за ней так же быстро управился Григорий Иванович. Он собрал и сдал постель, получил билет и, надев дублёнку, стоял в коридоре, поглядывая в окно вагона. Поезд приближался к перрону. Женщина оказалась из соседнего купе, подошла к окну и посмотрела по сторонам. Видев «знакомого» по очереди в туалет, спросила: – Сумку поможете вынести? – Конечно, – сказал Григорий Иванович, – может, сразу выйдем в тамбур?

– Можно. Это даже лучше.

– Что, никто не встречает?

– Еду писать диссертацию. На два месяца, поэтому и сумка тяжёлая.

– А Вы кто?

– Доцент.

– Доцент чего?

– Преподаю экономику и статистику в ВУЗе.

– Понятно. А живёте?

– Тоже в Вологде.

– Я там не живу. Был у друга на юбилее.

– Так вот почему у вас такая шумная компания была!

– А Вы что, обратили внимание?

– Меня провожала подруга и удивилась, что столько мужчин и ни одной женщины.

– А у нас «мальчишник». Традиция.

– Ну, вот и подъезжаем.

– Да...

Немного помолчав, совершенно вопреки своим правилам, зная, что выглядит это нелепо, Григорий Иванович спросил: «Телефон у Вас есть? Интересно узнать, как Ваша диссертация и защита пройдёт». Попутчица внимательно взглянула на Григория Ивановича – дублёнка, шапка из выдры, далеко не молод, серьёзен...

– До защиты ещё далеко, а телефон, если запомните, 6-31-91. Это вологодский телефон. Услышите мужской голос – это сын, он пригласит меня, я обычно к телефону не подхожу. В Ленинграде я не останавливаюсь, живу в Пушкине, в общежитии. Времени в обрез, выматываюсь, сами понимаете.

Проводил Григорий Иванович женщину до метро, сам поехал на Варшавский и только тогда вспомнил, что они даже не назвали друг другу свои имена. Но телефон запомнил. Очень просто: сумма первых трёх цифр равна десяти, сумма последних двух – тоже равна десяти. Начинается с шестёрки, потом – тройка, потом – единица, потом девятка. Всё

делится на три. А есть телефон – имя и всё остальное можно узнать. Зачем и почему эти мысли появились в голове, он даже не задумывался, но они застряли в нём, совершенно отчетливо он понимал, что имя и фамилию он узнает и женщину эту увидит. Отсутствие жеманства, простота в общении, приятная улыбка, а главное – внимательные и светящиеся, добрые глаза этой женщины притягивали, располагали к откровенности, искренности. Никакого напряжения и натянутости в разговоре не было. Кроме того, женщина была хорошо сложена, живые глаза, интересное лицо... Григорий Иванович жил с дочерью вдвоём, супруги не было давно, поэтому радовался и встречам с друзьями, и встречам с хорошими людьми. А то, что спутница была человеком искренним, он почему-то не сомневался. Надеялся на своё чутьё, а может быть, к этому добавилось ещё что-то? Что именно, он ещё не понимал, но чувствовал, что встреча эта – не последняя.

С понедельника окунулся в обычные служебные дела, добавилось забот и дома. Они с дочерью переселились в удобную квартиру (наконец-то у него будет свой рабочий кабинет и спальня у каждого своя), но больше всего он радовался кухне и большой лоджии, которая вполне могла стать комнатой, если её утеплить и настелить полы. В общем, забот полон рот, но приятных. Они с удовольствием возились и после работы, и по выходным, превращая квартиру в уютное гнездо.

Город Энск был небольшим (200 тыс. жителей), зелёным, старинным, уютным, вокруг озёра, леса. Река-красавица протекала по городу, сливаясь возле древнего Кремля с менее величественной, но не менее красивой младшей рекой-сестрой. Всё овеяно былинами, окрашено сединой древности. А уж когда весной буйно, неудержимо закипала сирень, обильно растущая повсюду, казалось, что ты утопаешь в этом дурманящем благоухании. А Григорий Иванович любил сирень с детства. Лишь совсем недавно узнал, что по гороскопу сирень – это цветок, а клён – его дерево. Клена в городе росло не меньше, чем сирени.

Февраль заканчивался, и Григорий Иванович в делах забыл о своем намерении узнать имя попутчицы, но позвонил Михаил, интересовался изменениями в связи с выходом поправок к закону об акционерных обществах. Может быть, это было не случайно? (С годами Григорий Иванович сделал вывод, что в жизни вообще почти не бывает случайностей. То, что каждому человеку написано Судьбой, всё равно случится. Или наоборот – раз случилось, значит так суждено было). Поэтому после взаимных консультаций он нагрузил Михаила заданием: узнать, кто проживает по тому телефону, и раздобыть побольше информации, особенно адрес, чтобы успеть к 8 марта послать поздравление. Сюрприз и повод для того, чтобы узнать результат трудов «доцентши».

На удивление, Михаил, человек исполнительный, родившийся и проживший в Вологде всю жизнь, с заданием не справился. Вернее, он разузнал, что телефон этот не вологодский, а пригородного поселка «Молочный», где находится молочная академия и где делают знаменитое вологодское масло. А адрес и Ф.И.О. по номеру телефона узнать не удалось, таких справок, естественно, не дают.

План у Григория Ивановича созрел молниеносно. Он сам набрал по межгороду номер, услышал мужской голос, представился работником бюро ремонта, проверяющим АТС по «Молочному». Спросил, за кем числится телефон, уточнил адрес, можно ли поговорить с хозяйкой квартиры. Сын ответил: «За Светланой Николаевной Агановой, ул. Мира, д. 9, квартира 77».

Григорию Ивановичу стало стыдно за свою проделку, но себя всегда легко оправдать. А сын Светланы Николаевны даже не заподозрил ничего, с такой готовностью и гордостью ответил, что «мамы нет, она работает над докторской диссертацией, будет дома только в начале марта». Открытка с поздравлением была написана и отправлена в тот же день.

7 марта вечером Григорий Иванович с волнением студента перед экзаменом набрал номер телефона в Молочном. Ничего не подозревающий и забывший голос «представителя бюро ремонта» сын предупредил, что мама только приехала, но пригласил Светлану Николаевну к телефону: «Мам, это тебя, кто-то незнакомый».

– Алло, я слушаю вас, – раздался её усталый голос.

– Добрый вечер, Светлана Николаевна.

В трубке – молчание. Она забыла и встречу, и случайного попутчика, и не понимала, с кем говорит.

– Никогда не догадаетесь, кто вас беспокоит, – продолжил тем временем Григорий Иванович. – Вы поздравление с праздником получили?

– Да, это от вас? Почему только инициалы вместо имени?

– Это всё равно вам ничего бы не подсказало. Ведь мы с вами даже не знакомы.

– А вы кто? И откуда знаете моё имя?

– Вы мне дали свой телефон, помните, в вагоне два месяца тому назад? Остальное – дело техники, да ваш сын помог. Кстати, как движется ваша диссертация?

– Ах, вот это кто? Как же, вспомнила. Так вот, значит, кто меня тут спрашивал. Сергуня, простофиля, всё выложил на блюдечке. Вы-то хороши!

Она вспомнила попутчика, немолодого, приятного, начинающего лысеть, что, впрочем, его совершенно не смущало. Довольно строен, со вкусом был одет, очевидно, состоятелен...

– А что же прикажете делать? Не могу же я быть, как Ванька Жуков. Мало того, что писать поздравление не знаешь кому, да ещё и неизвестно куда. Это даже не «на деревню, дедушке». Так как же ваша диссертация?

– Ничего, движется, но работы ещё очень много, через месяц снова еду к руководителю. А финиш только к концу осени.

– Ну, ни пуха, ни пера! Ещё раз с праздником, спокойной ночи!

– Минуточку, может быть, вы всё-таки скажете, как Вас зовут?

– Григорий Иванович.

– Спокойной ночи, Григорий Иванович.

Уставшая после дороги, Светлана Николаевна побрела на кухню пить чай. Станный незнакомый, странный звонок, это поздравление... Она ничего не понимала, да и не хотела сейчас ничего, кроме одного – чай и спать.

Светлана Николаевна давно отнесла себя к категории женщин, у которых главное – работа и дети. Остальное – как получится. Она дважды побывала «замужем». Серёжка – сын от первого брака – рос умным, трудолюбивым мальчиком, с каким-то своим восприятием окружающего. О таких обычно говорят: «Не от мира сего». Нет, он не был хлюпиком и маменькиным сыночком, хотя любил её сыновней любовью, гордился ею и очень старался быть достойным её. Но вот цель у него в жизни была, можно сказать, необычная: стать хорошим бухгалтером, а потом великим экономистом, как Леонтьев. Мать полушутя – полусерьёзно поощряла выбранный сыном путь, зная, что в свои 18 лет Серёжа сделал для этого много. Школу закончил с медалью, поступил в институт. Компьютер освоен, английским владеет неплохо и продолжает учиться на курсах, читает серьёзную литературу (Платон, Сократ понятны не каждому взрослому). Пристрастия к «гулянкам» не было, хотя на дискотеки бегал и спортом занимался (для себя, чтоб мышцы не были дряблыми). Ему и посвятила себя Светлана Николаевна. В мужиках разуверилась. А чтобы быть, как говорится, «на плаву», защитила кандидатскую, стала доцентом, теперь вот докторская, а конца-края не видно. Хотя уверенность была, но терпение и силы тоже не бесконечны. Уставала «зверски», так как ещё приходилось и подрабатывать – жить-то надо. Она не поняла, собственно, каким образом получилось, что она, вопреки «железному» правилу, ни с того ни с сего дала совершенно постороннему, незнакомому мужчине свой телефон, разоткровенничалась. Но это потом, потом, а сейчас – выспаться...

На другом конце «связи», у Григория Ивановича всё было совсем наоборот. Не до сна. Собственно, никаких планов у него не было, но... Он не давал себе отчёта, зачем всё узнавал, зачем звонил. Мальчишество... Однако же разговор состоялся. С одной стороны, хорошо, что его всё-таки вспомнили, что незнакомка теперь – знакомая, но в глубине души появилось странное, нелепое чувство обиды, что его она даже не вспомнила, звон-

ка не ждала и разговор поддержала, очевидно, только из вежливости. «А чего, собственно, можно ждать от человека, только что переступившего порог квартиры?» – оправдывал он Светлану Николаевну. Он усиленно пытался создать значимость состоявшегося «знакомства» и для неё, хотя понимал, что это только его желание. «Нет, так нет», – подумал он и решил больше не звонить. Но к концу недели, в пятницу вечером, когда, по его соображениям, очень занятой человек может быть уже дома и, что вполне вероятно, переключился на менее важные вечерние домашние дела, он решил позвонить Светлане Николаевне под предлогом, например, узнать, как прошли праздники и чем занимается вечером доцент-статистик. Но, к его удивлению, никто на его звонок не ответил. «Вот и хорошо, чему быть – того не миновать», – резюмировал он.

Суббота выдалась солнечной и не по-мартовски морозной. Снега было ещё много, наст крепкий, и они с дочкой решили взять с собой термос с крепким чаем, бутерброды и махнуть с собакой пешком на «дачу» (недостроенный дом с участком и посаженным садом), а там и до лесопарка недалеко. Будет желание – можно походить на лыжах. А что? Туда 5 километров, обратно 5, какие проблемы? Сборы недолгие. Рэм уже всё понял, принёс ошейник с поводком, совал в руки обувь, всем видом показывая, что он только этого и ждал. Для него любая вылазка из дома – праздник.

Возвратились поздно, усталые, мокрые. Настя по-хозяйски приготовила обед (а, может, скорее ужин). От избытка кислорода и впечатлений Рэм даже не всё доел, Настя задремала перед телевизором, а Григорий Иванович решил отвести душу – почитать, что удавалось редко. Работа выматывала, особенно если учесть, что «перестройка» становилась страшной чехардой. Но вчерашнее молчание телефона в Молочном его заинтриговало. Окучивая деревья в саду, он прикидывал варианты, которые могли стать причиной того молчания. Какое, собственно, ему дело? Но всё-таки интересно, где можно пропадать в пятницу вечером? А если она была приглашена кем-нибудь, куда-нибудь? Почему бы нет? Но эта мысль задела его, и рука потянулась к телефону. Если это действительно так, то, по крайней мере, всё станет определённо ясно, и можно будет больше не звонить вообще. Найдя, таким образом, оправдание, он набрал номер, взглянув при этом на часы, висевшие в квартире в каждой комнате. Было 17-36. Ожидая услышать Сергея, Григорий Иванович несколько растерялся, когда её усталый голос ответил: «Слушаю вас... Алло!»

- Добрый вечер, Светлана Николаевна.
- А, это Вы, добрый вечер.
- Вы что, работаете? У Вас голос уставший.
- Да, вчера и сегодня принимала заочников. Зарабатываю.
- И в выходные?
- Приходится.
- Я тоже вкальваю. И по вечерам иногда, и в выходные, дом достраиваю.
- Я слышала, отпирала дверь, но не успела. Думала, подруга звонит, позвонила ей – говорит, что не звонила. Потом решила, что мама из Москвы. Оказалось – тоже нет, только переполошила их с отцом. Так что Вы снова меня озадачили.
- Вам это неприятно?
- Просто у меня нет времени, сижу над диссертацией.
- Так Вам и звонить нельзя?
- Почему, можно, если не часто. Пообщаться полезно, да и перекур нужен.
- Вы курите?
- Нет, просто выражение такое. Я не люблю курящих, особенно женщин.
- «Слава Богу, что я не курю», – подумалось Григорию Ивановичу.
- Вы что там замолкли? – спросил Светлана Николаевна.
- Да нет, просто поперхнулся.
- Что, курите?
- К счастью, нет, вообще не курю.
- А Вы чем сегодня занимались? – последовал неожиданный вопрос.

– Ходили с дочкой и с собакой на дачу.
– Пешком?
– Да, у нас дача на окраине города. Всего пять километров. Окучивали последний снег в саду.

– Жену одну дома бросили?

– Нет, мы живём втроём: дочка, собака и я.

Последовало молчание. Потом изменившимся тихим голосом она спросила: «А Вы кто? В смысле – кто по специальности, где и кем работаете?»

– А как же ваше драгоценное время?

– А который час?

Часы показывали 18-00. Они незаметно проговорили 24 минуты. Поэтому он спросил: «Ругать не будете? Говорим почти 25 минут?»

– Раз уж вопрос задан – отвечайте.

Задетый таким тоном, Григорий Иванович съязвил: «А что, если я работаю сантехником, зависит – будете ли Вы со мной общаться?»

– Да, с сантехником общаться неинтересно. Но Вы не сантехник, поскольку мы проговорили столько времени.

– Выходит, я болтлив?

– Но мы же оба участвовали в разговоре. И потом – Вы обо мне уже столько знаете, а я ничего о Вас.

Совершенно неожиданно для себя разоткровенничался и Григорий Иванович. Но очень сжато, так как всё время поглядывал на часы, боясь «переборщить».

– Светлана Николаевна, есть предложение: на сегодня прекратить вечер знакомств, чтобы был повод позвонить Вам завтра, если не возражаете. Ведь завтра – воскресенье.

– Не возражаю. Только я буду дома до 16-00, а потом поеду к подруге. Когда вернусь домой, не знаю.

Пожелав спокойной ночи, Григорий Иванович обождал, пока Светлана Николаевна положила трубку, потом аккуратно опустил свою и ещё некоторое время смотрел на неё, будто ожидая, что она вдруг зазвонит. Рэм повизгивал во сне (наверное, гонял кошек), Настя сладко посапывала в кресле. Григорий Иванович выключил телевизор, перенёс спящую дочку на её кровать, осторожно прикрыл дверь, пошёл в свою спальню и прилёг почитать. Он любил читать лёжа. Если начнёшь засыпать, можно протянуть руку и выключить бра, висевшее над головой, не надо вставать. Встанешь – прогонишь надвигающуюся дрему, а он любил эти минуты. Но сегодня не спалось и даже не читалось, хотя в руках он держал «Юконского ворона» любимого им Сергея Маркова. Он искренне уважал этого удивительного человека и за жизнь, которую он прожил, и за творчество.

В воскресенье днём Григорий Иванович не звонил. Во-первых, он понимал, что до 16-00 она будет сидеть над диссертацией. Что-то ещё его останавливало. Он даже не мог понять, что ему просто необходимо было разобраться в себе и как-то сформулировать всё, происходящее в нём самом. Это было похоже на чувство, когда видишь не умеющего летать птенца, который затаился в траве, и ты замираешь, боясь спугнуть, и борешься с желанием взять его в руки, чтобы найти гнездо и посадить его туда. Но нужно ли это птенцу? Может быть, где-то рядом сидит перепуганная мать и ждёт, чтобы ты просто отступил назад и обошёл это место? Какой-то маленький тёплый комочек затаился в нём самом, и он боялся, что этот комочек вдруг исчезнет. Во-вторых, надо было сходить на работу и доделать кое-какие расчеты по частному заказу. В понедельник обещали заплатить. Он ждал вечера. Не просто вечера, а позднего. Он не хотел, чтобы на его звонок никто не ответил, вернее, чтобы её не оказалось дома. Посчитав, что будет неприлично звонить после 22 часов (может быть, человек утром встаёт рано, поэтому и ложится не очень поздно), он набрал номер.

Трубку подняла Светлана Николаевна. К ноткам усталости в её голосе добавилось что-то похожее на раздражение или на разочарование.

– У Вас что-нибудь случилось? – спросил, поздоровавшись, Григорий Иванович.
– Как раз наоборот. Совершенно ничего не случилось.
– Может быть, я не вовремя позвонил?
– Нет. Я уже не работаю.
– А как поездка к подруге?
– Я никуда не ездила. Сначала ожидала вашего звонка – Вы ведь не закончили вчера свой рассказ. А потом решила побыть дома, тем более, что была уже половина шестого.

Почувствовав скрытый упрёк и раздражение в голосе Светланы Николаевны (что можно было понять), Григорий Иванович не расстроился, а обрадовался. Она ждала его звонка! А он целый день промаялся сам и человека заставил просидеть дома в воскресенье. Да, нехорошо, конечно, получилось, но ведь конкретного времени вчера никто не назвал. В чём тогда его вина?

– А я считал, что Вы отдыхаете с друзьями, а днём не хотел мешать Вам работать.
– Я понимаю, что сама виновата, расслабилась. Вообще, у меня это редко бывает. Наверное, усталость накопилась. Вы не обращайтесь внимания. Сегодня я уже своё отработала. Так на чём Вы вчера остановились? Да, помню, на том, что Вы какой-то начальник, а не сантехник, что Вы строитель и странник. Вы не могли бы остановиться на этом слове поподробнее?

Чувствуя искренний интерес, Григорий Иванович рассказал, что работал и в Забайкалье, и в знаменитом Усть-Илимске, исколесил казахские степи и Среднюю Азию. Когда он упомянул, что судьба в юности забросила его даже в Заполярье, Светлана Николаевна вдруг проявила повышенный интерес. Оказалось, что она в детстве тоже жила в Заполярье. Её отец – подводник, водил караваны на Дальний Восток по Северному морскому пути. Дослужился до капитана 1 ранга, и сейчас они с мамой живут в Москве.

Напряжение первых минут исчезло. Незаметно летело время, пока Григорий Иванович не услышал в трубке:

– Бог мой, уже одиннадцать скоро! Я Вас пуцую «по миру»! Всё, на сегодня прекращаем. Мне завтра рано вставать – первая пара.

– А когда продолжим? – спросил Григорий Иванович, уловив слова «на сегодня прекращаем», что означало – разговор будет продолжен.

– Пока не знаю, Вы ведь тоже человек занятой, да ещё ваш пёс, его выгуливать надо. Как его зовут? Что за порода?

– Рэм, ризеншнауцер.

– Спокойной ночи Вам, Насте и Рэму.

– Спокойной ночи, привет Сергею!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Как казалось Григорию Ивановичу, их разговоры превратились в какие-то исповеди двух долго молчавших людей. Получалось, что каждый из них приоткрывал друг другу дверцы в свою жизнь, сделав слушателя участником судьбы рассказчика. Они как бы доверили часть своей жизни (пусть и прошедшей) постороннему (но не чужому) человеку, достойному этого доверия. Они доверились(!) друг другу, сами того не сознавая, но внутренне почувствовав, что можно довериться! Они уже знали друг о друге столько, что казалось – жили до этого рядом и что прошедший период жизни проходил у них на виду, с их участием. Рассказы и признания были искренними, Григорий Иванович чувствовал, что если что-то доверяешь человеку – то полностью, без прикрас (или уж лучше вообще не говорить), что не может в жизни всё быть или только белым, или только чёрным. Ничего нельзя украшать, придумывать. Что от этой неискренности может порваться невидимая нить, соединившая странным образом двух очень разных людей, совершенно незнакомых и почти забывших внешность друг друга.

Его смущало только ощущение, что в каждом рассказе Светланы о последних годах жизни всё время образовывался какой-то вакуум, или точнее – оставалось нечто за закрытой дверью запретной комнаты, куда его не допускали. От этого туда, в эту запретную комнату, хотелось проникнуть ещё больше. Только когда его туда впустят?

Григорий Иванович своих чувств не скрывал ни по телефону, ни в письмах, которые Светлана Николаевна перечитывала, как литературные произведения, и просила его об одном – не торопить её, чтобы всё не испортить, не спугнуть то, что в ней зарождалось. В одном из писем он признался, что соскучился, что хочет не представлять её в воображении, а видеть наяву, что начал забывать, какая она. Ответом был телефонный звонок. С обидой в голосе она произнесла фразу, которую Григорий Иванович не знал, как воспринять: то ли в шутку, то ли всерьёз: «Не ожидала, что меня можно забыть! Я ведь лучше всех». Пришлось ему всё обращать в шутку. Скоро это забылось, на время.

А между тем март заканчивался, становилось тепло, начиналась капель – пора пробуждения. Однажды Светлана Николаевна объявила, что уезжает на две недели в Ленинград на консультации.

– А Вы не считаете, что нам пора назначить свидание? – вдруг спросил Григорий Иванович.

– Наверное, пора. Да, – последовал ответ.

– Где и когда?

Встреч была назначена в Пушкине, где обычно проживала Светлана Николаевна, на вокзале. Место демократичное, найти легко, и удобное во всех отношениях. Можно сесть в электричку и уехать побродить по Питеру.

В назначенное время (с запасом – минут пятнадцать) Григорий Иванович с водителем подъехали на машине к вокзалу в Пушкине. Он шел с мыслью: «Как её узнать? Лицо её он помнил очень смутно, а условный знак (она сказала, что будет читать газету или журнал) мог быть у нескольких женщин. Вокзал есть вокзал. Чем там ещё заниматься, ожидая поезда? Но волнение оказалось напрасным. Только одна женщина читала газету, и Григорий Иванович, увидев эту женщину, вспомнил, узнал Светлану Николаевну, как и она его. Она пошла ему навстречу, как только он повернулся в её сторону, войдя неуверенно в вокзал. Совершенно произвольно они улыбнулись друг другу и протянули обе руки. Потом она мягко, спокойно, доверчиво положила свою на согнутую в локте его руку, почувствовав неожиданно для себя, какая рука крепкая и большая, и произнесла:

– Раз уж так случилось, я, сидя здесь, подумала, что завтра – суббота, зачем взрослым людям бродить в слякоть по Питеру? Знакомиться, так знакомиться. Может, лучше едем к вам? Это удобно?

– А вы согласны? Конечно! И Настя будет рада. Она знает, что я уехал на свидание с Вами.

– Это хорошо. А почему Вы без цветов? От волнения?

Действительно, от волнения он забыл цветы в машине. Они сидели на заднем сиденье, как школьники, держались за руки и изредка поглядывали друг на друга. Первые напряженные минуты прошли, а сказать хотелось так много, что оба пока предпочитали молчать или улыбаться друг другу. Потом разговорились. Обращались ещё на «Вы». Светлана Николаевна окончательно покорила Григория Ивановича, спросив: «Может быть, нам будет легче, если мы перейдем на «ты»? Он с благодарностью, молча пожал её руку – настолько всё естественно и просто произошло. Дорога, апрельское солнышко делали своё дело, и Светлана Николаевна незаметно задремала, положив голову на плечо Григорию Ивановичу, как бы полностью доверив себя ему.

Обычно тягучих и томительных три часа пролетели быстро. Они сделали одну остановку, чтобы перекусить, немного походить и погреться под таким щедрым в тот день солнцем. И поговорить. Будто они ещё ничего не сказали друг другу и не будет у них впереди свободных, только им принадлежащих двух дней, и как будто не было целого марта вечерних откровений. Теперь, видя друг друга, они воспринимали всё по-новому, с не меньшим интересом. Хотелось знать друг о друге больше и больше. Всё!

Два дня трепетной, певучей радости пролетели, как сон. Начиная с момента, когда Светлана Николаевна переступила порог и поцеловала, обняв, Настю, Григорию Ивановичу показалось, что она была здесь, жила, но только долго отсутствовала. Настя не отходила от неё ни на шаг, тянулась к этой чужой, но уже близкой женщине, как росток, желая вобрать в себя её свет и тепло. С утра до вечера суббота и воскресенье были посвящены походам по городу, посещениям музеев, выставок, просто гулянию. Хотелось показать гостю всё самое привлекательное, подарить что-то необыкновенное. Но Светлана Николаевна то ли в шутку, то ли всерьёз шепнула, прижавшись: «С подарками – осторожно, я женщина дорогая и капризная». Он рукой почувствовал её тугую грудь, волнующую воображение, и не смог толком вдуматься и оценить сказанную фразу. Она действительно одевалась со вкусом и пользовалась дорогой косметикой. Если надевала какие-нибудь украшения, то они были оригинальными и, очевидно, не дешевыми.

В эти дни всё было необычным и прекрасным. Даже природа, не очень часто радовавшая солнечными днями, решила не омрачать этот праздник. Настя неустанно «работала с камерой», то забегая вперед, то отставая, то заходя сбоку, вызывая искренний смех у участников «съёмки».

После гулянья Настя «села на телефон», а Светлана Николаевна с Григорием Ивановичем пошли на кухню готовить обед, не прекращая делиться недосказанными, недоговорёнными откровениями. Увлекаясь, смотря на друг друга тёплыми и какими-то затуманенными глазами, с иным, чем ранее, интересом, забывали об обеде, беспричинно улыбались и совершенно неожиданно (а может быть, как раз и ожидая этого?) потянулись друг к другу. Объятие и поцелуй были такими естественными, долгожданными для обоих, что они забыли, где они, для чего и сколько времени. Его пьянили её запах, её упругое тело, прижавшееся к нему и дрожавшее, как от озноба. Она чувствовала, как он напрягся, чувствовала его желание, его сильные руки и, казалось, растворялась в нём. Очнувшись от того, что зашипел закипевший и выливающийся на плиту бульон.

– Придется заканчивать начатое, – шёпотом произнесла Светлана Николаевна, освобождаясь из рук Григория Ивановича.

– Да. А то Настя нам обоим выговор сделает.

– Я думаю, что она понимает и простит нас. Мы, женщины, более внимательны и наблюдательны. Она нас обоих прекрасно «вычислила» и поняла. Думаешь, она напрасно «села на телефон»?

– Я даже не подумал об этом.

– А я даже уверена, что она пообедала и убежит к подруге. Понял, умница? Она догадливей, чем мы. Нам необходимо побыть вдвоём, наедине.

Светлана Николаевна сама не понимала, что с ней происходит. Обычно сдержанная, она не узнавала себя. В ней прорвалось щемящее душу, светлое и теплое чувство ребячьего восторга, уже забытого, долго и монотонно придавливаемого долгом, обязанностями, необходимостью успевать, бороться, добывать, без передышки, без чьей-либо помощи. Устала быть одновременно и хозяйкой, и хозяином, тянуть эти оглобли и чувствовать себя клячей, запряженной в телегу, бредущей по нескончаемой дороге. Всё это осталось там, дома, а здесь было легко, тепло. Она чувствовала это тепло, исходящее и от этого мужчины, и от этой уже взрослеющей девочки, и даже от ревновавшего сначала Рэма, который принял факт появления нового члена «стаи», как неизбежность.

Обед прошел оживлённо при многозначительных взглядах Насти на взрослых, которые не столько ели, сколько разговаривали, глядя друг на друга глазами, в которых горели какие-то бесята. Улыбки не сходил у всех с лица. Потом пошли посмотреть результаты дневных «съёмок» и снова хохотали друг над другом, вызывая недоумение Рэма, привыкшего к тишине и покою.

Настя действительно убежала вскоре к подруге, и они остались вдвоём...

Проводы в Пушкин были такими же тёплыми, как и встреча. На прощание Григорий Иванович, в качестве сюрприза, предложил совместно провести отпуск после защиты,

сюрприз Светлана Николаевна приняла с удовольствием. На вопрос, где бы она хотела отдохнуть, она ответила: «Всё равно где, главное – с тобой».

Расставались без печали, без тягости, обычно присутствующих в такие минуты. Знали, были уверены, что это – перерыв перед новой, ещё более радостной встречей.

Время шло, отношения становились всё более ясными и откровенными. Григорию Ивановичу казалось, что они негласно дали друг другу согласие быть вместе, только Светлана Николаевна снова просила его не торопить её с ответом. Что-то её сдерживало, а у него при этом возникало ощущение, что осталось у неё что-то недосказанное ему, запретное.

Совершенно спокойно он принял по-хозяйски деловое предложение Светланы Николаевны «звонить поменьше, не растраниживать бюджет, а чаще писать и побольше», правда, при этом предупредила, что сама писать не любит, да и времени не хватает и чтоб не обижался. В ней снова завелась пружина, заставляющая всё взвешивать, вычислять, отсеивать мешающее, устранять преграды, тормозящие её продвижение к цели. Главное, чтоб это было удобно Ей, чтоб это Её устраивало и не ограничивало Её возможности и привычку самой определять, что ей нужно и когда. Она предупредила Григория Ивановича, чтоб обязательно звонил, если что-нибудь задумает предпринять или приехать.

Это несколько удивляло и до некоторой степени задевало Григория Ивановича в этой сравнительно молодой, целеустремлённой женщине, успевшей столько пережить и столького добиться. Он всячески оправдывал её фразу «чтоб это было удобно Мне», понимая, что по-другому, наверное, она не может, но ему был неприятен этот признак эгоизма.

Он решил сделать то, что он мог, чтобы помочь ей и в работе, и в подготовке, и в самой защите. И материально, и морально, и физически. На какое-то время он решил подчинить свои привычки, интересы и возможности её цели. Ведь время не стоит на месте, придёт и этот час. Он верил, что всё закончится победой. Её победой, а значит – их победой.

Настя не обижалась. Они с отцом давно жили вдвоём, и она всё понимала, как взрослый человек. Все переживания отца, все его служебные дела были ей известны, секретов в доме не было вообще. Она даже самое сокровенное – ухаживание мальчишек, поверяла отцу. Это было естественно, несмотря на то, что 9-й класс – уже серьёзный возраст, и у неё, вполне осознанно, могли быть свои секреты. Но всё, что делал и чем жил отец, было её делом, воспринималось, как естественная необходимость. Светлану Николаевну она приняла сразу, без оглядки, без сомнений. Отец не мог ошибиться и привести в дом «чужого», «чуждого» человека. Было ощущение, что она знала эту женщину давно, много лет, только никак они не могли встретиться, и наконец-то всё стало на свои места.

Чем ближе к осени, тем больше нарастало напряжение. Не хватало средств на бумагу, печатание, редактирование, получение рецензий и т.д. и т.п. Светлана Николаевна нервничала, и Григорий Иванович поддерживал и помогал ей, чем мог и как мог. Главное – оплатил аванс, без которого не начинали печатать книгу. Они дважды ездили на машине в Молочное, помогали Сергею полоть на даче сорняки, по хозяйству, чтобы Светлане Николаевне было спокойнее. Однако каждый раз она была недовольна тем, что он предварительно не предупредил её об этом по телефону. Светлана Николаевна теперь больше была в разъездах, чем дома. Её заботам и проблем не было числа, но она с упорством альпиниста и чёткостью механизма преодолевала их, зная, что другого пути нет. Наконец-то книга была закончена. Наступила пора «терпения». Терпения во всём, даже в капризах рецензентов.

Защита была назначена на вторую пятницу октября. Григорий Иванович писал успокоительные, бодрые письма чуть ли не через день. И, хотя ответы получал редко, не обижался, всё понимая и переживая не меньше самой Светланы Николаевны. Он хотел приехать в Питер на защиту, чтоб и поддержать, и помочь, если понадобится, но неожиданно Светлана Николаевна резко запротестовала, твердя, что это Ей не нравится, она этого не хочет, что приедут подруги – будет кому и поддержать, и помочь накрыть фуршет.

«Даже если ты приедешь тайком, я обижусь. Дай слово, что будешь ждать меня дома». Он дал слово, хотя совершенно не мог понять, почему его присутствие так нежелательно. Было странно и то, что она не подумала, а каково ему будет эти два дня в неизвестности. Но, может быть, она права. Это её день. Правда, он надеялся, что это будет и его день, их день. Смутный рисунок «закрытой» двери снова проявился и медленно растворился, рассеялся в заботах, связанных со встречами.

Они с Настей закупили продуктов, наготовили всякой всячины, ожидая дорогую гостью и пытаясь чем угодно «загрузить» вечер пятницы и субботу до приезда вновь испечённого доктора наук. Каким поездом приедет Светлана Николаевна – неизвестно. Телефон молчал, что было самой большой пыткой, как и любая неизвестность.

Ближе к полуночи, когда уже перестали ждать и собрались спать, раздался звонок.

– Гриша, ты будешь нас встречать? – это была Светлана Николаевна.

– Где и во сколько? – только и спросил.

– Прямо сейчас. Мы с Людой уже на вокзале, только что приехали.

– Уже иду.

Григорий Иванович быстро оделся, пошёл с Рэмом на вокзал, благо было недалеко. Пустынные ночные улицы усилили эффект неожиданного приезда Светланы Николаевны с Людмилой. Он даже не пытался понять – почему ночью, почему сутки не звонила, да это и не имело теперь значения. Главное – защитилась? Хотя бы это она могла сообщить? Или что-нибудь случилось? Они с Рэмом ускорили ход и, увидев женщин уже на привокзальной площади, пробежали последние 25-30 метров.

– Что случилось? – вместо приветствия произнёс взволнованный Григорий Иванович.

– Как что? Защитилась! – она поцеловала его и потрепала Рэма по голове.

– Почему не позвонила? Мы уже здесь не знали, что и думать.

– Всё расскажу дома. Пошли быстрее, мы голодные и устали. Настя спит?

– Нет, ждёт, греет чай.

– Чаем не отделаетесь, – заметила Людмила.

Когда они пришли домой, стол был накрыт, чай готов. Настя всё сделала и ждала гостей. На столе стоял букет белых хризантем – любимых цветов Светланы Николаевны, купленный им ещё в пятницу. «Когда же она всё успела?», – только и подумал Григорий Иванович, с благодарностью чмокнув дочь в щёчку.

Первым делом поздравили Светлану Ивановну с окончанием мук, с успешной защитой. Они с Настей вручили виновнице торжества кожаный кейс с кодовыми замками, калькулятором «Ситизен» и письменный прибор на стол доктору наук. Подарок как будто понравился, хотя особого восторга Светлана Николаевна не проявила. Она вообще любые подарки принимала довольно сдержанно, как само собой разумеющийся факт. Главное – достоин ли Её этот подарок? Сдерживая себя, Григорий Иванович ждал подробного рассказа о защите. Когда произнесли тост, поели, он не выдержал:

– Хватит нас мучить. Начинайте.

Рассказывали женщины наперебой, пытаясь ничего не упустить, даже курьёзный процесс одевания, чтобы Светлана Николаевна выглядела посолондней (уж слишком молодая она была на фоне маститых «китов»).

Григорий Иванович уловил себя на мысли, что он так и не услышал того, что было причиной, препятствующей его присутствию на защите. Посторонних туда допускали, да никто бы и не обратил внимания. Она стеснялась его? Или не хотела, чтобы он что-то увидел? Так он и не собирался объявлять о своём присутствии, тем более на фуршете, где, естественно, его появление, мягко выражаясь, было бы неожиданностью. Он хотел только одного – посидеть в сторонке и услышать, как она будет доказывать, отвечать на вопросы, и, главное, оказаться рядом, если вдруг это будет необходимо, не мучаясь от неизвестности, а услышать результат и так же потихоньку уехать домой. Что-то во всём этом было ему непонятным, а неясностей он не любил. Не любил из-за того, что над ними надо «ломать голову». Кстати, о фуршете и о субботе практически ничего рассказано не

было. Нет, так нет. Спать легли уже под утро. Впереди воскресенье, торопиться никуда не надо, но она быстро уснула, поцеловав его и виновато прошептав: «Больше ничего сегодня не могу».

Днём пошли в город, показать Людмиле достопримечательности. Глядя на буйное разнообразие осенних красок, щедро позолотивших деревья под тёплыми ещё лучами октябрьского солнца, Светлана Николаевна пребывала в состоянии, когда ещё не до конца осознаёшь, что произошло, что ты сделал нечто такое, что проложило черту между прошлым и будущим. Будущее было неясным, но чем-то большим, светлым, радостным, как само осеннее солнце в лёгкой загадочной дымке, которое рассеет эту дымку и засверкает так, что больно смотреть, согреет своими лучами, и так будет продолжаться бесконечно. Вспомнился вечер после защиты, восторженные хвалебные речи и тосты, пожелания блестящей карьеры молодому доктору наук. Кто-то произнёс фразу, что « в таком возрасте и уже доктор! Так и в академики недалеко!» Это будоражило, ласкало слух, тешило самолюбие.

– А что, – мелькнула короткая мысль, – почему бы и нет?

Она ещё раз уловила себя на этой мысли, когда Леонид Львович, теперь уже бывший оппонент, произнёс на ушко, прижимая её локоть к своей груди: «Ну, что, теперь к нам, в Москву? Вы же знаете, как я к вам отношусь, сделаю всё возможное». Ухаживал он галантно и давно, когда ещё Светлана Николаевна начинала работу над диссертацией. Она не давала никаких обещаний, но и не отталкивала его. Он был приятным, влиятельным. Но главное – не в нём. В актовом зале сидел прилетевший, несмотря на запрет, её Мучитель. История их любви началась ещё в период второго замужества – самой нелепой страницы её биографии.

Нелепостью было уже то, что она вышла замуж за человека, которого не любила. Преподаватель физкультуры в институте, где учился Серёжа, по-отечески опекал его, зная, что Светлана Николаевна разошлась с мужем. Эта опека, постоянное его присутствие у Серёжи в комнате, завязавшаяся между преподавателем и учащимся дружба привели к тому, что она привыкла к этому присутствию, принимая всё за чистую монету, она радовалась, что у сына появился друг, серьёзный и опытный человек. Человеком он был неинтересным, но ненавязчиво приучил её к знакам внимания, к всё более затягивавшимся вечерним посиделкам и «чаям», к постоянным субботним и воскресным вылазкам, «основной целью» которых было физическое развитие Серёжи, его лёгких, его рук, ног, грудной клетки и т.д. И Светлана Николаевна незаметно «утонула» в этом, кажущемся искренним внимании к сыну, которому нужен отец.

Свадьбы не было. Расписались не у себя в Молочном, а в Вологде, чтоб не афишировать событие. Но скоро, очень скоро стало ясно, что этому «другу» нужна была она, вернее, её тело и её жильё, прописка в её квартире. Совместная жизнь стала мукой. Развод и «битва» за жильё стали неизбежны. Хорошо, что хоть закончилось всё благополучно.

Именно в это время и произошла вечеринка, посвященная дню рождения Людмилы. Светлана Николаевна с удовольствием поехала в город.

Праздновали день рождения в ресторане. Людмила могла себе это позволить – муж моряк, служит в Северодвинске. Обстановка более чем располагающая. Друзья мужа Людмилы, её подруги – все знакомые, кроме одного – капитана третьего ранга, сослуживца Людмилиного мужа, получившего отпуск. Светлану Николаевну посадили рядом с ним. А дальше завертелась карусель-вьюга, от которой было и жарко, и холодно. Влюбилась ли она? До сих пор сама ответа дать не может. Это было, как торпедная атака. Взрыв должен был произойти. Он был неизбежен. Письма, тайные встречи, туман в голове... Что это? Страсть? Любовь? Но и вихрем приходит конец. Освежающим душем была «новость», сообщенная Людмилой, узнавшей о романе: у него не хватало мужества честно сказать, что есть семья, есть дочь и сын. А у Светланы Николаевны не хватило твёрдости и силы воли оборвать это сразу и навсегда. Письма по-прежнему шли лавиной, она на них не отвечала, но хранила. Слыша его голос по телефону, вздрагивала, понимая, что сейчас

снова услышит признания, клятвы о его решении всё оформить официально и с семьёй, и с ней. Но дальше этих телефонных обещаний дело не двигалось. Да она и не хотела этого. Чувствовать себя воровкой было невмоготу.

Григорий Иванович оказался «спасательным кругом». Всё стало на свои места, решение пришло как бы само собой. И вдруг – приезд Мучителя в Вологду, а потом и на защиту в Ленинград был ещё одним испытанием. Она его чудом выдержала, а может быть, это была судьба. Светлана Николаевна боялась встречи с Григорием Ивановичем. Она не могла, не хотела, не имела права обманывать этого человека и не находила силы рассказать всё, боясь его обидеть и потерять. Спасением были время, которое всё расставит по местам, и поездка в Энск, где её ждали и где можно было с Людмилой укрыться от неожиданно нагрянувшего Мучителя. А ещё была надежда, что Григорий Иванович никогда ничего не узнает, пока она не расскажет всё сама, если это нужно будет. Со временем.

Она очнулась, услышав вопрос Григория Ивановича: «Так когда едем отдыхать? Что тебя ещё сдерживает?».

– Ни-че-го! Едем! Вот только сдам документы на утверждение в Москве да дома наведу порядок. Сергуня тоже ждёт-не дожждётся. Я тебе из дома позвоню, на когда брать билеты. Кстати, куда едем?

– Во-первых, летим. Во-вторых, к морю и солнцу. А в третьих, ты же сказала, что тебе всё равно куда – лишь бы со мной. Так что – сюрприз. Ты загранпаспорт оформила?

– Оформила. Думала, не дадут. Я ведь никуда не ездила, всю жизнь была «невыездная». Из-за папы. Теперь уже можно. Едем надолго? Дети одни управятся?

– Дней на 8-9. С дорогой. Большие уже, управятся.

В конце октября Светлана Николаевна позвонила, что взяла отпуск на две недели, ей положено. Можно собираться в дорогу. Только как одеваться? Здесь холодно, там будет жарко. Решили, что тёплую одежду оставят в аэропорту, в камере хранения. Есть такая услуга для вылетающих на отдых за границу.

Когда объявили регистрацию на рейс «Москва – Хургада» и Григорий Иванович сказал, что им пора, что это их рейс, Светлана Николаевна спросила: «Это где?»

– Африка, Египет, Красное море, – не выдержал Григорий Иванович и «выложил» сюрприз.

– Дай я тебя поцелую, не ожидала. Первый раз – сразу Африка. Даже не верится. Дорого?

– Это уже другой вопрос. Это тебе подарок за докторскую.

– Не слишком ли много подарков? Как бюджет?

Экономист в ней не засыпал никогда. А точнее – необходимость всю жизнь считать, выкраивать, подрабатывать, чтобы выглядеть прилично и достойно. А сюрпризы и подарки принимала, как должное. «Раз дарят – значит, могут». Во что это обходится, она не задумывалась, хотя Григорий Иванович уже столько оказывал в период подготовки диссертации «материальную помощь», что она пыталась его сдерживать, зная, что с неба ему ничего не сыплется. Но раз отпуск, значит, не стоит его омрачать такими вопросами. Отдыхать – так отдыхать!

Отдых должен был получиться приятным. Уже прилетев вечером в Хургаду, сразу почувствовали дыхание африканского зноя. О близости моря почти ничего не напоминало, но усилилось впечатление от пустыни, произведённое видом сквозь иллюминатор – серые горы, жёлтые пески, унылый монотонный пейзаж. Только Нил, одетый в зелёную кайму, тоненькой ниточкой петлял среди этого однообразия, да длинная прямая трасса вдоль Нила тянулась с севера на юг древней колыбели мира. Море почувствовали, когда выехали из аэропорта после коротких, чисто символических таможенных формальностей и резко повернули на восток, на шоссе вдоль побережья Красного моря, застроенного и застраиваемого шикарными отелями, гостиницами попроще, магазинами, магазинчиками и всем, что могло помочь выпотрошить карманы приехавших за впечатлениями обычных тури-

стов, богатых путешественников, – всех, кто приехал сюда, в Хургаду. В ночи всё светилось, переливалось, сверкало, призывало и манило.

Но самым сильным впечатлением было не это. После размещения по своим номерам многие пошли к морю. Григорий Иванович и Светлана Николаевна, немного отдохнув, пошли чуть позже, когда на берегу почти никого не было. Чёрная ночь, абсолютно зеркальная чёрная гладь моря, в которой отражались огни отелей, яхт и набережных, подковой огибавших громадную бухту молодого быстрорастущего города-курорта, и тишина – почти неправдоподобная тишина южной ночи – будоражили, и умиротворяли одновременно. И вдруг в этой тишине, невидимые, как будто летящие от звёзд – почти таких же ярких и крупных, как огни фонарей – раздалась высокие, протяжные, заунывные, но завораживающие голоса муэдзинов, провозглашавших час последней молитвы. Голоса лились с минаретов и над морем, и над городом, и над людьми. Звуки плыли и призывали всех сбросить с себя груз дневных забот, споров, суеты и обернуть взоры к небу, к звёздам, мерцающим там, в чернеющей бездонной пропасти Вселенной. Казалось, что в этот миг просто не могло быть никаких войн, страх покинул души людей и успокоил их неугомонные умы и сердца. Это волшебство обволакивало и захватывало, давая понять, как огромен Мир, и какой песчинкой в нём является Человек.

Уходить не хотелось, но усталость брала своё, и под неожиданно обрывающиеся то тут то там высокие горловые переливы муэдзинов зачарованные туристы тихо расходились в свои (пусть даже временные) уютные, устроенные по-восточному жилища. Заснули быстро. Калейдоскоп событий и впечатлений сделал своё дело.

6 дней пролетели, как один день. Всё было подчинено двум целям – загореть и побольше увидеть. С первым проблем не было. Их отель стоял на самом берегу, метрах в семидесяти от лагуны. Лежаков было столько, сколько было отдыхающих, теневые навесы, устроенные в виде открытых хижин с крышами из пальмовых и камышовых ветвей и стеблей давали спасительный приют всем, уставшим от щедрых солнечных лучей. Море было тёплым, удивительно прозрачным и неправдоподобно бирюзово-синим. Со вторым было сложнее. Маршрутов и предложений было столько, что надо было чем-то жертвовать. Решили окунуться в подводный мир коралловых островов, осмотреть город, побывать на экзотических представлениях и ограничиться. Всё-таки главное – загореть и отдохнуть. Тем более, что всё у них было впереди. Всё только начиналось. Дни стояли прекрасные, полная раскованность, необычность обстановки, приветливый и постоянно готовый выполнить твои желания персонал, и ночи... Жаркие, сумасшедшие ночи... Купание в ночном море, объятия в воде... Потом продолжение в номере... Всё казалось нереально сказочным... Ничто не предвещало никаких огорчений. Но они появились на шестой день. Непонятно почему. Светлана Николаевна на все предложения Григория Ивановича закупить сувениров на память или какие-нибудь чисто национальные египетские украшения, одежды, парфюмерию, ожидавшие и соблазняющие покупателей на каждом шагу, отвечала отказом. Даже необычные африканские фрукты, сладости, различные кушанья не вызвали у неё желания что-либо пробовать, смаковать, наслаждаться. Григорий Иванович недоумевал. Он чувствовал, что что-то происходит, но понять не мог. Светлана Николаевна стала напряжённой, с большим усилием поддерживала разговор, и спасало то, что под солнцем и у моря можно ничего не говорить. Загар – как работа, даже мыслей других не возникает. Раскалился – окунайся в объятия тёплых, ласкающих, лениво плещущихся волн и снова – под солнце.

Ощущение тревоги несколько сглаживали и скрашивали то поездка на катере к коралловым островам, то поход по вечерней Хургаде, посещение экзотических представлений с чисто восточными танцами. Однако тень, появившаяся в безоблачную погоду, не исчезла. Она то сгущалась, то рассеивалась, но ненадолго и не до конца. Напряженность не ослабевала. Григорий Иванович не усугублял положение вопросами. «Может, устал человек, может, появилась тревога об утверждении в Москве или о Серёжке, может, самочувствие неважное после резкой смены климата... Да мало ли что...», – думал он.

В самый солнцепёк произошёл странный конфликт, накаливший обстановку ещё больше. Григорий Иванович сходил за мороженым. Жарко ведь. Заодно прихватил попить. Но от мороженого Светлана Николаевна отказалась. «Странно», – подумал Григорий Иванович, положив её мороженое в тень. Через несколько минут оно начало таять, расквасилось. Его надо было или немедленно съесть или выбросить, пока не потекло и не испачкало лежак. Григорий Иванович съел, точнее – почти выпил, стаканчик оказался надёжным. Через некоторое время Светлана Николаевна спросила, где её мороженое. Поражённый Григорий Иванович с удивлением посмотрел на неё, не зная даже, что ответить. Это было похоже на детский каприз или желание поставить его в неловкое положение. Он молча пошёл за мороженым, быстро возвратился, но Светланы на месте не было. Она купалась. Придя к «хижине», на мороженое даже не посмотрела, вытерла лицо и снова пошла по пляжу, ничего не сказав. Такого поворота событий Григорий Иванович никак не ожидал. Он не знал, как себя вести. Идти за ней? Решил обождать. Но, когда Светлана Николаевна пришла заплаканной, он не выдержал.

- Что происходит? Что всё это значит? – спросил он, сдерживая себя.
- Ничего, всё нормально, раз ты сам не понимаешь.
- Что я должен понять, что не так?

Но Светлана Николаевна взяла своё полотенце и ушла в номер. Хорошо, что путёвка заканчивалась. Послезавтра улетать. Вечером он ещё раз сделал попытку выяснить причину странного поведения Светланы Николаевны. Она, несколько успокоившись, попросила ничего не расспрашивать, сослалась на нервы. Последний день был грустным, скорее даже тоскливым, хотя солнце светило так же, на небе ни облачка, море бирюзовое, лёгкий ветерок немного освежал после купания... Но всё было уже другим и совсем не радовало. Захотелось вдруг домой, к Насте, к Рэму, которые, наверное, уже ждут-не дождутся.

В аэропорту – сюрприз. Вылет задерживался на два часа из-за отсутствия самолёта. Чтоб как-то скрасить время, по очереди ходили по всевозможным магазинам и киоскам с сувенирами, драгоценностями, спиртным, съестным и т.п. Григорий Иванович на свой вкус купил две настенных медных тарелки с керамическими изображениями египетских мотивов с фараонами, два листа настоящего папируса с фрагментами из жизни Тутанхамона и золотое колечко с изображением Нефертити, в короне которой поблёскивал небольшой алмазик. Неожиданно Светлана Николаевна с радостью приняла колечко и сувениры, разделив их пополам. (Пусть у каждого будет по экземпляру).

– Будем считать, что конфликт исчерпан, – улыбнувшись, произнесла она. Но чувствовалось, что эта улыбка была оттенком какой-то горечи.

И в Ленинграде расстались с тем же осадком. По крайней мере, так чувствовал Григорий Иванович.

Выяснилось всё после письма, полученного им через неделю.

«Гриша, не обижайся на меня, – писала Светлана Николаевна. – Я не привыкла к такому бытию. Я привыкла сама распоряжаться своими средствами и удовлетворять свои желания по своему усмотрению, не оглядываясь ни на кого, покупать себе, что хочу и когда хочу, не ожидая, что мне это кто-то предложит. Рядом с тобой я чувствовала свою зависимость от тебя, хотя ты, может быть, делал всё искренне, не задумываясь ни о чём.. Наверное, ты такой есть, таким и останешься, да и я вряд ли смогу измениться. Не тот у нас возраст. Может, я испортила отпуск, но ничего уже сделать не могла, не могла обуздать беса, вселившегося в меня. Давай немного успокоимся, обдумаем. Может, ничего страшного не произошло, может – это нервы. Дай мне немного времени».

Читая письмо, Григорий Иванович почувствовал, что кровь отхлынула от головы, что губы пересохли, и он побелел. Он знал это, даже не глядя в зеркало. Будто кто-то вцепился когтями в затылок и в виски. Он провалился во что-то холодное и глубокое и не мог найти опору, чтоб остановить это падение.

Главное, чтобы ничего не заметила Настя. Он надел ошейник с поводком на Рэма и вышел во двор. Незаметно они побродили около часа, не выбирая определённого марш-

рута, как на автопилоте. Мысли, беспорядочные и бессвязные, лихорадочно пронеслись в голове. Он ничего не мог понять и не мог сделать никаких выводов или принять какого-нибудь решения. Оставалось одно – ждать. Пусть пройдёт время. Оно и успокаивает, и лечит. Хотя от чего он должен был излечиться, он пока не понимал. Он всегда считал, что при любой ситуации, прежде всего, должен разобраться в самом себе. Отвечать за себя и свои мысли надёжнее и проще. А в остальном – дело времени и доверия к тому, кто будет разбираться в себе с другой стороны. Сейчас же он не был готов даже к этому. Он не мог собрать себя в кулак, сосредоточиться и что-либо анализировать. Слишком неожиданным оказалось для него состояние, схожее с ощущением, что тебя предают или толкают в спину, когда ты этого не ожидаешь.

Прогулка с Рэмом его не успокоила. Пёс чувствовал состояние Вожака и старался не вызывать его раздражение. Он только поглядывал снизу вверх своими умными глазами, пытаясь предугадать любое движение Старшего.

Настя сразу почуяла неладное. Ещё на вокзале, встречая отца, она почувствовала непонятную тревогу, хотя отец был искренне рад возвращению домой и по очереди ласкал то дочку, то Рэма. Для него они действительно были единственной радостью. Но проскальзывала в его поведении какая-то неуверенность, совершенно ему не присущая. Настя сдержала в себе желание обо всё расспросить и произнесла, может быть, самые нужные слова: «Когда отдохнёшь, начнём слушать твои рассказы, а пока пусть всё уляжется». «Ведь правильно сказала, умница. Именно – пусть всё уляжется», – подумал Григорий Иванович, а ей только ответил одним словом «спасибо».

Уснуть не удавалось. Он ещё раз прочитал письмо, и ему показалось, что он понял причину всего произошедшего. Светлана Николаевна ждала, что она будет хозяйкой и распорядительницей на этом празднике. Так было ей удобно, она так комфортней чувствовала себя, она привыкла к такому образу жизни, забыв, что рядом был мужчина, с присутствующими ему обязанностями. Но она не привыкла брать во внимание чьё-то мнение, не учитывала, что появился человек, с которым просто необходимо считаться, человек, которому было приятно ухаживать за ней, делать беззаботным и спокойным пребывание в этом месте, в это время.

«Какая нелепость, какая бессмыслица», – подумал он, понимая, что в этой бессмыслице и был весь смысл, от чего становилось ещё обиднее. Мужское самолюбие и достоинство не принимали такого положения вещей, а Светлана Николаевна не хотела или не могла этого понять, считаясь только со своими привычками и мнением и с тем, что удобнее было Ей.

«Не может быть, чтобы два умных человека не нашли выхода из такой пустяковой ситуации», – подумал он и решил, что «утро вечера мудренее». Но, увы, жизнь – не сказка, и не всегда в ней происходит всё так, как говорится в этой поговорке. Она управляет действующими лицами своего нескончаемого спектакля по своему сценарию, в соответствии с предначертанными судьбой ролями участников. На Григория Ивановича навалились хозяйственные проблемы и дома, и в институте. Дебиторская задолженность заказчиков росла, не хватало денег на зарплату, потихоньку «таяли» заказы, но расцветала анархия. Чувствовалась беспомощность или умышленность в том, что творилось в стране, в области, в городе. Всё это, плюс квартира выматывали, но одновременно не давали времени на разбирательство в самом себе. Институт надо было удержать от развала, сберечь его. Не бесконечной же будет эта неразбериха и эта анархия.

С первых дней появления на работе и на Светлану Николаевну свалилась масса забот. Во-первых, надо было дождаться утверждения ВАКа, во-вторых, – оформить и получить все документы, на основании которых ей должны были (так она полагала) предоставить соответствующую профессорскую должность, руководство кафедрой, соответствующую ставку и т.д.

Но оказалось, что за всё это надо бороться. Никто не устилал её путь розами, дифирамбы закончились, и никто не ждал её с распростёртыми объятиями и достойными предложениями. А если таковые и были, то в таких местах, что менять «шило на мыло» просто

не имело смысла. Всё продолжалось, как и прежде, хотя она смириться с этим не могла. Правда, кафедру ей всё-таки дали, профессорство «выбила», самолюбие было, как будто, утешено, но... Обида неизвестно на кого и за что пока не проходила. Лыстецы и поклонники, к которым она так привыкла, не торопились звонить, из Москвы – ни звука, приглашать в столицу на работу пока никто не торопился. Хорошо ещё, что Мучитель утих. Писем не было, звонков – тоже. Осталась лишь неопределённость, недоговорённость.

А тут ещё Серёжка влюбился, и серьёзно. Дело шло к свадьбе. Значит, возникала ещё одна проблема – с жильем. Она не допускала мысли, что ещё кто-то будет находиться (и не просто находиться, а активно участвовать в её жизни) рядом, в её квартире, где она была полновластной хозяйкой. А если появятся дети? А как же окончание института? Вопросы, вопросы... И поддержки ни от кого ждать не приходилось. Все прежние предложения Григория Ивановича (и переезд к нему, и та же работа, и та же кафедра с профессорством) она отвергла ещё раньше, во время одного из приездов в Энск, боясь потерять свою свободу и независимость. Уж если терять, то ради хорошей перспективы, в приличном городе...

Григорий Иванович больше не настаивал, писать стал реже, звонить – тоже. Горечь в нём ослабела, но не исчезла. Он хорошо понимал Светлану Николаевну, её «звёздную» болезнь, и давал ей возможность самой разобраться в своём смятении. К тому же забот у него прибавилось. Начатый года четыре тому назад небольшой дачный дом необходимо было или достроить или продать. Решили с Настей дом достроить, хотя бы настолько, чтоб можно было жить летом на даче. Воздух чистый, река рядом, есть где гулять Рэму, а если освоить и огородить участок, то вообще приволье. Городской транспорт в пригород ходил регулярно, по графику, да и машина была. Что ещё надо? В стройке и связанных с ней проблемах утонули с головой. Да ещё решили подключиться к газопроводу, чтобы и отопление в доме сделать, тем более, что котёл уже был куплен раньше. Пробурили скважину, появилась своя вода. Чего ещё желать? Правда, оба понимали, что легко и просто всё только на бумаге, да в разговорах, но всё равно надеялись Новый год встретить на даче. Если бы они до конца знали, что значит в наши дни строить вообще, а свой дом в частности, может быть, и не решились бы. Но Настя уже взрослая, недолго и до самостоятельной жизни. Жилищная проблема – немаловажный, если не главный, вопрос. Так что отступить не хотелось. Это было не в характере Григория Ивановича. А Настя – дочь своего отца. Вот и «бились» до победы, но надежды на встречу Нового года на даче, у камина растаяли, как первый снег, упавший на тёплую землю. Они поняли, что в доме они будут встречать только следующий Новый год. Тем более, что отделку зимой делать бессмысленно. Да и задумываться-то особенно было некогда. Чтобы разнообразить бытие, решили на новогодние или рождественские праздники куда-нибудь съездить дня на 4-5.

– А ты не хочешь пригласить Светлану Николаевну и Серёжку? – спросила вдруг Настя.

Приняли решение – пригласить их отпраздновать Новый год не дома, а на громадном пароме-лайнере, курсирующем в новогодние дни между Финляндией и Швецией.

Предложение было принято с радостью, тем более, что Светлана Николаевна давно собиралась сделать сыну оригинальный подарок, но не знала, какой.

Договорились встретиться в Ленинграде, так как оттуда до Финляндии надо было добраться на автобусе. Григория Ивановича смущало одно – он не понял, где располагаются на лайнере их каюты. В путёвках, приобретенных им в последние предновогодние дни, указывались номера, но где они находились, он не знал. Пришлось довериться агентам турбюро, гарантировавшим, что ещё никто не обижался, что культурная программа насыщенная и интересная, питание прекрасное, а спать – не всё ли равно, в каком классе? Везде чисто и со всеми удобствами.

Тридцатого декабря, в день приезда в Финляндию, по программе были осмотр Хельсинки и посещение Аквапарка. Действительность превзошла их ожидания и рассказы туристов, не в первый раз встречающих так Новый год.

В разгар зимы окунуться на несколько часов в лето всегда приятно, а здесь ожидали сплошные сюрпризы. И водопады, и турецкие бани, и горки, и громадные желоба с виражами для спуска в бассейны, и бурлящие ванны, и музыка, и множество буфетов и кафе... Казалось, здесь можно проводить не 3-4 часа, а целый день. Восторгам не было конца. Все улыбались, смеялись, радовались, как маленькие дети. Светлана напоминала девочку, а в паре с Настей (спортивной и крепкой) они выглядели, как сестры. Впечатление незабываемое, а впереди – встреча Нового года, что придавало всей поездке романтический характер. Ледок настороженности растаял, ничто никого не омрачало. Глаза излучали радость, улыбки не сходили с лиц. Уже давно на душе у Григория Ивановича не было так легко.

На лайнере разместились быстро. Следующее утро и день все готовились к Новому году, и надо было ещё осмотреть этот громадный паром, ставший на 3 дня их домом. Новогодний банкет был выше всяких похвал. Чего только не было! Поскольку стол был «шведский», каждый брал себе, что хотел и сколько хотел. Полная свобода при сказочном обилии закусок, блюд, фруктов, напитков, музыки, развлечений на всех верхних палубах громадного лайнера! Настя с Сергеем пропадали на дискотеках и в игровых залах, а Светлана Николаевна попросила Григория Ивановича выбрать что-нибудь поспокойнее. Они нашли полутёмный зал со столиками, где можно было посидеть, утопая в мягких креслах, и послушать музыку, посмотреть на танцующих, да и самим потанцевать. Но танцевать Светлана Николаевна отказалась, хотя танцевала она хорошо и танцы любила. Смутное подозрение, что она его стеснялась, проклюнулось в нём, но быстро развеялось, так как прибежали дети, растормошили их и буквально утащили на викторину, где за правильные ответы вручали призы. «Уж вы точно наберёте целую кучу», – наперебой убеждали они взрослых. Действительно, «поработали» они на славу и в каюты пошли нагруженные и игрушками, и ценными призами, и даже новогодними маскарадными костюмами. Под утро не выдержали нагрузки и уснули мгновенно. С большим усилием встали на завтрак, который накрыли на 2 часа позже обычного, оставив в обрез времени перед прибытием в Швецию. Стокгольм поразил своей чистотой, вымытыми с шампунем тротуарами и изумительной зеленью, немного неправдоподобной среди зимы в этой северной стране. Жужжали камеры, щёлкали затворы фотоаппаратов, вспышки, возгласы удивления... Даже неожиданно начавшийся морозящий дождь не смог омрачить ощущение праздника. А магазины сверкали витринами, гостеприимно распахивали свои двери, впуская желающих приобрести подарки родным, близким и окутывая тёплым воздухом, как бы подчёркивая своё гостеприимство. Григорий Иванович каждому вручил по конверту на расходы (по «своему» усмотрению), предупредив, что это на новогодние подарки.

Светлана Николаевна с Сергеем от магазинов отказались под предлогом посетить площадь у здания, где вручаются Нобелевские премии. Договорились встретиться уже на лайнере. На обратном пути больше отсыпались. Когда рассаживались в автобусе, следовавшем уже домой, Светлана Николаевна села рядом с Сергеем, и Григорию Ивановичу пришлось устраиваться рядом с дочкой, хотя его подмывало кое о чём спросить Светлану Николаевну.

В Ленинграде она тепло, но торопливо попрощалась, объяснив это необходимостью съездить к знакомым и ещё успеть на свой поезд.

Машина уже ждала Григория Ивановича. Они с Настей не стали выяснять ничего и, купив в дорогу фруктов, поехали домой.

– Ты что-нибудь поняла? – спросил Григорий Иванович дочку.

– А ты? – последовал её вопрос. – Ведь всё было просто прекрасно.

– Ну ничего, разберёмся, – он попытался быть бодрым.

Но позже он ни в чём не смог бы разобраться, если бы однажды, в одном из вечерних телефонных разговоров, в речи Светланы Николаевны случайно не проскользнул намёк, что в нижних каютах без иллюминаторов они многого не видели, в отличие от кают на верхних палубах. Этот намёк Григорий Иванович понял сразу. Но придавать этому особого значения не хотел. Это было ни на что не похоже.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Весной настроение поднялось. Весна есть весна. Завозили хорошую землю, планировали, делали посадки, убирали строительный мусор, мыли, чистили. В доме уже была вода, «добили» газовые дела, сделали канализацию. Даже в отпуск никуда не собирались. Цель была близка. Да и институт нельзя было оставить. Сплошные проверки по вопросам собственности, на которую всё время находились претенденты. Обстановка была напряжённой. Хотя все документы на право собственности прошли уже не одну проверку.

Неожиданно, дней за десять до 1 сентября, позвонила Светлана Николаевна. После взаимных расспросов о делах, о стройке, о житие-бытие, подошли к теме отпуска. Поскольку планов ни у кого никаких не было, она произнесла слова, заставившие Григория Ивановича разволноваться. Она хотела провести с ним несколько летних дней вместе, если он не возражает. Он не ждал этого, но искренне обрадовался. «Когда?» – спросил он. «Когда угодно, устала от всего, а больше всего от заочников».

Григорий Иванович решил проблему просто и быстро. Сейчас любая точка, тем более в пределах России, досягаема без проблем. Только заяви и заплати. Заявил и заплатил.

За день до отъезда Светлана Николаевна вдруг попросила его перенести отпуск на три дня. «Не всех заочников приняла, никак нельзя перенести» и что-то ещё. Она торопилась, но назвала день и время, когда она приедет в Ленинград, чтобы он встретил её, а дальше следовать уже вместе. Сможет ли он всё переоформить за имеющийся в запасе день, да и вообще примут ли у него и билеты, и путёвки обратно, она даже не спросила, не сомневалась, что он всё сможет.

В назначенный ею день и час Светлана Николаевна прибыла в Ленинград, торопливо вышла из вагона в надежде сразу увидеть на платформе Григория Ивановича, который обычно встречал её на Московском вокзале. Но его нигде не было видно. Поскольку номера вагона он не знал, она решила отойти в сторонку и немного обождать, пока схлынет волна пассажиров, чтобы увидеть друг друга. Григория Ивановича всё не было. Светлана Николаевна начала волноваться. На него это не похоже. Он никогда не опаздывал на их встречи. «Возможно, что-нибудь с транспортом», – успокаивала она себя, но тревога нарастала. В эти минуты она ощутила и поняла, что этот человек ей дорог, что она привыкла к нему, его непростому характеру. Давно растаяли её обиды на его сдержанность в проявлениях чувств, в преподнесении ей щедрых подарков. Теперь это не имело никакого значения. Она хотела только одного, чтобы он наконец-то появился, обнять его и ощутить уверенность и надёжность этого, ставшего близким, человека.

Боясь подумать что-нибудь плохое, Светлана Николаевна ещё долго стояла на платформе у входа в вокзал и терзалась в мучительных догадках, что же могло произойти.

Григорий Иванович так и не появился. Она помчалась к переговорному. Ни Григорий Иванович, ни Настя на звонок не ответили. Значит, никого не было дома. Значит, что-то случилось. Что? Не зная, что предпринять, она лихорадочно просчитывала возможные варианты. Ничего толкового не получалось. Решила пока добраться до знакомых. И переночевать надо где-то, и, может быть, удастся дозвониться. Но и следующий день ничего не дал. Ей ничего не оставалось, кроме возвращения домой или поездки в Энгельс. Поскольку раньше на целых 7 часов поезд шёл домой, билет на него она и взяла. Безотчётно. Боялась приехать в Энгельс и никого там не найти.

Обратная дорога домой была мучительной. Она не могла сосредоточиться, то смотрела в окно, то принималась за книгу, но и читать не могла. В разговоре соседней по купе не участвовала. Добравшись домой, снова стала набирать энский телефон. Трубку подняла Настя. Услышав её голос, потерянный, изменившийся, как у рыдающего человека, Светлана Николаевна поняла, что случилось нечто страшное.

– Что с тобой? Где папа?

– А я Вам звоню уже второй день. Папы нет. Его забрали.

– Кто, куда забрали? Где ты была? Когда забрали?

– Я не знаю. Пришла домой, на столе записка, чтоб я не волновалась, что произошло недоразумение, что его забрали в милицию, и чтоб я позвонила Вам, а Вас нет и нет. Я пошла к подруге, была у неё.

– Я ждала папу в Ленинграде, а потом вернулась домой, вот только зашла. Настенька, иди в милицию, узнай, где папа, что с ним, попроси увидеться. Поняла?

– А к кому идти?

– К дежурному. И сразу позвони мне.

Не напрасно говорится, что нет ничего хуже, чем ждать и догонять. И ещё – неизвестность. Что мог совершить Григорий, что его забрали? Не может этого быть. Но ведь дыма без огня не бывает... Но что, что произошло? Ведь он никогда ничего тревожного не высказывал, в его поведении не было нервозности... Что теперь с отпуском?... Фу, какой отпуск? Мысли лихорадочно роились и мелькали в голове, приходили самые нелепые предположения... Неужели она ошиблась? Неужели он из категории начальников-хапуг? Она разделась, пошла на кухню, поставила на плиту чайник... Время тянулось мучительно долго. Она ходила из угла в угол, останавливалась у телефона, снова начинала ходить. Закипел чайник. Она выключила газ. Пошла прилечь, разболелась голова. Настя всё не звонила...

Григорий Иванович и сам толком до сих пор не может понять, как и что произошло в тот август, вернее, в последние его дни. Уже в процессе первого допроса, на который его увезли в сопровождении майора (по особо важным делам, как он представился), забрав прямо с работы – (хорошо, что дали возможность написать записку дочери), он понял, что находится в отделе по борьбе с экономическими преступлениями, что ему вменяется в вину взяточничество, злоупотребление служебным положением. Отпустили домой под расписку о невыезде, а на следующий день был обыск и на работе, и дома, конфискованы ценные вещи, коллекции монет и значков, личные документы. Был назначен адвокат, от которого Григорий Иванович отказался, поскольку успел позвонить знакомому, поведав обо всём случившемся. Применили «меру пресечения» – трое суток держали в камере. Адвокат пришёл на вторые сутки, обнадежил тем, что его должны отпустить домой (не было мотивов для его содержания под стражей), что дело имеет столько огрехов и фабрикаций, что само обвинение безграмотно, поскольку не учитывает узаконенных новых форм хозяйственно-административной деятельности акционерных обществ, того, что и руководитель имеет право зарабатывать (в соответствии с уставом) дополнительно во внеурочное время, и что это не считается взяточничеством. Как и в случае с Григорием Ивановичем, который в выходные дни подрабатывал – и чертил, и расчёты делал (немало людей обращаются за помощью). Оказалось, что одна из таких просительниц выполняла задание вышеупомянутого отдела УВД, имея при себе диктофон. И слежка за ним велась, и подслушивание. И что всё это было организовано и сфабриковано. Но осталось для него неизвестным, кому это понадобилось, по чьему доносу или, как это называется, по чьей информации. И суд его оправдал, и всё конфискованное было возвращено. Но чего это стоило? Он сразу постарел на несколько лет. Как будто его переселили в другой мир. Даже Настя повзрослела. Детская беззаботность исчезла из её глаз. Она вопросительно смотрела на отца, которому пришлось ей всё-всё подробно объяснять, чтоб ничего неясного в её голове не оставалось, чтоб даже мыслей тёмных, мешающих жить спокойно, как прежде, не было. На работе толком никто ничего не понял, посчитали его временное отсутствие необходимым, поскольку уважение к директору, вера в его авторитет и доверие было полным. Вся жизнь у всех продолжалась, как и раньше. У всех, кроме Григория Ивановича. И долго ещё обида и боль терзали его днём и ночью. Никто перед ним даже не извинился, даже когда возвращали «изъятые». Запомнилась фраза судьи на заседании: «Когда же наша милиция научится работать и различать преступников от нормальных людей, без ущемления их прав и достоинства?»

Светлана Николаевна не примчалась на помощь, ограничилась телефонными разговорами, сочувствием Насте и советами. А он ожидал её приезда, как спасения. Не зво-

нил, а ждал. Приехала позже, через несколько дней после судебного процесса. Мучительной и унижительной была необходимость оправдываться, рассказывать ей эту историю, а самым обидным – что она не остановила его, ей нужны были доказательства его невиновности. Значит, веры не было. Он успокоил её. Она поняла, что её светлому будущему ничего не грозит. Её будущему. Её большим надеждам.

Расстались внешне спокойно. Но что-то в Григории Ивановиче надломилось, хотя внешне никто ничего не замечал. Её звонок о благополучном возвращении домой (так у них было заведено) был как бы многоточием, за которым будто бы могло быть продолжение... Могло ли?

ЧЕХ Наталья Алексеевна – родилась в апреле 1951 г. в семье сельских учителей, в станице Раевской на юге Кубани. Образование медицинское.

Литературным творчеством занимается с 2003 г. Публиковалась в журнале «Анапа сегодня», газетах Анапы. В 2008 году выпустила сборник рассказов «Прости меня», в 2010 году – повесть «Царство Котломыч».

Ветеран труда.

Член Союза писателей г.-к. Анапа.

*Герои представленной ниже повести –
яркие представители Кубанского казачества конца XVIII начала XIX столетий*

КОНОКРАД

Повесть

*Ой, закиньте сетку через быстру речку
Та й поймайте долю хлопцу молодому!*

ГЛАВА I

Небольшой костёр, весело потрескивая, освещал красноватым светом лицо старого казака, деда Гришки. Он сидел, сгорбившись, скрестив под собой усталые ноги в стоптанных чоботах, на плечи был накинут затёртый кожух, на голове – неизменная баранья шапка. Дед, казалось, не замечая ничего вокруг себя, сосредоточенно помешивал большой деревянной ложкой в котелке, висевшем на треноге. Язычки пламен нежно облизывали дно закопчённого котелка, поддерживая в нём равномерное кипение. Рядом, на зелёном листе лопуха, лежала свежая рыба, порезанная крупными кусками. Дед покосился на неё, раздумывая: «Богато осталось – пропадэ мабуть. Не по-хозяйски цэ». Взяв заскорузлыми пальцами большой кусок судака, попытался уместить его в котелок:

– Чем добру остаться – лучше пузу раздаться, – усмехнулся дед, вспомнив давнишнюю казачью присказку. Оглядевшись вокруг себя, увидел старого большого пса, позвал его:

– Буран, иды до мэнэ!

Пес нехотя встал, потягиваясь и разминая лапы, лениво подошёл к деду, остановился, низко опустив голову. Дед Гришка потрепал его по загривку и подсунул к морде лопух с рыбой.

– Визьмы Буран, хоть одын кусочек, – он ласково обратился к собаке.

Буран обнюхал рыбу, благодарно лизнул дедову руку, отошёл подальше от костра и улёгся в прохладную траву, на прежнее место.

Казак тяжело вздохнул, – «Постарили мы з тобою, ох постарили».

Уха, бурно закипев, пролилась через край, костёр сердито зашипел и отвлэк деда от невесёлых мыслей.

– Хлопци! – он громко крикнул в темноту.

– Диду, мы тут, – отозвались детские голоса и трое пацанов-подростков, запыхавшись, подбежали к костру.

– Ну, шо там, порядок, кони пасутся? – поинтересовался дед.

– Куда они денутся? – весело ответили пацаны.

– Тоди суньтэсь блыще, будэмо вечерять. Петро, знимы котелок и нальвай по мыскам: хай трохы охолонэ.

Петька взял крепкую палку, поддел ручку закопчённого, полного до краёв котелка и осторожно поставил его в приямок. Лёгкий ночной ветерок разнёс запах свежей ухи.

– Дед Гришака, ну как, хороша рыбка? Это я ловил, – горделиво сказал Петька, отбрасывая в сторону палку, – Ну, правда, хлопци помогали бредень затянуть.

– Хвастала кобыла, шо с возом горшки побыла, – усмехнулся дед в прокуренные рыжие усы и обратился к Ваське.

– Васылёк, пидкынь в кострище сухого навозу – хай дымком комарив розгонэ.

Васька взял сухие навозные лепёшки и бросил на раскалённые угли: вокруг них за клубился дым, потянуло кислым и защипало в глазах.

– А тэпэр йиштэ швыдче и бежить до конэй, – распорядился дед.

Пацаны затарахтели ложками, подчиняясь приказу. А как же иначе? Дед Гришака здесь главный – ходить с ним в ночное у хуторских пацанов за счастье считается. Петьку вон всё время с собой берёт и не только за то, что он внук его. Петька всё может: он и верхом без уздечки может, и коня запряжёт не хуже самого деда. Петька – старший среди пацанов, те, что поменьше – уважают его.

– Петро, ты чуешь? – дед перестал ужинать, подняв вверх ложку, и застыл, прислушиваясь.

Пацаны затихли. Где-то вдалеке послышалось тихое ржание лошади. Петька сорвался с места и кинулся к реке.

Над Кубанью стоял густой туман, ключьями цепляясь за прибрежные кусты.

Ночь была тёмная, луна на ущербе скудно освещала луг, на котором паслись хуторские кони. Разнузданные и свободные, насытившись сочной травой, они табуном потянулись на водопой. Разбрелись по берегу, проваливаясь копытами в мягкий ил, испуганные лягушки, громко квакая, шлёпались в воду.

У каждой лошади свой нрав, свои привычки. Вот, к примеру, старая кобылка – любимица деда Гришки, перед тем как войти в воду, обязательно бьёт копытами: то ли глубину меряет, то ли нравится ей брызгами освежиться. А дончак, тонконогий, по кличке Мальчик, непременно беззлобно укусит за шею молодую жеребицу Марусю, та, взвизгнув, взбрыкнёт задними копытами и влетит в реку по самое пузо.

Петька стоял, наблюдая за водопоем. Лошади пили долго, уткнувшись мордами в холодную воду, цедя её сквозь зубы и громко пофыркивая. Ещё раз оглядевшись по сторонам, Петро вернулся к костру.

– Ну, шо, унук?

– Да вроде всё тихо, – успокоил тот деда.

– Ну и добрэ. Правда, трохы хмарно, – дед покачал головой. – Ну, шо тут зробиш? Та и чога вам бояться, колы я рядом? Я ще с Крымской войны Георгиевский Крест имею: самого Лорда Дункана брав с казачками. Вин нэ успив руки с карманив выдергнуть, шоб поводья схватить. Так шо лягайтэ спать.

Дед улёгся на сухую бодылку, укрылся кожухом и захрапел. Пацаны ещё долго сидели, поддерживая огонь в костре, и восхищались геройством деда Гришки. Но под утро всех сморил крепкий сон.

Летняя ночь коротка – светает рано, нежно-лазоревым светом заалел восток. Дед Гришка проснулся, откинул кожух и, кряхтя, встал на ноги. Окинул взглядом крепко спящих вповалку пацанов:

– Эх, помощнички! – дед растолкал Петьку. Тот открыл глаза и непонимающе смотрел на него.

– Ранняя пыточка носык прочищает, а поздняя – очи продырает, – дед укоризненно покачал головой.

– Деда, да я и не спал совсем, – оправдываясь, вскочил Петька.

– Ладно, подымай хлопцев, сбывайтэ конэй в табун: пора на хутор гнать.

Пацанята шустро вскочили, протирая глаза кулаками.

– Дед Гришака, та мы зараз всё зробым, – и помчались, приминая босыми пятками зелёную траву.

Дед поднял кожух, накинул на плечи и, прихрамывая, заковылял следом.

Хлопцы, оседлав лошадей, поджидали деда Гришку. Петька еле сдерживал породистого дончака, нетерпеливо гарцующего под ним. А старая кобылка, пощипывая траву, спокойно стояла в ожидании хозяина. Дед подошёл к ней и похлопал рукой по крупу.

– Ты шо, мала моя, нэ найилась? – лошадь, отвернувшись, покосилась на него карим глазом.

– Ах ты, плутня! – он достал из кармана кусок колотого сахару и, держа его в шершавой ладони, поднёс к губам лошади. Та, уткнувшись мордой в дедову руку, захрумтела угощением. – Йишь, йишь, бо тощей лошади и хвист в тягость.

– Ну, деда, поехали уже! Про твою кобылу не скажешь, что она тощая, – Петька, посмеиваясь, поторопил деда Гришку.

– Цыц, щеня! Учить мэнэ будэш! Она нэ тоща, а старэнька, а таких жалить надо, – дед не на шутку взбеленился, негодуя, глянул на внука.

Петька опустил глаза и покраснел. Старый казак тяжело перевалился и с трудом уселся на спину лошади. Та, почуяв хозяина, тронулась с места.

– Ну, с Богом! – скомандовал дед, и табун трусцой направился в хутор. Вскоре показались первые хаты, казаки встречали своих лошадей, а какую не встретили – сама к воротам шла. Табун редел, Петька отстал от деда, подгоняя оставших лошадей.

«Эта дядьки Ивана, эта Степанова, эту вон встречают, те две наших..., а где же...??» Петька не верил своим глазам.

– Господи, а где жеребица Маруся? Ведь на водопое сам видел, как наш Мальчик с ней заигрывал, – пришпорив коня пятками, крепко ухватившись за гриву, повернул Петька дончака и галопом в степь.

– Маруся! – в ответ тишина, только шелест травы, да стрекотание кузнечиков.

Петька, кубарем слетев с коня, спустился к реке.

«Ага... – похоже, лодку на берег тащили... чоботами всё истоптано. А вот и след копыт отпечатался: прямо в воду ведёт. По всему видно – украли лошадь. Кто посмел?» Петька сам себе не верил.

– Мальчик, ко мне! – на ходу вскочив на коня, он летел быстрее ветра – свистело в ушах, сердце бешено колотилось.

«Позор, позор – не уберегли Марусю, как людям в глаза смотреть?»

Ещё издали Петька увидел казаков, толпившихся на улице. Дед Гришка стоял в центре, растерянно разводя руками.

– Цёго нэ може будь! Хлопцы усю ничь паслы!

– Шо ты, заладыв одно и тож? Дэ моя Маруся? Я тэбэ пытаю? – возмущался молодой казак, хватая деда за грудки.

– Тыхо, тыхо! – вмешался его сосед, – Похоже, тут «смалэным вовком» пахнэ. Хтось повадывся – надо выслыдыть.

Постепенно споры утихли, и все разошлись по своим дворам. Дед Гришка, держась за плетень, еле добрёл до своей хаты. Петька шёл следом, ведя под уздцы старую кобылку и Мальчика.

Баба Марфа встретила их во дворе. Она стояла, скрестив руки на груди, обмотавшись шалью, и встревоженным голосом спросила:

– Гриша, шо с тобою?

Дед махнул рукой:

- Усэ, маты, порушилась моя жизнь: отробыв я свое. Верой и правдой служив и позором закончив. Лучшу коняку увэлы из пид носу.
– Та найдэтця вона, – баба Марфа, чувствуя неладное, пыталась успокоить деда.
– Лучше Богу душу отдать, чем такой позор пэрэжыць.
– Тю, дурный, – баба замахала руками, лицо её сморщилось, и выцветшие глаза наполнились слезами.
– Отож! Який Савва – така и слава, – поддакнул дед Гришка.

ГЛАВА II

Старая лодка, раздвигая камыши, беззвучно уткнулась носом в илистый берег. Федька вынул вёсла из уключин и положил их вдоль бортов. Сидя на дне лодки, согнувшись, он растирал холодные ладони: его бил нервный озноб. Мокрая лошадь, стоя по колено в воде, смотрела на хлопца, не мигая, вздрагивая всем телом и прядая ушами. Он вылез из лодки, потянув за уздечку, наброшенную Марусе ещё на том берегу, и вывел её из воды, ласково поглаживая.

– Ну-ну, милая.

Затем снял ремень, которым была стянута морда лошади, и сунул ей сухарь. Маруся шумно вдохнула запах хлеба и отвернулась, низко склонив голову и выгнув шею.

– Гордая, да? А я – нет! Два дня ничего не жрал, – озлобился Федька, разгрызая ржаной сухарь.

Привязав лодку к старой вербе, которая росла у самой воды, он огляделся по сторонам. Маленькая турлучная хатка, в которой жил Фёдор со своей старшей сестрой Галинкой, приютилась на берегу Кубани, спускаясь своим задним подворьем к самой воде. Низко пригнувшись, прячась в камышах, Федька берегом реки повёл за собой краденую лошадь. Выйдя далеко за хутор, запрыгнул на неё верхом, та, почуяв чужого седока, остановилась, как вкопанная. Он наклонился к её уху и стал уговаривать:

– Ну, пошла, пошла, милая...

Маруся, видимо поняла безвыходность своего положения, нехотя тронулась с места.

Вскоре послышался лай собак, сквозь кусты терновника запестрели цыганские шатры. Он остановил лошадь, спрыгнул на землю, и, заложив два пальца в рот, тихо свистнул. Тут же перед ним, как из-под земли, появился цыган. Блеснув золотой серьгой, подошёл вплотную.

– Привёл? – шёпотом спросил он.

Федька кивнул в сторону Маруси.

Цыган, задрав лошади верхнюю губу, осмотрел зубы, затем, наклонившись, пощупал на ногах бабки.

– Беру! – с этими словами он протянул Федьке потрёпанные, скрученные купюры. Немного подумав, дал ещё.

– А, это тебе за дончака задаток, обманешь – убью! Цыгане зря деньгами не сорят – запомни, молодой.

Федька закивал головой.

Цыган сняв уздечку, отдал её Федьке, шипя сквозь зубы:

– Проваливай, – и, взяв лошадь за гриву, увёл её в табор.

Фёдор, спрятав деньги за пазуху, со всех ног пустился домой. Душа ликовала: наконец-то он сможет купить пару быков. Сколько же можно бедствовать? Галинка иссохла от работы в наймах, у зажиточных казаков. А ведь девка хороша собой – в самом соку. Федька жалел сестру и любил очень. С тех пор, как мать с отцом не вернулись домой с ночной рыбалки, жили они вдвоём, и была Галя для него единственным родным человеком: сызмальства вырастила и поставила брата на ноги.

«Ну, теперь мой черёд заботиться о ней, – размышлял Фёдор. – Вспашем землю, засеём пшеницей – свой хлеб будет. А там, дай Бог, на коня заработаю, – он погладил

рукой купюры, спрятанные под рубахой. – Только бы сестрица не узнала, чем гроши зарабатываю – не одобрит она это».

Федька тяжело вздохнул: конокрадство среди казаков последним делом считается. Но выхода не было: задаток взял – хочешь-не хочешь отработать надо. Цыгане шутить не будут. «Приведу дончака и всё; замолю грех – хай Бог простит».

Федька крадучись подошёл к своей хате, озираясь и приседая в бурьянах, юркнул в маленький сарайчик. «Куда бы их спрятать? – прикидывал он в уме, заворачивая деньги в рваную тряпицу. Неожиданно старая, покосившаяся дверь осторожно отворилась со страшным скрипом, впустив в сараюшку сноп солнечного света. Фёдор, вздрогнув от неожиданности, судорожно сунул свёрток под кадушку, без надобности стоявшую в углу. На пороге появилась Галя, прищуриив глаза, она внимательно осмотрела сарай, увидев брата, бросилась к нему и, прижав к себе, заплакала.

– Ты где был? Я места себе не находила: думала уже в живых нет. Лоботряс! – она легонько шлёпнула его по затылку.

Федька перевёл дыхание и, запинаясь на каждом слове, на ходу придумывал отговорку:

– Та я..., ну, в общем это..., работу шукав..., ну не туточки, а тамочки...

Галинка посмотрела на него, качая головой:

– Дурнэ теля хвостом выля! Иди в хату, накормлю, чем Бог послал.

Она повернулась и ушла. Федька с облегчением вздохнул:

– Фу... кажись пронесло, – и поплёлся вслед за сестрой.

Войдя в хату, покосился на икону, висевшую в светлом углу, и, трижды перекрестившись, присел к столу. Окинул взглядом небольшую комнату – бедностью сквозило из каждого угла.

Родителей своих Федька не помнил, а сейчас ему шёл семнадцатый годок, был он невысокого роста, щупловат. Выросший без отца, характер имел мягкий, покладистый. Фёдор очень страдал, видя, как сестра тянула на своих плечах хозяйство, выхаживая старую корову, которая уж и не доилась почти, несколько кур-несушек, да три качки – вот и вся удобка.

Галя поставила перед Федькой глубокую миску тюри (хлеб с молоком), положила ложку.

– Снидай, – сказала брату, а сама села напротив, подперев кулаком щеку, глаза её были печальны.

– А ты? – стараясь не смотреть на сестру, спросил Фёдор.

– Ела уже, – ответила она, – Ой, Федька, Федька, сумно мне шось, надоела мне жизнь такая, и ты ещё дурня валяешь. Скорей бы уж казачить шёл.

– Угу, я казачить, а ты батрачить? Нет, сестрёнка, в лепёшку разобьюсь, но поставлю хозяйство на ноги: не хочу, чтобы ты всю жизнь в «наймычках» ходила.

Галя глянула на Федьку и, беззлобно усмехнувшись, ответила:

– Дурак – думкой богат.

Он промолчал, выпил через край миски оставшееся молоко и отставил её на середину стола.

– Галинка, ты не пугайся, если я дома не заночую, ну это... дело молодое, ну шо со мной будет?

– Я тебе покажу «дело молодое», сопляк! Шоб дома був! – она, хлопнув дверью, вышла из хаты.

Федька сидел, обхватив голову руками, и смотрел в окно, мысли кружились вихрем: «Господи, что за напасть такая?» Он припал вплотную к стеклу. На улице, напротив их двора, топтался старый дед Данько, а рядом с ним два молодых казака, незнакомые Федору. Несмотря на жару, дед был в стёганом бешмете, шапке и галифе, на босу ногу надеты старые домашние чуни. «Ушлый», так называли его хуторяне. Дед соответствовал своему прозвищу, как нельзя лучше, знал буквально всё: вплоть до того – в каком дворе курица яйцо снесла.

Фёдор приоткрыл дверь и выглянул на улицу, это не ускользнуло от глаз старого Данька.

– Хвэтька, а ну, погодь-погодь, иды до мэнэ, – замахал дед руками.

– Шо надо? – Федыка почувствовал неладное.

– Кажу иды – значит, иды, – настаивал дед.

Фёдор, настороженно поглядывая на незнакомцев, остановился на почтительном расстоянии.

– Шо ты боишься, як вор на ярмарци? Ось хлопци с другого хутора пытаются, а чи нэ бачив ты чужых людэй? Молоду жеребыцю в ночном украли, а следы ведут до нас, – дед, смоля сигаркой, прищуриив один глаз, выжидательно смотрел на Федыку.

– Дед Данько, если ты не знаешь – шо я могу знать? Я из хаты не выходил, спрости у Галинки, – напустив на себя безразличный вид, ответил Фёдор.

Дед эдак вьедливо посмотрел на него и, обращаясь к пришлым казакам, сделал заключение:

– Ну, шо, хлопци – ваша беда, но нашей выны тут нэма, шукайтэ у другом мисти, – дед Данько откланялся и зашаркал дырявыми чунями по пыльной дороге. Федыка, пятася задом, скрылся в хате.

«Похоже, затаиться надо: на недельку, не меньше, – сделал он вывод: хай, трошки подзабудется».

В хату вернулась Галинка:

– Федя, накопай картошки. Сварю – вечерять будем.

Фёдор с готовностью пошёл исполнять просьбу сестры. Взял под навесом лопату, ведро и спустился по склону огорода к самой реке. Накопав немного картофеля, воткнув лопату в землю, он пристально стал изучать противоположный берег, пытаясь представить переполох раннего утра, когда казаки обнаружили пропажу: «Господи, спаси, сохрани и помилуй», – тяжело вздохнув, Федыка взял ведро и вернулся к хате.

– Ты что так долго? – еле дождавшись брата, спросила Галинка. – А лопата где?

– Какая лопата? – Федыка рассеянно оглядывался по сторонам.

– Федя! А ну, посмотри мне в глаза, ты что такой замороченный?

– Я ничего... тю, лопату забыл, зараз сбегаю, – и он опрометью помчался на огород, подальше от пытливых глаз сестры.

В трудах и заботах прошли несколько дней. Федыка готовился: «Закончится неделя, и в воскресную ночь – пора».

Уже всё стихло, дурных вестей с того берега не приходило, а вот цыган передал, что заждался.

Но в чужом хуторе пропажу не забыли – хозяин не успокоился: «Таку жеребицу потерять – утрата немалая».

Деда Гришку отстранили от дела. Конечно, казаки крутовато с ним обошлись, потому что поняли, что не по-людски это, да поздно было. Дед слёг и не поднялся, вот уж неделю лежит пластом, в потолок смотрит, никого видеть не хочет. Только Марфа рядом с ним.

Деду Гришке не давала покою мысль, что он уже старый и негожий до работы.

– Марфа, а шо там хлопци роблють, хто в ночнэ ходэ? Може шо узналы?

– Пока всё спокойно, – ответила Марфа, – Казачки, шо постарше, гоняют конэй. Уже вси думают – цэ случайность. Жалеют, шо ты занэдюжив (заболел). Хлопци мали ждуть-не дождутся – цэ шо ни на есть твоя работа.

– Подывимось, – буркнул дед. – Який сёдня дэнь?

– Нэдиля прошла, як тэбэ хвороба накрыла, – баба Марфа горестно поджала губы и замолчала.

– Ты кобылку нашу выгонь – хай хлопци пасуть. Шош вона бидна стоять будэ. Хоть травы свижей пойишь. Дончака Петро сам погонэ – норовыстый вин дюже.

Марфа вышла во двор, вывела кобылицу и поджидала табун. Вскоре показались верховые казачки.

– Баба Марфа! Здравствуйте, как там дед Гришка? Пусть поправляется, у нас всё тихо – спокойно. Чужак больше не сунется.

Хлопци, передав привет деду, пошли наёмом на выпас, уводя за собой хуторской табун.

Стемнело, лошади разбрелись по полю и спокойно паслись. Казаки развели костёр.

– Надоело мне ночное: не наша эта работа, да и по всему видно – тихо здесь, вряд ли, чтобы вор во второй раз сунулся, это совсем безумному надо быть, – громко размышлял молодой казак Тимофей, – Я уже три раза свиданку пропустил. Издалека только с Катериной виделись.

– На колокола глядя – звонить не научишься, – ехидно засмеялся его друг Иван.

Они в шутку схватились бороться, остальные улюлюкали и подначивали. Друзья, борясь, вытоптали поляну и по склону скатились к самой речке. Тимофей, изловчившись, сел верхом на Ивана:

– Ну, шо, языком брехать – не цепом махать!

– Ну, будэ! Сдаюсь – твоя взяла. – Иван, отряхиваясь, сел на берегу Кубани.

– Тимка, смотри красота какая! Река спокойная, вербы низко наклонились, ветви прямо по воде бороздят, словно косы зелёные полощут. А воздух парным молоком пахнет – так бы и пил по глоточку...

– Ваня, ты чуешь, вроде как уключины поскрипывают?

Тимофей привстал, настороженно прислушиваясь.

– Та не выдумывай, Тимка, кто сюда ночью поплывёт? – Иван продолжал наслаждаться красотой летней природы.

– Иван! Точно уключины: я этот звук ни с чем не спутаю.

Притаившись в прибрежной рогозе, парубки наблюдали за рекой.

– О! А вот и гость ночной, ну, шо я тебе казав, – Тимофей дёрнул Ивана за рукав.

– Дела... ну, посмотрим, шо дали будэ?

Лодка с лёгким шуршанием, раздвигая камышовую поросль, причалила к берегу. Щупловатый хлопчик, крадучись, выбрался из неё, воткнул колышек в илистую кромку, накинул верёвку и, озираясь по сторонам, хоронясь за каждый куст, пробирался к самому выпасу. Лошади, наевшись, лениво стояли, опустив головы, некоторые, завалившись в траву, наслаждались её прохладой.

Иван с Тимофеем настороженно и удивлённо наблюдали за чужаком.

– Ваня, а он не с добром пришёл: сдаётся мне, это тот самый шибэнык (проказник), шо Марусю украл.

Фёдор, не замечая слежки, бесшумно подошёл к дончаку и протянул ему кусок сахара.

– Не бойся меня, не бойся, – он гладил коня по бокам, – Бери угощение, ну бери же...

Конь, тревожно прыдал ушами и тихо похрапывал. Фёдор осторожно набросил уздечку и повёл дончака за собой, тот, немного поупрямившись, мягко ступая копытами, пошёл следом. Федька добрался к лодке, оглядываясь, облегчённо вздохнул и наклонился, привязывая коня.

– Ну, здрастуйтэ вам блыще! – Иван с Тимофеем подошли вплотную к нему.

Фёдор выпрямился – верёвка выпала из рук, он побледнел, как смерть, и прошептал: – Здрастуйтэ...

– Ваня, а он шутник оказывается, – Тимофей кивнул головой в сторону ночного пришельца. – Ты шо, хлопец, с глузду сбывся, чи прыйихав с нами поздороваться?

Фёдор от испуга перестал соображать, отступая назад, он поскользнулся и с размаху упал в воду. Мальчик, вздрогнув от неожиданности, вздыбился и громко заржал – ему ответили другие лошади, а к реке уже бежали казаки.

– Эй! Шо тут у вас?

Фёдор встал из воды мокрый, жалкий – вид у него был несчастный: все оторопели, не веря тому, что этот тщедушный пацанёнок – конокрад.

– Хлопци... – как можно жалобнее произнёс Федька.

– Ты шо тут скиглыть ще будэшь? – настроенный не по-доброму прорычал подошедший Василий – старший среди казаков.

– Хлопци, я отработаю вам, – Федька ещё раз попытался вступить в переговоры.

– Дывы, який жоглый (смелый). И нашим, и вашим за рупь спляшем! Для начала я тебе памороки забью, – и Василь со всей силы двинул Федьке в ухо, тот жваком упал в лодку и слабо застонал.

– Васька, ты мабуть его убил, ты ж своим кулаком быка уложишь, – испуганно сказал Иван.

– Эй! Плюгавый, – он потормошил Федьку за плечо. – А ну, кончай коныкы выкыдать. Тело безвольно качнулось и осталось без движения.

Казаки переглянулись.

– Ну, шо робыть? Раз так случилось..., давайте гуртом лодку в воду столкнём – хай несёт до самого Азова.

Течение подхватило неуправляемое судёнышко и закружило по реке. Федька, бесчувственный, лежал на спине, и кровь тонкими струйками стекала по его лицу. Он то приходил в себя, то вновь проваливался в небытие. К обеду небо затянуло тучами, и пошёл летний дождь, громко забарабанив по лодке. Фёдор открыл глаза, голова кружилась, он осмотрелся непонимающим взглядом, пытаясь сесть, но тело было непослушным.

Лодка словно призрак бороздила мелководе и на закате уткнулась в излучину берега. Местные пацанята, с визгом барахтающиеся в воде, оторопели от ужаса и опрометью бросились в хутор. Вскоре на берегу собрался народ. Федьку вытащили из лодки, уложили на рядно.

– А вин ни куде, ни мэлэ, – сделал заключение старый казак. – Кто ж ёго так?

Молодая девка, зачерпнув пригоршнями воду, плеснула Федьке в лицо. Он облизнул запёкшиеся губы.

– Видно, хлопец в рубашке родился, – запричитали бабы, – В хутор его несите, не таких выхаживали.

– Живу людыну – грех великий бросать без помощи. Давайте в мою хату – всё равно одна, як зозуля, живу – журиться надоело.

Фёдора перенесли в хату молодой вдовой казачки.

– Вылечу, выхожу – все раны загоются, – хлопотала Нюся вокруг квёлого гостя.

Глава III

Уже какие сутки сидела Галинка в пустой хате: все слёзы выплакала, все молитвы вычитала, на каждый шорох вздрагивала, а Фёдор всё не шёл домой.

За окном вечерело, в хате быстро темнело. «Каганец надо запалить, а то совсем сумно (печально)», – подумала Галя и подошла к припичку. Неожиданно за спиной звякнула щеколда, и с лёгким скрипом открылась дверь.

– Кто здесь? Федя, ты?

– Я ром Тобар, – низкий, сипловатый голос раздался из темноты.

– Кто!? – всхлипывая от страха, Галинка повторила свой вопрос.

– Из табора я – разговор есть. Ты, чавэла, каганок запали и завесочки зачини от чужих глаз.

– А ты мне, вроде, родной? Как в хату попал? Тебя, что Сирко пропустил? Он злой на чужих!

– Ну, не будь я цыган – Сирка твоего ляхаться (бояться). Крадькома прошёл – он и наежачиться не успел. Да и тебе невздогад, зачем я здесь?

– Ну, мабуть скажешь, раз пришёл, – Галинка поставила на стол каганок в старой, закопчённой черепушке. Он тускло осветил жилище, оставляя тёмными углы. Посредине комнаты стоял незнакомый Галинке цыган. Чёрные глазища, поплёскивая, не мигая, смотрели на неё.

– Ну, и где наш червоный?

– Ты это про что спросил? – Галя от страха сжалась в комок, приглядываясь к незнакомому лицу.

– Ты на меня вприщур не жмурись. Федька где? – цыган повысил голос.

Галина уронила голову на руки.

– Ой! Знать бы самой, куда он сгинул, поганец? Недобро мне на душе – недобро!

– Вижу два брехуна правды не скажут, – цыган с размаху стукнул кулаком по столу. Пламя слабо задрожало – по стенам пробежали причудливые тени.

– Гроши мои отдай и шукай своего Федьку хоть всю жизнь. – Цыган схватил Галинку за плечи:

– Не молчи, як дурна овца, – хуже будет! А Федьку найду – убью. Ещё не родился тот человек, чтобы цыгана обманул.

– Постой, постой, – Галина в мольбе сложила руки. – Прости, что я тебя разлютовала: сдаётся мне, что ты больше меня знаешь, не томи душу – поведай правду. Чую, хорошего не скажешь, добей уж не кулаком, так словом. Какая мне разница? – Галя смотрела на цыгана, умываясь слезами.

Тобар обвёл глазами убогое жилище, недоумевая, куда можно было потратить такие деньжища? «И взять-то с неё нечего», – подумал про себя цыган.

– Ну, что ж, держись, девка – правда будет горькая. Ко-но-крад твой Федька! А за конокрадство сама знаешь, что бывает.

– Его убили! – с великим отчаянием в голосе, Галя скорее ответила самой себе, нежели спросила у Тобара.

– Думаю, что нет, – уверенно ответил тот. – Мои люди были на той стороне реки – там всё тихо, в хуторе спокойно. А ведь молодую кобылу Фёдор у них из ночного увёл. Брехать не буду: я научил, грошей много за неё дал, да ещё в придачу задаток за чистокровного дончака. А Федька твой оказался глуп по самый пуп. Деньги взял и был таков. Ты вот сидишь, слюни пускаешь, а он где-то жирует на мои деньги.

– Нет, нет, не такой он! – запричитала Галя. – Это он за ради меня на такое пошёл, хотел хозяйство поднять, на ноги встать, хлеб свой сеять. Ой! Беда, беда с ним случилась...

– Ну, посуди сама: ежелить его поймали – на другой день гости в хату пожаловали бы и с тебя семь шкур содрали, а так всё чин – чином. Ну, если только я словлю – ноги точно выдерну. А ты не сиди, сложа руки: пошукай его по ярмаркам. Живой он, живой – пострел брехливый, как говорится: «Не умеешь запрягать – не берися за дугу». Ну, прощавай, оставайся с Богом.

Цыган встал и так же незаметно исчез, как и появился. Каганец вскоре погас – в хате стало темно, одна лампада освещала лик Божий и дарила Галинке слабый лучик надежды.

– Буду шукать денно и ночью – не жить мне без тебя, Федечка, – всхлипывала Галинка.

За окном стало светать, запели первые петухи. Галя вышла во двор, Сирко виновато ластился к её ногам.

– Ну, что ты прыгаешь, чужого не угадал? – укоризненно качая головой, она посмотрела на пса.

Тот понял свою вину, лёг и стыдливо отвёл глаза. Галя тяжело вздохнула, раздвинула руками высокие разноцветные мальвы, густо поросшие вокруг хаты. Мимо двора тянулась пыльная, ухабистая дорога, по ней, громыхая, тащилась телега, запряжённая быками.

Старый казак – дед Гнат, сидя на куче мешков, погонял быков длинной хворостиной: «Цоб! Цоб!» Его жена – тётка Фрося сидела спиной к мужу, свесив ноги с телеги, понуро смотрела на дорогу. Гнат, заметив Галину, придержал быков.

– Галю! Доброго утра! Ты шо так раненько робыш?

Дед был болтливый, находил любой повод «побалакать з людямы».

– А вы далече собрались?

– На ярмарок! Того-сёго купить – та може шось продамо, – с готовностью откликнулся дед Гнат.

– Пойихалы з намы, а то мы с Фроськой всю дорогу лаяться будэм.

– Ой, я с радостью, вот только гаманок возьму. Засиделась совсем, хоть на людей посмотрю.

– Да и сэбэ показать надо, дивчина ты гарна, – Гнат молодцевато подмигнул Галине.

– Ой! Скажете тоже, – Галя, смущаясь, покраснела. Она села рядом с тёткой, и телега, скрипя и качаясь, медленно потащила за быками.

– От, ледача худоба! – дед погонял быков. – Цоб, бисова невира! Так тикэ за смэртю йиздыть.

Гале от этих слов стало не по себе.

– Галынка, а ты шо смурна така? – тётка обняла её за плечи. – С тобою беды нэмае? Шось я Хвэдора давно нэ бачила?

Галя попыталась улыбнуться.

– Всё хорошо, Федя на другом хуторе работу нашёл – трошки грошей заработает. А я скучаю без него: привыкли всегда вместе.

– Оцэ верно. Одын и у каши загынэшь, – согласилась с ней тётка Фрося.

– Гнат, а ты б йихав навпростэць: там и дорога ровнише, и брод блыще.

– Та я так и надумав! – согласился дед, – Цоб-цобэ, цоб-цобэ! – Гнат понукал быков, они нехотя свернули влево от дороги и медленно поплелись по разнотравью, пощипывая высокую траву.

Галинка, думая о своём, притихла, тётка Фрося, повалившись на мешки, крепко спала. Дед Игнат, сделав самокрутку, попыхивал дымком. Неожиданно телега покатила быстрее.

– О! Скаженна худоба – воду почуюла! – воскликнул дед.

Галина огляделась вокруг и удивилась: как незаметно всё изменилось. Кругом раскинулись мочары, поросшие рогозом и кугой, небольшие болотные луга пестрели белыми и жёлтыми лилиями, а дальше расплзлись плавни, в которых рос высокий камыш, издававший сухой шелест от дуновения лёгкого, утреннего ветерка. Телега, скрипя и подпрыгивая, покатила по наезженному склону.

– Брод! – радостно закричал дед Игнат. Тётка Ефросинья, проснувшись от неожиданности, напустилась на мужа.

– Ты шо, пэрвый раз брод бачиш? Гомоныш (кричишь) як заполошенный!

– Щас и ты крычать будэш, – дед многозначительно кивнул на быков.

А те, войдя в реку по колена, встали, как вкопанные, и медленно пили, цедя сквозь зубы проточную воду. Телега передними колёсами въехала в речку, а задние стояли на берегу.

– Гнат, цэ шо, надовго? Колы ж мы на ярмарку прыйидым? – забеспокоилась тётка.

– Скотына воду пье, чи ты нэ бачиш? – дед наслаждался тем, что мог отомстить жене за её нетактичное замечание по поводу его восторга.

– Уже солнце поднялось высоко, хто нас там ждаты будэ на той ярмарци? – возмущалась Ефросинья.

– Водопой дило святэ – тут я бессилен, – и дед демонстративно спрыгнул в воду.

Река за лето обмелела – брод был неглубоким, еле доходил до края голенищ дедовых стоптанных чоботей. Он развёл руки в стороны, привирая мотивчик, и притопывая по воде, так что брызги летели во все стороны, запел скрипучим голосом:

– Ой! Вербыця зэлэнэнька, нахылылась над водою...!

Быки, напуганные дедовым вокалом, тараща глаза и обмахиваясь хвостами, дёрнули телегу и быстро перетащили её на тот берег.

Тётка Фрося стала отряхивать деда:

– Весь захлюпанный, шо люды будут казаты?

Дед молчал. Показались первые хаты чужого хутора, он был больше и богаче, народу на улицах много. Бабы в ярких шалях, весёлые, разговорчивые, с большими кошёлками, двигались в сторону майдана, на котором по воскресеньям устраивалась ярмарка, и съезжалось много люду со всех близлежащих хуторов. Дед окинул взглядом майдан:

– Та тут и прытулыться никуды: дывы стикэ понайихало!
– А ты стань у того прычилка, – Ефросинья показала на кусок старой стены.
– Фрося, развязуй чувалы, хай люды выбырають – товар у нас добрый.
Галинка спрыгнула на землю, отряхнула смятую юбку, огляделась по сторонам.
– Тётя Фрося, пройдуся я немного, посмотрю, кто чем торгует. Давно не была на ярмарке.

– Иды, дивчинка, иды! – тётка покачала головой вслед Галине. – Ой, шось у нэи на душе тёмно. Гнат, тоби нэ показалось?

– Фрося, шо ты каркаеш, девка молода, може любовь?

– Дурный ты дид, яка любовь? Вона аж личиком почёрнила.

– Ну, дурный, так дурный, розбырайтэсь сами, – Гнат обиженно замолчал и занялся своим делом.

Галя шла по площади, присматриваясь к незнакомым лицам, прислушиваясь к разговорам. Хоть и не поверила цыгану, что, мол, гуляет Фёдор на его деньги, но так надеялась найти брата, может, молву какую услышать о нём. Она подошла к коновязи и остановилась. Вокруг толпились казаки, рассуждая о достоинствах и недостатках выставленных на продажу трёх молодых жеребцов. Старый казак, одетый в новую черкеску и папаху, лихо сбитую набекрень, облокотясь на коновязь, не спеша достал кيسет, порылся в нём, насыпал в ладонь щепотку табака и, долго разминая его пальцами, набил люльку.

– Хлопци, прыкуруть дайтэ, – обратился он к казакам, и те с готовностью поднесли огоньку. Дед, раскуривая трубку, прищуря глаз, следил за молодым баламутом, который без надобности цеплялся к гнедому жеребцу.

– Ох, ты и жвавый (бойкий)! – с иронией заметил он. – А конь дюже норовытый – отойды от греха.

– А я, может, купить хочу! – нагловато ответил казачок и дёрнул коня за уздечку. Жеребец высоко вскинул голову, нервно заходил крупом и взбрыкнул задними копытами.

Галинка почувствовала сильный удар в грудь, и свет померк в её глазах.

– Рятуйтэ! – кто-то громко закричал.

Старый казак склонился над ней.

– Ой, лышичко якэ! Дыхай, дивчинка, дыхай глубже. Воды сюды, воды! Хлопци, хватайтэ того заморуха. Такой биды наробыв!

Дед суетился вокруг Галины, не зная, что делать.

– А ну, диду, отойди, не мешай, – подоспевшие молодые казаки разогнали зевак. Василий приподнял девушку, окинув взглядом её бледное лицо с посиневшими губами.

– Ничего, сейчас пройдёт: удар под дых пришёлся – так часто бывает, – он успокаивал собравшихся, рассматривая незнакомку. – А дивчина с какого хутора? С кем приехала, кто видел?

– Да она с батьками своими с Закубанского, вон их быки стоят, – ответили вездесущие пацанята.

К Галинке медленно возвращалось сознание, она открыла глаза и затуманенным взором посмотрела на парня, поддерживающего её безвольное тело.

– О-о! Краса – живая! Вдохни глубже, вот молодец, и ещё раз.

Галя тяжело вдыхала воздух, он со свистом и с шумом заполнял её лёгкие. Щёки слегка порозовели, дыхание восстановилось, а из глаз покатались слёзы. Девушка попыталась встать, отстраняя руки Василия, но не смогла и беспомощно опустилась на землю.

Неожиданно, откуда ни возьмись, появилась тётка Фрося, громко причитая:

– Вы шо с дивчиной зробылы?!

– Тётка, не шуми, лучше покажи, куда её нести.

Василь был высоким, крепким казаком, он легко встал и, словно пушинку, поднял Галинку с земли.

Ефросинья бежала впереди, приговаривая:

– В таку даль йихалы и поторговать нэ прыйшлось. От беда! Галю, ну на шо ты пишла туды?

Похоже, тётка, не скрывая своего раздражения, была недовольна случившимся.

Гале было неловко, что по её вине у соседей срывалась торговля.

– Тётя Фрося, вы на меня не серчайте: я под телегой отлежусь малость – в тягость вам не буду.

Василий удивился: – Так ты им не дочка?

– Яка там дочка? Сама вона живэ! – тётка отчаянно махнула рукой.

– А расторгуетесь, назад на быках её повезёте? – уточнил Василий.

– Не, на крылах полетим, – Ефросинья не могла сдержать досаду.

– Может, я её на бричке прямо сейчас отвезу? Ей бы полежать – конь задними копытами ударил – нешуточное дело.

– Ох, ты ж и спорый якый. Вэзы-вэзы, а потом увэсь хутор судачиты будэ – у нэи заступников нэмае.

– Ну, тётка, ты ж и языкатая! – Василь, усаживая Галю на кучу мешков, с укором посмотрел на Ефросинью. – Ждите, я зараз вернусь, – повернувшись, он быстро пошёл через майдан.

– Настырный парубок, чи ты йому глянулась? – тётка Фрося обиженно посмотрела вслед казаку.

– Ой! Тётю, ну шо вы кажете? – Галя стыдливо опустила глаза.

– Знаю, шо кажу, – Фрося многозначительно поджала губы.

Подъехавшая бричка, запряжённая молодыми рысаками, отвлекла их внимание, и разговор прервался. В бричке лежало сено и бурдюк с водой. Василий спрыгнул на землю.

– Ну, поедем потихоньку. Как чувствуешь себя, раздышалась? Водички свежей хочешь? Вон губы кровью запеклись – выпей, легче будет, – и он протянул ей кружку.

Галя дрожащими руками взяла её и сделала несколько глотков. Вода охладила разгорячённое нутро.

– Спасибочки, – отдавая кружку, благодарно глянула парню в глаза.

Василий сделал вид, что не заметил её смущения – просто и по-доброму сказал:

– Ну, обхвати меня за шею, переложу тебя в бричку, да не бойся – я аккуратненько.

– Я не боюсь, – еле пролепетала она, покраснев до самой маковки.

Уложив дивчину на солому, Василий сел на облучок, взял поводья, и бричка тихо тронулась с места. Ефросинья крикнула вдогонку:

– Галинка, як вэрнэмось до дому – я до тэбэ зайду!

– Значит ты – Галинка, ну, а я – Василий. Вот и познакомились. А тебе не тряско? – Оглядываясь назад, участливо спросил он.

Галя лежала на спине и смотрела в синее-синее небо, на котором не было ни облачка. Несмотря на все неприятности, которые случились с ней за последнее время, на душе было как-то спокойней или легче. Галя сама не могла понять, что за чувство поселилось в ней. Чужой, незнакомый парубок воды подал, ухаживает, как за маленькой. Может, от этой чужой заботы чуточку потеплело на сердце? Вскоре выехали за хутор – запахло степью. Василий, натянув поводья, остановил лошадей и неожиданно спрыгнул на землю. Галя не подняла головы: её немного растрясло – болело всё тело. И вдруг, словно подарок с неба, прямо на грудь Галине Василий положил пёстрый букет полевых цветов.

– Это тебе, чтобы не скучала, вокруг красота такая, а ты из брички не видишь.

Галина прятала лицо в букет, а Василий, не отрывая глаз, смотрел на неё. Над ними было голубое небо, вокруг яркая, утомлённая зноем степь, с её однотонным стрекотом кузнечиков.

Лошади ускорили шаг. Василь осмотрелся вокруг.

– Галинка, скоро брод: мы уже с тобой полпути проехали – хутор твой недалече.

– А мы, вроде, не здесь речку переезжали, – Галина не узнала прежний брод.

– Да, здесь он не один, этот глубже, но для брочки в самый раз, а если быками ехать, лучше к дальнему: там и спуск пологий, и вода мельче. Быки – худоба настырная, никогда не угадаешь, что они выкинут: могут зайти в воду, и час будут стоять, хоть выспись.

– Это точно, – поддакнула Галя.

Выждав немного времени, дав лошадям напиться и передохнуть, Василий тронул поводья.

– Но, пошли родные, хватит баниться! – после водопоя рысаки резво покатали брочку и вскоре въехали в хутор.

– Василь, ты шибко не гони – моя хата крайняя, вон за теми мальвами прячется.

Он привстал, осмотрел округу:

– Так ты прямо на берегу Кубани живёшь? Рыбы-то, наверное, вдоволь – подолом ловить можно или лодка есть?

Галинка вздрогнула, словно её кнутом полоснули и, еле разлепив губы, почти шёпотом ответила:

– Была лодка...

– Тпру-ру... – Василь натянул вожжи, и брочка остановилась у самой капитки. Галинка привсталала, пытаясь выбраться из неё.

– Стой, стой, девка, ты что прыгать собралась? Насилу на ногах держишься. Иди ко мне, – он приподнял Галину и бережно понёс, толкнув ногой кособокую калиточку, вошёл во двор. Сирко сидел под хатой, понуро повесив голову.

– Ну, а в хатупустишь? Чтобы спокоен был – мол, доставил на место.

– Входи, только пригнись, а то у меня сволок низкий, – смущаясь, сказала Галя.

– Поздно предупредила, – засмеялся Василь, и папаха, зацепившись за притолоку, слетела с его головы.

Оказавшись внутри маленькой хатки, Василий спросил:

– Так ты, что, правда, одна-одинёшенька живёшь?

– Нет, с братом Федькой. Он к тётке в другой хутор пошёл – скоро вернётся, – чуть не плача ответила Галинка.

Василия поразила безысходная тоска, мелькнувшая в её взгляде.

– А-а-а..., – протянул он, вспоминая тётки Фроси слова: «Нэмае у нэи заступников».

Василь потоптался с ноги на ногу и, не зная, что делать дальше, откланялся хозяйке:

– Ну, бывай здоровенька, поеду я. А ты отлежись пока, вечером тётка Фрося обещала зайти. А, может, я чем помогу? Ты не стесняйся, воды принесу или ещё чего...

– Нет, нет, у меня всё есть. Тебе уже пора ехать, спасибо за всё, – Галя поторопила Василия, подталкивая его к двери. – Сирка не бойся: сюда пустил, а назад уж точно выпустит. Добрый чересчур. – Она тяжело вздохнула.

Василий переступил через порог и оглянулся. В глазах Галины стояли слёзы.

– Галя, а если случится на вашем хуторе побывать, в гости зайду –пустишь?

– С великой радостью! Заходи, конечно, – она прислонилась к дверному косяку и помахала ему рукой.

Василий вышел на улицу, отвязал коней от ветхого плетня, сел в брочку и отправился в обратный путь.

Такое событие не ускользнуло от вездесущих соседских глаз.

– Зинка, Зинка, ты бачила, якый парубок от Галины выходыв? – баба Акулина, прищуриив глаза, подзывала к себе невестку. – Я на городи була – всё бачила: вона такой недотрогой ходэ. А козаченько нэ наш – с другого хутора. От тоби и Галынка!

– Баба Куля, оно вам надо? Она же у вас не украла. Молода, гарна дивчинка, дай Бог, чтобы у них всё сложилось. Ей уже и замуж пора.

Зинаида не поддержала бабу Акулину и пошла по своим делам, та разочарованно смотрела по сторонам: кому бы ещё поведать о столь важном, из рук вон выходящем событии. Но улица была пуста.

ГЛАВА IV

Лето близилось к концу, стояли последние дни августа. Работы было много. Галина, чтобы заглушить тоску, с самого раннего утра принималась за работу, к вечеру, выбившись из сил, садилась на ветхие порожки, долго сидела, глядя на дорогу, изредка отмахиваясь от докучливых комаров. Пёс лежал рядом, положив голову на вытянутые лапы.

– Сирко! – позвала Галина. – Ну что, так и зиму коротать будем? Сгинул наш Федечка: не идёт до хаты – похоже, не брехал цыган.

Сирко поднял морду, прислушиваясь к словам хозяйки, затем встал, наострив уши, лениво, негромко залаял:

– Вот, а говорила, зря кормишь, смотри какой сторож.

Пёс завилал хвостом и побежал: по дорожке шёл Василий. Он был одет в поношенную черкеску, широкие штаны и старые бахилы, за плечами висела торба.

– Вася, ты откуда взялся? – Галинка просияла приветливой улыбкой и встала ему навстречу.

– А, я тут по делам. С вашими хлопцами побалакать надо. Решил заглянуть, помнится, обещала в гости пустить.

– Входи, входи, всегда тебе рада!

– А я с гостинцами к тебе. Вот мёду принёс со своей пасеки, да яблок красных – скоро яблочный спас. У тебя, наверное, таких в саду нет?

– Да у меня и сада нет, – печально ответила Галина. – Весенний паводок всё уносит, вот только калина кое-где притулилась, да вербы до воды гнутся.

Галя, смущаясь, теребила завиток толстой косы, перекинутой через плечо.

– Ну, пошли в хату, что же мы тут стоим? – она открыла дверь, пропуская вперёд Василия.

Он вошёл, осмотрелся и сразу понял, что Федька домой не вернулся. С тех пор, как он привёз Галину с ярмарки, в хате ничего не изменилось. Василий сел на скрипучий табурет, стоявший у старого, щербатого стола, выложил гостинцы – красные яблоки раскатились по столу.

– Галя, – Василий тихо обратился к ней. – Ну-ка сядь рядом и расскажи мне о Федьке своём. Не буду скрывать: сегодня от ваших хуторских узнал, что пропал он ещё в середине лета, и лодка исчезла, да и не искал его никто. Так же не бывает: человека нет, а всем байдуже (безразлично).

Галинка стояла молча и смотрела прямо перед собой.

– Галя, ты не молчи: я не уйду, пока не узнаю от тебя правду. Ты же не живёшь, а таешь, как свеча. Шила в мешке не утаишь – разговоры всякие ходят.

Галинка резко повернулась к Василию и с вызовом бросила ему в лицо.

– А тебе зачем это? Может, лучше не знать правды? Да и хутор твой далеко, а наши побалаганят трохи, да и забудут. Кто ты мне, чтобы я душу тебе открыла?

– Галинка, – Василий встал и подошёл к ней. – С тех пор, как я увидел тебя, жизнь моя перевернулась. Бывало, и раньше с девчатами гулял, но так как ты, в душу ни одна не запала. Полюбил я тебя, очень полюбил. Просить ответа скорого не буду, сама решишь, как поступить. Только позволь мне помочь тебе – расскажи о Фёдоре, не таись.

– Ой, Василь, Василь, не нужна тебе такая правда, не будешь ты меня шанувать (уважать). Да и ходить ко мне не надо. Конокрад мой Федя, конокрад! Запутал его цыган в сети свои хитрые, деньгами немалыми поманил, а он по глупости повёлся на это. Батьки наши рано ушли на тот свет – не вернулись с ночной рыбалки, а уже позже нашли их в плавнях. С тех пор живём сами, как можем. Федька подрос и всё мечтал разбогатеть – хлеб свой сеять, худобой обзавестись, хатёнку поднять. Меня всё жалел, что работаю много, на чужих спину гну. Вот и случилась беда, одну кобылу из ночного увёл, цыган ещё захотел – задаток дал и пригрозил, а уж во второй раз не вернулся Фёдор. Чует моё сердце – беда с ним, вот через то и не живу я, а таю как свечка, – правильно ты заметил, –

она потупила взор. – Ну, как тебе моя правда на душу легла, не расхотелось любить сестру конокрада? А казаки, ох, как это не уважают! Обмишулился ты со мной, Василий.

Ко всему был готов Василь: любая беда – не беда, но то, что он услышал от Галинки, словно молнией прошило его. Он ясно вспомнил ту ночь и того хлипкого хлопчика, просящего пощады, и лодку, которую гуртом столкнули в реку, и закружила она вниз по течению с его бездыханным телом. О случившемся судачить не стали: порешили молчать.

«Может и правду лодку в Азов вынесло – тогда уж наверняка всё в воду кануло, хотя устье Кубани сильно разветвлённое – могло и к бережку прибить. Но тогда бы слухи поползли по хуторам, а так ведь всё тихо», – Василь сидел, раздумывая, низко опустив голову.

Вот как жизнь обернулась. Сказать Галине правду, а после этого встать и уйти навсегда, Василий не мог оставить её с этой бедой, участником которой был сам.

Он поднял голову и долго смотрел ей в глаза: «Эх, знала бы ты, дивчинка, мою правду, ещё неизвестно, чья она горше», – подумал про себя Василий. Подошёл к Галине, обнял, прижав к себе и тихо сказал:

– Не слушай никого – дождись меня.

Дверь закрылась, и Галя осталась одна. На душе было пусто и печально.

Василий вернулся в свой хутор и погнал рысака в степь. Опалённая суховеями, притихшая, словно уснувшая, хранила она тайну беды той, что случилась здесь летней ночью. Спустившись к реке, он смотрел на тёмную стремнину: всякие мысли лезли в голову. Опавшие, жухлые листья проплывали мимо, а те, что попадали в водовороты, стремительно закручивались в тёмную воронку и шли ко дну. Василь вспомнил каждую минуту той злосчастной ночи. Вопрос: «что делать?», острой занозой сверлил его мозг, а лицо Галинки с печальным взором стояло перед глазами. Не найдя ответа, с болью и тревогой в душе, к полуночи вернулся домой. Завёл коня на скотный двор, сыпнул в кормушку овса, похлопал ладонью по разгорячённой шее рысака.

Он поднялся по невысоким порожкам родительской хаты и вздрогнул от неожиданности.

– Мамо, а шо вы тут стоите?

– На тебя люблюсь, – мать покачала головой. – А шо, Василёк, в нашем хуторе девок нэма?

– А я почём знаю? – невпопад ответил Василий.

– Та и я ж про то! За три горы киселя хлебать йиздышь? А Меланья понура ходэ – не твоя вина?

– А Вы откуда знаете? – удивился Василий.

– Ще б я – та й нэ знала?! – Мать хлопнула руками себя по бокам, – скажи спасибо, шо я батьке мовчу. Мы всю жизнь робылы, добра наживалы: для тэбэ старались, а ты через Кубань до голодранки в гости зачастыв.

– Мамо! – Василий попытался слово вставить.

– Нэ мамкай! Я, сынок, бильше знаю, чем ты думаешь.

– Шо вы знаете? – Василь повысил голос.

– Прыйдэ время – скажу! – мать, хлопнув дверью, ушла в хату.

Василь стоял в недоумении, пытаясь понять слова матери, затем, стараясь не скрипеть дверью, вошёл в дом, не раздеваясь, лёг на кровать. Спать не хотелось – так и пролежал, глядя в потолок, до первых петухов. Слышал, как мать встала доить корову, чуть позже батько, топоча чоботами, вышел во двор. Хутор постепенно просыпался. А Василь закрыл глаза и забылся тревожным сном. Разбудил голос матери.

– Вася, сидать (завтракать) пора!

Мать хлопотала у плиты, на столе стоял глэчик молока и тарелка с салом, сверху на сале горкой лежал лук-сорокозуб.

– А батько дэ? – спросил он.

– На дворе управляется: скоро задождит – надо всё в сарай поховать.

– Мамо, – Василь катал в руке хлебный мякиш, – А шо Вы грозилась мне рассказать и знаете такое, чего я не знаю?

Мать поставила на стол чугунную сковороду с яичницей и села напротив сына.

– Я сказала, колы время прыйдэ – расскажу.

– А если уже пришло? – настаивал сын.

– Ой, Васька-Васька, куда ты встряв? Або у нас дивчат мало? – она со слезами в голосе выговаривала сыну своё недовольство. – Ще в конце августа, до Онухрия Грыцюка, сваты прыйхалы – Зинаиду засваталы, свадьбу после Покрова решили справить.

– А мне до Зинки дела нет! Вы это хотели мне рассказать? – удивился Василий.

– А ты не перебивай, бо дали будэ хуже. До Зинки ему дела нэма! – Мать рассердилась не на шутку. – Так вот: Зинку засваталы в самый дальний хутор, аж под Варениковку. Хутор богатый, земля хорошая, урожайная. Кубань там дюже рыбная – тарани богато. Хорошо люды живут. После сватовства засиделись и много чого интересного порассказали – слухай: в середине июля, прибило до их берега лодку с хлопцем, сильно бытым. Хлопец той чуть Богу душу не отдав. Еле выходила его казачка вдовая, так возле себя и оставила – вот уж три месяца вместе живут, а хлопец ничего не помнит. Як вона нэ пытается разбалакать – молчать. Не помнит, а може не хочет помнить? Вот я, сынок, и думаю, а не тот ли цэ хлопчик, шо вы с Иваном, в ночном, за кобылку краденую наказалы? – мать в упор посмотрела на Василия, он обомлел и покраснел, как рак.

– А Вы откуда про это знаете? – еле выдавил из себя Василь.

– Э-э, сынку, собака лае – витэр носэ. Иван – Зинкин брат, шо с тобою був, мамке своей шепнул, ну, а вона до мэнэ прыбигла:

«Шо робыть, шо робыть? Васыль хлопца убыв. Гуртом лодку в Кубань столкнули и концы в воду».

– Ну, а я кажу: гуртом столкнули, значит гуртом и убылы. Если Василя тронут – Иван следом пойдёт. Верка, аж побелела от страха. И договорились мы с ней молчать, як мэртви. Ну, теперь вразумив?

Василий, немного подумав, ответил:

– Это я вразумив, а вот про Галинку откуда вы знаете?

– Сорока на хвосты прынесла, – мать подбоченясь, смотрела на сына. – Я сынку знаю с того самого дня, як ты ту Галю с ярмарки до дому возыв. Люды кажут, шукала вона брата, шо пропав летом. Бачь як сходитця, не ходы туда – не ровня вы друг дружке. Лучше засылай сватов до Меланьи. Девка хорошая, наша хуторская, я её сызмальства знаю – на глазах заневестилась. Да и семья богатая, работающая.

– А Вам, мамо, лишь бы богатство да приданное, а что у меня в душе – вижу, Вас не волнует. Ещё скажите свою любимую присказку: слюбится-стерпится. Нет! Не стерпится и не слюбится – от Гали не отступлюсь, а если Вы её в хату не примите – уйду в примаки, – Василь стукнул ладонью по столу.

– Дуракам батькивщина нэ в моду. Йисты нечего, зато жить весело.

Бросив посудное полотенце на стол, Мария, демонстративно хлопнув дверью, вышла из комнаты. Василь остался один. После рассказа матери, сомнений не было: хлопчик, на дальнем хуторе – ни кто иной, как Федька. Для Галинки радость, а вот как ему поступить? Ясное дело, что ехать надо одному, разыскать хату, где живёт вдовая казачка, найти повод поговорить с Фёдором. Вряд ли они запомнили друг друга в лицо – разговор будет по душам и придётся выложить всю правду-матку. Слава Богу, что так обошлось. Василь, опёршись подбородком на кулак, не мигая смотрел перед собой.

«Значит, придётся рассказать Гале всё, как на духу. А вот тут-то и «собака зарыта». Галинка за брата может не простить: для неё он дитё малое – неразумное. Любит его, как мать, а любовь – слепа. Как бы ни был виноват Федька, но ведь я кулак приложил, а потом ещё на верную смерть лодку в реку столкнули. Господи, – Василь поднял глаза на икону, висевшую в углу. – Зачем же ты послал мне такое испытание? Если Галина не простит – стоит ли жить? День, прожитый без неё – мучение. Надо этот узел распутать как можно быстрее».

Он встал, снял с гвоздя шапку и вышел во двор. Мать кормила кур, рассыпая вее-ром кукурузу.

Василь молча вывел коня, запрыгнул в седло, и, пришпорив гнедого, галопом вылетел в открытые ворота. Пыль, за клубившись из-под копыт, скрыла его из виду.

Он направил рысака к реке и только там, на берегу дал ему передышку. Соскочив на землю, долго смотрел на воду. Сердце бешено колотилось. Конь стоял рядом, низко опустив голову.

«Ишь, скотина понятливая, чувствует, что мне погано на душе» – подумал Василий.

Запрыгнул в седло и неспешно поехал вдоль Кубани. Стоял конец сентября. Жухлая, высохшая трава, куда не доходила речная влага, скучным ковром покрыла пологие берега, а ближе к воде высокие заросли бузины красовались ярко-зелёными листьями и кистями чернильно-синих ягод. Солнце поднялось высоко, припекая плечи осенними нежаркими лучами.

«Если до ночи не успею, придётся заночевать в степи», – подумал Василий, досадуя на то, что не взял с собой ни куска хлеба, ни лёгкого колушка. У казаков не принято отправляться в дорогу, не прихватив с собой всё, что может понадобиться в пути.

«Благо кисет при мне да сирныки (спички). Пожалуй, надо поспешать», – Василий, пришпорив коня, пошёл намётом.

Он вглядывался вдаль, надеясь увидеть хуторок или хотя бы отдельно стоящие хатки. Но степь была ровная до самого горизонта. Время летело быстро, солнышко уже клонилось к западу. Василь, натянув вожжи, остановил коня.

«Видно по всему – придётся заночевать у реки, ночью немудрено с пути сбиться». Он уже изрядно устал, хотелось пить, от голода кружилась голова. Василь ругал себя за такую опрометчивость: «ведь не пацан какой, а взрослый казак».

Конь пощипывал траву, росшую зелёными островками по илистому берегу, затем забрёл в реку по самое брюхо и долго пил, пофыркивая, мутноватую воду. Вечер полноправно вступал в свои права, от реки потянуло сыростью – стало холодно. Василий передёрнул плечами и подумал: «Да, в лёгком бешмете будет невесело».

Вдруг ему послышались голоса, и вдали мелькнул огонёк самокрутки. Он затих, прислушиваясь: «похоже, рыбаки – значит хутор недалеко». Василь взял коня под уздцы и не спеша пошёл вдоль берега. Трое мужиков расположились у небольшого костра.

– Здорово живёте! – поприветствовал их Василь.

– И тебе доброго здоровья. Куда, казаче, путь держишь? А то сидай до нас, бери шо бачиш; ось хлиб, сало, цибуля (лук). Мы на ночну рыбалку выйшли, сетку поставылы – будэмо ждаты рыбу. А ты, хлопец, йишь, а то, може, чарочку выпьешь, шоб нэ змэрз, – казаки наперебой предлагали Василю угощение.

– А вы сами откуда будете? – поинтересовался он.

– Та мы тут недалэче, хутор наш, вон за той излучиной притулился. Живём почти шо одной семьёй – все друг дружку знаем. Молодёжь выбирается хто в станицу, хто ближе к Азову, к Темрюку. А мы так по-стариковски. Правда, этим летом хлопчик прибился до нашего берегу, трошки покалеченный, глуховат, а так ничего, работающий. Бабы, шо помоложе, чуть не передрались. Нюська отбила – при себе держит. Та вроде ничего, живуть хорошо, кажуть, шо она уже понесла от ёго.

Василий напрягся, стараясь не пропустить ни одного слова.

– А откуда хлопчик? Что, без роду и племени?

– Та, хто знает, каже, шо не помнит ничего: былы его дюже. Живэ, та и живэ, абы Нюське було б хорошо – беззлобно засмеялись мужики.

– А как же звать того хлопчика? – с напускным безразличием, поинтересовался Василий.

– Юхымом! Точно Юхымом, – ответил старый казак.

– Ну, так я коня стреножу, посижу у костра, огонь поддержу и погреюсь немного.

Ночь выдалась холодная, на тёмном небе ярко мерцали звёзды.

Мужики пошли к реке, а он долго сидел в глубоком раздумье:

– «Что даст эта встреча? А что, если хлопец и правда ничего не помнит и будет ему всё равно, есть ли у него сестра и где его дом? Будет ли Галинке легче от этого? А самому Василию как поступить? Здравствуй, мол, Федька, это я тебя таким дурным сделал, а теперь сватаю твою сестру. Хорош зятёк».

Голоса мужиков отвлекли Василя от мрачных мыслей. Рыбаки сняли сети и вернулись к костру.

– Сёдняя рыбы небогато, но на жарёху хватэ, – перебирая сетку, сделал заключение старый казак.

Разделив улов поровну на троих, разложив его по мешкам, они засобирались в обратный путь. Быстро перекусив, тем, что осталось с вечера, затушили костёр.

– Ну, казаче, мы на лодке, а ты так бережком-бережком, на хуторе устренемся – покажем тебе Ньюскину хату. Не знаем, правда, радость ты ей вэзэш, чи беду – дело твоё.

Они спустились к воде, отвязали лодку, спрятанную в камышах, расселись в ней, и, отталкиваясь длинным шестом, поплыли вниз по течению. Василь оседлал коня и поехал берегом, то отставая, то обгоняя лодку с рыбаками. Медленно светало. Кубань, играя солнечными бликами, спокойно текла между пологими берегами. Василий, осматривая незнакомую местность, услышал голоса казаков, они, размахивая руками, показывали ему куда-то вдаль. Река неожиданно сделала поворот и, разделившись на два рукава, ускорив течение, понеслась дальше. Лодка причалила к берегу, уткнувшись носом в мосток, сделанный из старых досок и служивший причалом для местных рыбаков. Василий подъехал, спрыгнув с коня, помог привязать лодку. Мужики вышли на берег.

– Ну, ось мы и дома!

Небольшой хутор уютился на берегу Кубани у самой её излучины. Молодая хмереча (лесок) окружала его со всех сторон.

– Ну, прощавай, хлопец, – раскланялись казаки. – Иды до той вербы: там и найдэш Ньюскину хату.

– Спасибо вам большое, люди добрые, – поблагодарил Василий и пошёл по дороге, ведя коня под уздцы. Хуторок был чистенький, ухоженный. Плетни, окружавшие подворья были искусно сплетены из ровного хвороста, а крыши, покрытые золотистым камышом, украшенные по коньку стриженным гребешком, придавали хатам особый хуторской шик.

В каждом дворе на привязи сидела собака, завидев чужака, громким лаем передавала тревогу своей соседке, и скоро весь хутор утонул в звонком собачьем лае.

Конь косился по сторонам, звонко топая копытами по каменистой, наезженной дороге.

– Ну, кажись, пришли. – Василий остановился у раскидистой вербы, ветви которой зелёным пологом свисали до самой земли. Крашенная калитка пряталась в густой листве.

Он, привязывая коня к дереву, увидел во дворе парубка, тот стоял к нему спиной и чем-то увлечённо занимался.

Василь глубоко вздохнул:

«Ну, с Богом, как говорится: спрос не бьёт в нос».

– Фёдор! – позвал громко Василий.

Плечи хлопца вздрогнули, на мгновение он замер, затем медленно повернулся, ища взглядом того, кто нарушил его покой.

Василий отогнул ветку, и глаза их встретились.

– Ну, иди сюда, Фёдор! – Василий приветливо махнул рукой.

Парубок недоверчиво приблизился и, глядя исподлобья, тихо спросил:

– Шо надо?

Василий про себя отметил его схожесть с Галинкой.

– О! А сказали, что звать тебя Юхымом.

Они стояли и пристально смотрели друг на друга.

– А ты ту ночь на реке помнишь? – Василий приблизился к Федьке.

Хлопец отпрянул, в глазах мелькнул ужас. Василь успел схватить его за рукав.

– Тихо, тихо, успокойся, я не со злом пришёл. Поговорить надо.

Федька дрожал всем телом.

– А чего говорить?

Василий, не отпуская его руку, спросил: – Есть тут местечко, чтобы нас никто не слышал?

– Пошли в хату, – пригласил Федька.

– А Нюся твоя? – удивился Василь.

– Откуда про неё знаешь? – у Федьки округлились глаза.

– Э-э! Хлопец, чи ты не на Кубани родился? «Петух скажет курице, а она всей улице» – так у нас балакают?

– Нюси дома нет, ещё вчера в станицу ушла до хвельшерицы: приплод у нас будет... – Федька опустил глаза.

– Приплод – это хорошо, Федя. Только скажи, бисова дытына, как же ты Галинку свою бросил? Она уже все глаза выплакала, и жизни у неё без тебя нет.

– А ты кто такой? Я тебя не знаю.

– Да и я, Федя, тебя не знал бы, да, видно, так на роду написано: скрутила нас судьба в тугой узел. Той ночью мы уж и не ждали никого, дурковали с хлопцами на берегу, а тут тебя нелёгкая принесла. Смотрим, заморыш какой-то, а туда же – самого лучшего коня из-под носа уводит. Ну, так вот этой самой рукой, – Василь сжал кулак, – я и уложил тебя. Уверен был, что навсегда. Столкнули лодку, и поплыл ты бездыханный. Я долго искал себе оправдание: мол, конокрадство по казачьим законам жёстко карается. А жизнь, как видишь, распорядилась по-своему и покарал я, выходит, сам себя и готов в ноги тебе кинуться, чтобы простил ты меня за всё. Полюбил я твою сестрицу, и нет мне покою без неё. Мучительна её жизнь, и не согласна она ни на счастье, ни на любовь мою, пока правду о тебе не узнает. А как же я скажу ей: это я твоего брата убил, а теперь прошу женой моей стать. Вот и решил я следы твои поискать. Как видишь – нашёл. Теперь всё от тебя зависит. Одно скажу – не горячись, подумай хорошо. В жизни всякое случается, мы же с тобой мужики, а она слабая, одинокая – пожалей сестру.

Фёдор вздохнул тяжело и заговорил:

– Ты думаешь, я не жалею её? Нет того дня, чтобы о ней не думал. За ради неё пошёл на это паскудство. Я что, не казак – законов не знаю? Ну, не мог я смотреть на нищету нашу – хотел грошей заработать, чтобы Галинке чуть-чуть легче жилось. Да и цыган подзуживал: «отплачу, мол, щедро», а оно, видишь, как всё вышло. Я здесь прикинулся непомнящим роду и племени, и домой вернуться не могу. Чтобы меня на её глазах растерзали? – он вопросительно посмотрел на нежданного гостя. – А тебя, казак, как звать?

– Василием...

– Ты, Василь, постарше меня будешь, так вот подскажи мне, есть выход из этого или нет?

Василию жалко стало Федьку до глубины души.

– А Нюсю ты свою любишь? – своим вопросом он застал Фёдора врасплох.

– Да, я и не знал, что такое любовь, а Нюся, как за дитём малым, за мной ходила. Я ведь поначалу и вправду ничего не помнил. Это она меня Юнечкой назвала. Юнька – Юхим, значит: я так и привык. Ну, она-то в любовных делах опытная – любила жарко, ласкала сладко. Вот я и прикипел к ней – лучшего не хочу, да и дитё должно..., – Фёдор покраснел, – А потом вдруг пелена сошла, – продолжил он. – И вспомнил я всё о себе, а куда же с такой правдой? Вот и живу Юнькой, а что теперь будет – не знаю.

Василий, опустив голову, долго молчал. – Да, брат, дела... – тихо произнёс он, затем положил руку на плечо Федьке и слегка встряхнул его.

– Фёдор, ради Господа Бога, прошу тебя, не держи зла на меня. Не вправе я был человека жизни лишать: никакая коняка того не стоит. Видно за это и понёс наказание – пропадаю без Галинки. Умоляю тебя, вернись в хутор, покажись ей на глаза. Пускай

снова счастливой станет, я её кохать буду – волос с головы не упадёт. Давай ту страшную ночь похороним здесь раз и навсегда. Для Нюси твоей всё равно, кто ты и откуда: она нашла своё счастье, и тебе с ней хорошо, ведь так? Фёдор, ответь мне!

Федька утвердительно кивнул головой.

– Василь, это ты меня прости, что ввёл тебя в грех, на твоём месте я бы так же поступил. Негоже коней воровать, но, как говорится, беды мучат – уму учат. Я уже не раз покаялся и у Бога прощения просил, видно, он тебя и послал ко мне. Спасибо, что нашёл, сам бы я не решился на хутор ехать.

– А может прямо сейчас и махнём? – с надеждой в голосе спросил Василий.

– Не, надо Нюсю дожидаться, не могу хату бросить. Хозяйство у нас хоть и малое, но догляду требует. А с другой недели, обязательно приеду, – Федька замолчал, а потом добавил, – С Нюсей приедем – порадуетесь вместе. А ты, Вася, поезжай, подготовь сестрицу. Пусть и у вас всё ладно сложится.

– Ну, тогда по рукам, – Василь протянул Фёдору крепкую, широкую ладонь. – Как говорится: до побаченья!

– До побаченья, – ответил на рукопожатие Федька, широко улыбувшись.

Василь вышел на улицу, отвязал коня, тронул поводья. Вдруг Фёдор замахал руками: – Стой, стой!

Василь придержал поводья и оглянулся. Фёдор бежал через двор.

– На, возьми кожушок старенький, а то мало ли что в дороге? Небо хмарится, как бы дождя не было. Да, чуть не забыл: тут краюха хлеба, цибуля и трошки сала. – Федька протянул холщовую торбочку. – Бери, бери, а то обижусь.

– За харчи спасибо, – Василь взял торбу. – Ну, бывай! Ждём в гости, не задерживайтесь: Галинка покой потеряла.

Федька стоял и смотрел ему вслед. Огромная глыба свалилась с его плеч: он вновь нашёл себя, обрёл своё имя, каким его родители нарекли. Можно вернуться домой, в родную хату, но Нюсю жалко оставлять: хорошая она, ласковая. Фёдор улыбнулся, вспоминая, как она его, больного, молоком отпаивала, приговаривая: – За мамку, за батьку, за Нюсечку.

«Скорее бы домой верталась, а то уже соскучился, да и рассказать многое надо. Вот удивится, мабуть?» Он вернулся во двор и продолжил плести бредень для ловли рыбы.

ГЛАВА V

Василий выехал за хутор и погнал коня вдоль Кубани, поглядывая на небо. Серые облака клубились на горизонте, постепенно сбиваясь в плотную тёмно-фиолетовую тучу. Медленно двигаясь, она заволокла половину неба – стало темно. Ветер порывами раскачивал верхушки деревьев, волнами плавал серебристый ковыль. Река потемнела, камыш тревожно шумел, кланяясь до самой воды. Вдалеке послышалось сердитое урчание грома, золотистые молнии змейками пробежали по небосклону. «Эх, нечистая сила!» – с досадой подумал Василь. И в этот миг небо разорвалось сухим треском, полыхнуло огненно-белое зарево, осветило землю ослепительно яркими вспышками. Словно огромный, дышащий жаром змей, сорвавшись из преисподней, своим железным клювом вонзился в старую, раскидистую вербу, доживающую свой век на берегу реки, опустив в её воды длинные ветви, будто пролив слёзы, чувствуя свою кончину. Дерево вспыхнуло высоким пламенем, горящие ветви падали в воду и с шипением гасли, плавая в бурлящей реке. Конь, испугавшись, вскинулся на дыбы, едва не сбросив Василия, и с громким ржанием метался, сбившись с дороги. Крупные капли дождя забарабанили по листве, превращаясь в мощные струи воды. Это был ливень, который с грохотом падал на землю, и, собираясь в стремительные потоки, сметал всё на своём пути. С обрывистого берега полетели камни; смешиваясь с грязью, вырванные с корнем кусты колючего тёрна, сбиваясь в кучи, летели, гонимые ветром.

Василий, сжав поводья, изо всех сил сдерживал коня. Постепенно рысак сбавил ход, проваливаясь копытами в раскисшую землю, натываясь на камни, путаясь в траве и обломанных ветках. Дождь не прекращался. Промокший насквозь Василий, стиснув зубы, пытался унять дрожь, всем телом прижимаясь к коню.

– Давай, давай, родной мой, – шептал он рысаку в ухо. – Выручай хозяина из беды. Знаю, что устал, страху натерпелся. Выбраться надо отсюда, иначе пропадём.

Конь и вправду прибавил ходу.

– Ай да молодец, ещё немного и будем на месте, – Василий разговаривал с гнедым и был уверен, что конь его понимает.

Ветер стих, туча расползлась на отдельные рваные космы, между ними проглядывалось лиловое небо, стало чуть виднее, хотя дождь всё лил.

«Да, – подумал Василий, – такого не припомню на своём веку».

Конь шёл, скользя по глинистому отлогу, то ускоряя, то замедляя ход. Василий, обессилев, еле держался в седле. Подняв голову, прямо перед собой увидел покосившийся старый плетень. Дождь почти прекратился, потоки грязной воды с шумом летели по косогорам, падали в реку, продолжая свой путь в русле переполненной до краёв Кубани.

Василий спрыгнул с коня, держась за уздечку, прислонился к забору, плетень под весом его тела пошатнулся, ноги скользнули по грязи, он не удержался и плюхнулся прямо в высокий подзаборный бурьян. Неожиданно острая боль, пронзившая плечо, заставила его вскрикнуть. Василь повернул голову и увидел в плече обломок острой коряги. Машинально он рванул его – в глазах потемнело и по руке потекла тёплая струя крови. Василий так и остался сидеть, склонив голову на руки. Конь ткнулся влажными губами ему в лицо, и, почувствовав запах крови, нервно встревоженно заржал.

Бабе Акулине, как всегда не спалось и она, опираясь на две палки, шкрёбая глубокими опорками, обходила свои владения. Стоя во дворе, долго и внимательно присматривалась к странному путнику, сидевшему через дорогу под забором молодой соседки Галины. Баба была злобная и весьма любопытная: посплетничать да позлословить – хлебом не корми. Отворив калитку, осторожно, маленькими шажочками она приблизилась к объекту, вызвавшему у неё интерес. И какое же было удивление, когда бабка Куля признала в этом мокром, измученном казаке, того самого парубка, что не так давно привёз Галинку на бричке и на руках внёс в хату. Забыв об осторожности, она чуть ли не бегом, бросилась домой и подняла всех на ноги, тыча палкой в сторону соседского подворья приговаривая:

– Срам який!

– А, ну угомонитесь, – прикрикнула на неё невестка Зинаида, – Сначала узнать надо, может с человеком что случилось?

– Ага, случилось, случилось!

– О! Боже ж мой! Ну, шо вы заладили? Идите в хату и не мешайте.

Зинаида, накинув на плечи шаль, вышла за порог.

– Дед Гнат! – она громко позвала соседа, перегнувшись через низкий плетень, служивший межой между дворами.

– Шо надо? – тут же отозвался старый Гнат.

– Дедунь, выйди – помощь нужна.

Дед Игнатий, а следом и его Фрося тут же появились на пороге своей хаты.

Зинка, махнув рукой в сторону стоявшего под забором коня, в двух словах объяснила в чём дело, и они все вместе поспешили туда. Дед, наклонившись к Василию, потрепал его по плечу. Тот поднял голову и мутным взглядом посмотрел на него.

– О, рубаха до тила близько, а смёрть ще близьче, – негромко протянул дед.

– Галю, Галю! – громко и протяжно позвала Ефросинья.

Дверь маленькой хатки распахнулась и Галинка, натываясь, на бежавшего впереди Сирка, поспешила на голос соседки.

– Сюды, сюды! – махала тётка руками.

Выбежав на улицу, Галя испуганно вскрикнула:

– Вася! – и бросилась к нему. – Что случилось? Ой! Васечка...

Они с дедом с трудом подняли Василия.

– Потом, девка, потом – сначала в хату! – распорядилась тётка Фрося.

– Горилки ёму надо! – твёрдо сказал Гнат, со знанием дела.

– Откуда ж у меня горилка? – сквозь слёзы сокрушалась Галина.

– Я щас, зараз сбигаю: у мэнэ есть, – дед шустро заторопился домой.

Женщины, завели Василия в хату и уложили на широкую лавку, стоящую вдоль печи, Галя стащила с него грязные сапоги и остановилась в нерешительности: как снять мокрую одежду? Фрося заметила её смущение.

– Иды, девка, я сама всё зрблю, – она ловко раздела Василия, осмотрела рваную рану и покачала головой.

Тут в дверях появился дед Гнат, топоча чоботами, оббивая с них грязь:

– Лекарство от всех болезней прибыло.

Чтобы ещё больше всех убедить в чудедействии напитка, он отпил из горлышка изрядную порцию, и, судя по его приподнятому настроению, можно было предположить, что проба снималась не один раз.

– Галя! Давай стаканчик, надо шоб нутро согрилось, – суетился дед.

Галинка подала стакан, и он налил в него беловато-мутной жидкости.

– Василь, як мужик мужику кажу – выпый, сразу легче станэ.

Василий взял стакан, сдделал глоток-другой, закашлялся и, криво улыбнувшись, хрипловато сказал:

– Ну, ты, дед, даёшь...

– Ты пый-пый – хвалыть потом будэш, – горделиво ответил Гнат.

Тётка Фрося беспокоилась:

– Галыночка, рана у хлопца погана, богато крови вышло, надо обмыть, завязать, та гукать бабу Улю.

Василий, болезненно морщась, махнул рукой, и голова его безвольно опустилась на грудь.

Перекрестившись на икону, Галя помчалась к бабке Ульяне, которую знали во всей округе и почитали, как знахарку.

– Баба Улечка, помогите, – затараторила, запыхавшись, Галина. – Человек помирает!

– Який человек? – участливо спросила знахарка.

– Молодой, красивый, крепкий, и такая беда случилась. Поспешайте, бабушка! – умоляла Галинка.

– Ну, если молодой и крепкий, то чого ж плакать, слезами не можешь – вылечим, – уверенно сказала Ульяна, складывая в кошёлку всё, что ей могло понадобиться.

Баба Уля, несмотря на возраст, довольно шустро поспевала за Галиной и вскоре они были на месте.

Ефросинья встретила встревоженным шёпотом:

– Еле вас дождалась, лежить: погано ему зовсим – миста соби нэ найдэ.

Баба Уля глянула на Василия – лицо её нахмурилось. Галинка всхлипнула.

Ульяна молча выложила на стол торбочки, узелки, пахнущие сухими травами, и достала небольшую склянку, заткнутую скрученной бумагой.

– Галя, мне воды трохы надо, горячей, – наконец-то заговорила баба Уля.

Галинка, сняв заслонку, положила в печку мелких щепок, сунула под них кусок сухого мха и подожгла, слегка задымившись, щепки вспыхнули ярким пламенем.

В комнате наступила гнетущая тишина, слышно было только дыхание Василия. Вскипевший чайник, зашипел, выпустив из носика горячую струю пара.

– Баба Уля, вода готова.

Ульяна подставила кружку и попросила налить половину, затем открыла склянку и вылила тёмную жидкость в воду – по комнате пошёл мятно-горьковатый дух. Намочив кусок холста, она приложила его к ране.

– Потерпи, хлопец, боль должна уняться, правда, рана глубокая – покой нужен.

– Всё обойдётся: я крепкий. Первый раз в жизни случилось такое, – ответил Василий. Он легонько сжал Галинкины пальцы: – А Фёдора твоего я нашёл.

Галина ахнула от неожиданного известия.

Баба Ульяна и Ефросинья о чём-то тихо шептались у стола.

– Галыночка, мы тут с Ульяною покумекали (подумали), надо бы его батькам переказать. Маты мабуть покой потеряла, шоб тебя потом не винили: так будэ правильно, – утвердительно кивая головой, сказала тётка Фрося.

– А как же это сделать? – Галина развела руками.

Я найду гонца. Внука Грыцюка попрошу – вин верхом туды и назад. Дэ хату твою шукать? – баба Ульяна обратилась к Василию.

– Вот наделал я вам мороки, – виновато отозвался он. – Да на хуторе меня всяк знает.

– Лежи, лежи, – всполошилась Галя.

Баба Ульяна, разложив на столе снадобья и расставив баночки с примочками, поучала Галину, как заварить траву: какую вначале дать, какую потом. Та послушно кивала головой.

– Ну, а ты, хлопец, крепись.

Баба Уля попрощалась, и они ушли вместе с Ефросиньей.

Ночью у Василия поднялся жар. Галинка не отходила от постели ни на минуту. Только под утро Василь уснул, а она сидела рядом и шептала молитву. За окнами стало светать, запели хуторские петухи. Вскоре робкий солнечный луч заглянул в окошко, пробежался по столу, зажгёт ярким светом все склянки и на каждой вспыхнули разноцветные огоньки: красные, зелёные, синие. Затем луч скользнул на пол и крадучись подобрался к кровати. Галинка следила за ним: «ишь, расхозяйничался». Луч словно, услышав её, перебрался на кровать и прильнул к щеке Василия.

Василь открыл глаза и зажмурился от яркого света.

– Ой, Вася! Не уберегла, он всё-таки разбудил тебя.

Василий удивлённо посмотрел на неё, – Кто?

– Лучик..., – они оба заулыбались.

– Галя, а ты так и не ложила? – спросил Василь.

– Я боялась за тебя, – она потрогала его лоб. – Слава Богу, жар спал.

– Ещё бы, при такой няньке, – Василий взял Галинкину руку и прижал к своей груди.

Она попыталась освободиться, но он крепче сжал её ладошку. Галя опустила глаза.

– Вася, а как там Фёдор? – наконец-то отважилась спросить Галина. – Где он пропадает, почему домой не идёт?

Василий ждал этого вопроса.

«Эх, как не хочется говорить ей правду».

– Галинка, сядь ко мне ближе, – он слегка подвинулся, и Галя присела на край кровати. – Не сегодня-завтра Фёдор обещался в гости приехать: он теперь не один: у него Нюся есть. Похоже, ему хорошо с ней, ну да приедет – сам расскажет. А я тебе признаться должен. Может, это и разлучит нас – жалко будет, но с такой ношей на душе, тяжко жить. В ту ночь, когда Фёдор за дончаком пришёл – я старшим был. Очень мы удивились его «смелости» – ударил я его, а потом уж лодку в реку столкнули. По казачьим законам конокрада до смерти забивают, слава Богу – отвлёл от греха. Жив остался Федька. Ну, вот теперь ты всё знаешь. Сможешь ли понять меня? С Фёдором мы долго говорили: друг у друга прощения просили, решили, что оба виноваты, и сговорились забыть раз и навсегда эту историю. А как ты рассудишь – сама думай.

Галина долго молчала, затем, глубоко вздохнув, глядя прямо перед собой, тихо заговорила.

– А тут, Вася, как ни глянь – всё, видно, Федькина вина – мой недогляд. Я и не оправдываю его. На твоём месте, любой казак так бы поступил. Спасибо тебе за то, что

нашёл его и простил глупого. Скорее бы приехал: вся душа изболелась. И ты поправляйся, уж не знаю, как твоей матери в глаза гляну. Боюсь я, чтоб молва дурная не пошла. Ты скажи ей, пусть плохого ничего не подумает.

– Галя, она ещё не приехала, а ты уже боишься, всё обойдётся.

Баба Уля, как и обещала, отправила соседского внука с поручением в хутор, где жил Василий, разыскать его хату и сообщить родителям нерадостную для них новость. Когда перед домом появился незнакомый хлопец, тётка Мария сидела во дворе и рушила кукурузные кочаны, кукуруза сыпалась в подол, а пустые кочерыжки она отбрасывала в сторону. Низко надвинутый платок скрывал её заплаканные глаза. Уж который день на душе у матери было неспокойно.

– Кыш, нечиста сыла! – Мария замахнулась на курицу, которая стала клевать зерно прямо из подола её платья. Медленным взглядом она обвела своё подворье с мыслью «всё ж для Васылька робылы» и тут заметила незнакомца, смотревшего на неё через высокий плетень. Сердце дрогнуло, Мария встала – кукуруза золотой россыпью упала на землю.

– Ты чий будэш? – она спешно подошла к калитке, гонимая материнской тревогой. – Шо надо?

– Драстуйтэ! Я с Закубанского хутора, меня послали переказать, шо Василь ваш у нашей Галинки в хате, больной лежит.

– Як, у Галынки, шо вин там робэ? – Мария в растерянности переспросила паренька.

– Я ж кажу – больной. Баба Уля просила, чтобы вы поторопились, – сказал хлопец и лихо запрыгнул в седло.

Тётка Мария слышала про бабку Ульяну: молва по хуторам ходила про её знахарские способности

– Ой! Боже ж мий, крыхточка! – она заломила руки и, громко причитая, побежала в дом. – Батько, батько! Чуешь мэнэ? Бида яка – Васылёк на чужом хутори, в чужой хати больной лэжить. Ой, шо робоыть? – Она металась по комнатам, выбегала во двор, в полной растерянности приговаривая, – ой, бида яка!

– Цыц, раскудахталась, – прикрикнул на жену Степан, – Ты шо, як по покойнику голосишь! Ну, заболит – с кем ни бувае? Сбырайся швыдче, а я пиду бричку запрягать.

– Я раскудахталась? – Мария приняла воинствующую позу, – А ты знаешь, шо вин у той Галынки? Оцэ нам надо?

– Нам може нет, а ему надо, – отец не считал нужным вмешиваться в дела сына. – Вырос уже – не пупынок – розбэрэтця без нас.

– Ага, щас! Я так и позволила. Кому добро наживалы?

– Сыну, кому ж ещё? – Степан был невозмутим. – Мария мовчи: я тоби скажу правду – ты мэнэ вынудыш, – он пристукнул кулаком по столу.

– Яку таку правду? В колодезь воду нэ лють: я сама правда! – вскипела Мария.

– А ты забула, як у батьки свого жила, з какой хаты я тэбэ взяв? Мои батьки нэ ропталы.

Тётка Мария замолчала, и на её лице мелькнула растерянность. Степан, обычно молчавший, не мог успокоиться и вступился за сына, оправдывая его выбор.

– Йихать надо: бричка готова! – он поставил последнюю точку в их разговоре и сел на облучок.

– Ну, с Богом! – телега тряско покатила по дороге.

Выехали за хутор – вокруг раскинулась сухая степь, опалённая уже по-осеннему холодным ветром, серебристый ковыль клонился к земле. Небо высокое, бездонное, воздух свеж и чист, как хрустальный звон.

Мария оглянулась на мужа и засмотрелась на его широкую спину, плотно обтянутую лёгким бешметом. Он, видимо, почувствовал её взгляд – задвигал лопатками и, не оборачиваясь к жене, спросил.

– Ну, ты так и будэш блымать (моргать) в другу сторону? Сидай до мэнэ!

Она не заставила себя ждать, подобрав подол, быстро пересела на облучок, прижавшись к Степану пышным телом.

– О! Сразу теплише стало, – улыбнулся тот в усы.

Мария ещё делала обиженный вид, а он, покосившись на неё, обнял за плечи.

– Не змэрзла?

– Трошки, – смутившись от мужской ласки, ответила она.

Почувяв близость воды, лошади пошли резвее, и скоро показался брод. Кубань, переполненная ливнем, мутными водами облизывала пологие берега. Кони, с трудом преодолев реку, потащили за собой бричку.

Извилистая дорога привела в чужой, незнакомый хутор. Степан, озираясь по сторонам, размышлял вслух:

– Спросить не у кого – як повымерли.

– А ты шукай саму погану хатку – точно угадаешь, – ехидно ответила Мария.

– Опять за своё, мы же сына шукаем, а яка там хата, мне всё равно, – вспылал Степан.

– Драстуйтэ, добри люди! Чи вы батьки того парубка, шо у Галынки гостюе?

На дороге стояла вездесущая бабка Кулина и преднамеренно не показывала, где живёт Галина, пока не дождалась ответа на свой коварно любопытный вопрос.

– Батьки, – поджав губы в узкую полоску, сухо и однозначно ответила тётка Мария.

– А-а...! Ну, тоди вам он до той старэнькой лисы: там ще калиточка набик нахылылась.

Она проследила за бричкой, подъехавшей к старому плетню, видела как из хатки выскочила Галя и, теребя косыночку, низко наклонив голову, что-то сбивчиво говорила родителям Василия, затем повела их в хатку, и дверь за ними закрылась.

Наклонившись, чтобы не зацепиться за низкую притолоку, родители переступили порог убогой хатки и очутились в маленькой комнатке, добрую половину которой занимала печь, а чуть поодаль, притулившись к неровной стенке, стояла деревянная кровать, на ней лежал Василий.

Мать бросилась к нему:

– Вася, шо с тобою?

Она дрожащими руками гладила его перевязанное плечо.

– Мамо! Успокойтесь, – Василь привстал, опираясь на локоть, поглядывая на Галину, словно пытаясь её защитить. – Ну, случилось так. Спасибо Гале: приютила, лечит меня. Бабка Ульяна приходила, вон всего нанесла.

Мать окинула взглядом стол, заставленный снадобьями. Мельком глянула на дивчину, та стояла у изголовья кровати.

«А дивчинка ладненькая», – подумала про себя Мария.

– Ну, шо, Васылёк? До дому надо. Бачу болячка твоя не шутейна. Батько, чога ты мовчишь? – она оглянулась на Степана. Он стоял у печки, занимая собой всё свободное место.

– Да и я за то, шо дома лучше. Мать рядом – всё ж спокойнее, – переживая за сына, ответил отец.

– Баба Ульяна сказала, что ему нельзя вставать, а в бричке совсем растрясёт. Уже лучше стало – жару нет... – Галинка осеклась на полуслове под пристальным взглядом матери.

– А еда у вас есть, чи одно сино сухэ? – Мария ткнула пальцем в торбочку с сушёной травой.

– Мамо, Галина от меня не отходит, а вам «абы йисты було», – Василь вскипел и повысил голос.

– А, ты уже на мамку кричишь? – плаксивым голосом заговорила Мария.

Степан, чувствуя, что ничего путного из этого не выйдет – принял решение:

– А, ну, Мария, поехали назад. Хлопец лежит чистый, Галина глаз с него не сводит. А мы харчи привезём, куда же его такого тревожить, шоб хуже стало? А шо касается

людей: так они хоть так, хоть иначе – казать будут. А я, мать, не верю, шо ты молвы боишься: ты ж любого «перебалакаеш».

Мария глянула на мужа. – Твоя правда, – согласилась она. – Пойихалы до дому, надо пивня зарубать. А тоби, дивчинко, спасибо, шо ухаживаешь за моим Васей, хотя я так понимаю, у тэбэ свой интерес имеется.

Мария многозначительно глянула на Галинку и вышла из хаты. Степан потоптался ещё немного, придумывая, чем бы скрасить нетактичное поведение жены. Галя, опустив глаза, с пунцовыми щеками, стояла «неживая».

– Ничего, дивчина, не переживай, цэ вона з виду грозная, а так – баба як баба. За сына боится. А ты, Василёк, лечись, слухай Галю. Дай вам Бог...

– Спасибо, батя, – вслед ему крикнул Василий.

Весь обратный путь Мария не замолкала, расхваливая Меланью.

Степан молчал, лошади резво катили бричку. Степь, освещённая лучами заходящего солнца, расцвела чудными красками. Небосклон стал розовым, затем ярко-алым, и вот уже солнце раскалённым медным шаром нежилось на плечах далёкого степного горизонта.

– Мария, смотри какая степь, помнишь, як мы молодыми гулять ходили?

– Та мы и сейчас нэ стари, – отозвалась она.

– А шо ты, як репьях, причипылась до той Галынки? Они без твого догляду и полюбиться не можуть? Пожалей Василя, ты ёго бачила? Яка Меланья, вин с Галины глаз не сводит. Ну, чого ты дурна така, своему хлопцу поперёк робыш?

Мария не ответила – молчание затянулась, он покосился на жену. Она сидела, закрыв лицо косынкой.

– Мария, ты плакать надумала? В ответ послышались громкие всхлипывания и причитания.

– И шо мы с тобою як два чурбака в хате будэм сидеть? Я ж хотила унуков нянчить. А так шо, на пивчаса в гости прыйихать?

– Допечешь Галынку – так и на пивчаса не пустят, – подлил масла в огонь Степан.

– Стёп, а може свадьбу по-людски справить, та хай до дому йдуть. Ты бачив той гныднычек, хйба там можно жить?

– О, мать, золотые слова! Дай я тебя поцелую, – Степан прижал Марию к себе и громко чмокнул в щёку. – Такой умной жинки нэ найдэш – одна була, и та мне досталась.

Мария легонько оттолкнула мужа, уловив в его словах насмешливый тон.

– Без мэнэ куры загребуь, – сверкнула на него глазами.

Степан поднял руки кверху, смеясь, сказал: – Всё, сдаюсь без боя!

– Отож! – подвела итог Мария.

За разговорами не заметили, как въехали в хутор, и через некоторое время кони остановились, свернув к своему двору.

– От, умна скотина! – восхищался Степан, распрягая лошадей.

Мария пошла в хату заниматься своими женскими делами. Завтра опять в дорогу, мысли о сыне не покидали её.

Она собрала узел с чистой одеждой и присела на табурет, поджидая Степана.

– А шо в хате съестным не пахнет? – раздеваясь в сенях, шумел он.

Мария, задумавшись, не расслышала вопрос мужа. Перед глазами промелькнула вся жизнь. Вспомнила себя совсем молоденькой дивчинкой, как впервые переступила порог хаты своего возлюбленного и боялась поднять глаза на свекровь, которая встретила недружелюбно. Как долго и усердно Мария зарабатывала её уважение и признание быть полноправным членом семьи. Потом родился Василёк, любовь к нему и забота сдружили двух женщин, свекровь души не чаяла в единственном внуке, упрашивая Марию:

– Ты роды ще дытынку, хай богато будэ. Одному погано на свити жить, колы батьки помруть, надо, шоб ридна душа рядом була.

Но, видно так Богу было угодно – Василёк рос один, был коханий, любимый. И вот настал момент, когда разум понимает, а сердце не может и не хочет делить любовь к своей «крыточке» с чужой дивчиной.

Степан посмотрел на Марию, по её лицу догадался, какие мысли бродят в её голове.
– Не журись, мать! Женим хлопца и заживём большой семьёй, ты будешь внуков нянчить, а сейчас собери того-сёго на стол – повечеряем. Завтра выедем раненько.

Мария поставила на стол макитру с вчерашними пирожками, варёные яйца, крупно нарезала помидоры, огурцы, лук и полила сверху пахучим подсолнечным маслом. Они сели к столу – Степан ел с аппетитом, а она так и просидела, не притронувшись к еде.

– Кусок в горло нэ лизэ: дытына там голодна, а мы объедаёмся.

Степан поперхнулся, закашлялся:

– Мать! Он же у нас казак и дивчина рядом – с голоду не помрут.

Мария при слове «дивчина» многозначительно закатила глаза.

– Привыкай, привыкай: всю жизнь в парубках Василь не будет, – Степан успокаивающе похлопал жену по плечу. – Давай отдыхать: завтра в дороге побалакаем.

Он лёг на кровать, и вскоре богатырский храп сотрясал всю комнату. Мария перекрестилась на икону, разделась и прилегла на краешек кровати. Сон не шёл:

– «Ну, как-то не по-людски получается: даже сватов заслать нема до кого», – размышляла она, глядя в темноту.

Только на рассвете ей удалось немного вздремнуть. Степан, проснувшись, тихонько лежал рядом.

«Хай трохи поспит», – подумал он, натягивая одеяло на плечи жены.

На дворе запели ранние петухи. Сидя на плетне, громко хлопая крыльями, домашний, яркой окраски кочет орал во всё горло, вытягивая шею и заглядывая в окно. Громко переключаясь, петухи дали понять, что начинается новый день, и тут уже не до сна.

Не прошло и часа, как супруги тронулись в путь. Вся телега была заставлена мешками, банками, торбочками. Живая утка покрывавшая, тряслась в бричке, рядом с петухом, которого за непокорный нрав пришлось посадить в мешок.

– Мать, а ты не богато набрала? Куда стикэ взэем? – недоумевал Степан.

– А чого ж не повезти, когда есть шо? – Мария гордо распрямила плечи.

ГЛАВА VI

А в это время в хату Галинки постучали, она распахнула двери и бросилась в объятия Фёдора, прижав его к себе, всхлипывая, выговаривала брату: – Господи! Наконец-то!

– Ты что же со мной делаешь? Ни помину от тебя, ни дозвону – сколько времени в маяте живу.

– Ну, буде реветь, – Федька, смущаясь, отстранил от себя сестру, подталкивая вперёд Нюсю.

Та предстала перед Галинкой, широко улыбаясь, ямочки играли на её щеках, и вся она выражала собой счастье и ликование.

– Здравствуй, Галочка! Не ругайся на него: беда с ним приключилась, Слава Богу, жив остался наш Федечка на радость тебе и мне.

Галинка осматривала брата со всех сторон, – Фёдор, да ты вроде подросток или возмужал – сама не пойму.

Фёдор обнял Нюсю за плечи,

– Галиночка, это моя спасительница – Нюсечка, – и уже тише добавил, – Жена моя, Богом посланная.

Нюся просияла от таких слов и многозначительно, как бы невзначай, провела рукой по животу. Этот жест не ускользнул от Галинки и она дрогнувшим голосом сказала:

– Жаль, батьки наши не порадуются на твоё счастье, – слёзы непрошено затуманили её взгляд.

– Ну, что же вы на пороге топчетесь? Заходите в хату.

Фёдор, переступив порог, ахнул от удивления, встретившись взглядом с Василием. Василь, наблюдавший трогательную встречу брата с сестрой, искренне порадовался за них: «Да, кровь родная – не водица», – подумал он про себя.

– Ну, шо, шибэнык, уставился? Иди, поздороваемся, – Василь с трудом приподнялся на кровати, протягивая Фёдору ослабевшую руку.

Фёдор некоторое время был в недоумении:

– Василь, та как же тебя угораздило?

– Вот, видишь, не спас твой кожушок, – усмехнулся Василий. – Ты уж прости за непрошеного гостя, Галинка возится со мной, как с дитём малым.

– Да... выходит, мы с тобой оба дивчатам обязаны: я бы без неё... Фёдор с нежностью прижал к себе Нюсю.

Галя, счастливая и немного смущённая, пыталась освободить стол от расставленных на нём снадобий. Переставляя баночки с места на место, она спохватилась:

– Вася, утреннюю настойку надо выпить, я свежую заварила – пей! – и подала ему стакан с золотисто-жёлтой жидкостью.

Он с благодарностью глянул на Галину, выпил лекарство и сказал:

– Бабка Уля и впрямь колдунья, скоро освобожу тебя от забот.

А Нюся тем временем копошилась в своих торбах, выставляя на край стола подарки. Вязанка вяленой тарани, извлечённая из мешка, привела всех в восторг.

– Вот это рыбка! – потирая руки, восторгался Фёдор, – главное – сам ловил, она в тех местах дюже жирная, ближе к Азову Кубань рыбная, у нас такой тарани сроду не поймаешь.

Он высоко поднял вязанку, и она, тускло поблёскивая плотной, серебристой чешуёй, повисла длинной гирляндой, издавая приятный запах речной рыбы.

– Нет, ты нюхни, это ж тебе не пескарь какой-нибудь, смотри – насквозь светится.

Рыба и впрямь была великолепна, жирные спинки, отливая янтарным цветом, возбуждали аппетит.

– Ну, сестра, вари картошку – обедать будем, – и он ещё раз, любуясь таранью, встряхнул вязанкой.

Галина засуетилась: – Пока я с печкой управлюсь, ты, Федя, сбегай в сараюшку, набери картошки, не забыл, где лежит? – она подала ему старенький подойник, служивший в хозяйстве расхожей посудой.

Федька усмехнулся: – Не забыл! – и вышел из хаты, притворив скрипучую дверь.

Сирко лежал под порогом, при встрече с хозяином встал, потягиваясь всем телом, и весело завилал хвостом.

– Сирко! – Фёдор ласково потрепал пса по загривку. – Как же я за тобой скучал!

Он наклонился к собачьей морде, а Сирко, повизгивая от радости, лизал шершавым языком щёки и нос своему хозяину.

Федька был ещё пацанёнком, бегая по улице, наткнулся на испуганного щенка, сидящего прямо посередине дороги, щенок был совсем мал, жалобно скулил и дрожал всем своим тщедушным тельцем. Федька присел перед ним и погладил мягкую шерстку.

– Хвэтька! – услышал он голос деда Гната, – визьмы цуценя до дому. Выкормыш – будэ вирный сторож.

Федька схватил щенка под мышку и поволок домой, тот беспомощно растянулся до самой земли, выставив напоказ лысое брюшко, по которому резво прыгали блохи. С тех пор прошёл уж десяток лет, Сирко привязался к своим кормильцам, но верным сторожем так и не стал. Он радостно встречал любого входящего во двор, а от незнакомцев прятался в заросли бурьяна и следил оттуда добрыми глазами, ничем не выдавая своего присутствия.

Фёдор очнулся от воспоминаний и направился за хату, где прислонился маленький турлучный сарайчик. Низко пригнувшись, он вошёл внутрь и остановился, озираясь по сторонам. Свет слабо проникал через маленькое оконце, плотно заплетённое паутиной. В углу было устроено сидало, в нём копошилась курица, громко квохча, сообщая всему белому свету о только что снесённом яйце.

– Молодец! – громко похвалил Фёдор.

Эта была как раз та курица, которую они с Галинкой выходили из полудохлого цыплёнка. Небольшой гурт картошки был ссыпан в угол.

«Без меня Галинка копала», – подумал Фёдор и перевёл взгляд на старую кадушку. Озираясь по сторонам, он присел, сунул под неё руку, наткнувшись на свёрток, извлёк и развернул отсыревшую, пыльную тряпицу. Потрёпанные купюры, плотно сжатые в тугий свёрток, разбудили в нём невесёлые воспоминания, мысли, перебивая одна другую, роились в его голове.

Неожиданно дверь в сарай открылась, яркий луч света ослепил глаза – Фёдка на миг зажмурился.

– Фёдя, ты куда пропал? Печка уже прогорает! Картошка где?

Галинка стояла на пороге, увидев деньги в руках брата, она невольно ойкнула и прижала ладони к лицу. Фёдор шагнул ей навстречу, держа в вытянутой руке злосчастные купюры.

– Это вот, ну, то, шо цыган тогда дал, – еле выдавил он из себя.

Галина, ничего не сказав, молча повернулась и ушла. Фёдор, обмотав деньги тряпкой, сунул их за пазуху. Набросал в подойник картошки и пошёл следом за сестрой. Войдя в хату, не глядя Галине в глаза, отдал ей ведёрко с картошкой.

– Пойду гнедую покормлю, – сказал и торопливо вышел.

Небольшая бричка, на которой они с Нюсей приехали, стояла под двором, молоденькая лошадка, привязанная к старому плетню, обмахивала себя хвостом, разгоняя надоедливых мух. Фёдор тяжело вздохнул: тряпица, спрятанная за пазухой, жгла душу. Он прислонился лбом к разгорячённому боку лошади и закрыл глаза. Видеть никого не хотелось.

– Хм?! – неожиданно услышал Фёдор за своей спиной, повернувшись – остоленел. Перед ним стоял цыган Тобар.

– Ну, шо, хлюст, земля круглая? Долго ты от меня ховался, но, как видишь, судьба придёт – на печи найдёт, – негромко произнёс цыган.

Он стоял подбоченясь, прищутив глаза, с ухмылкой уставился на Фёдку. На нём была старая, мятая шляпа и потёртый чекмень, в руке зажата плётка.

Фёдор от неожиданности не мог прийти в себя.

– Ты, Тобар? – еле слышно спросил он

– Недобачаешь? – с издёвкой спросил цыган, – Некогда мне с тобой лясы точить. Вертай мои горши – сдохла твоя кобыла! И задаток давай – хотел на дурныцю разбогатеть?

– Маруся сдохла? – не поверил Фёдор, – Молодая, здоровая кобыла! Продай, на-верное, втридорога? Вам, цыганам, сбрехать, как дурню с горы скатиться, – Фёдор не на шутку обозлился.

– Тихо-тихо! Жоглый (смелый) какой, – цыган пригрозил плёткой, – то сейчас гукну – весь хутор сбежится. Посмотрим, кто брешет?

Фёдор рванул рубаху на своей груди, выхватив из-за пазухи тряпицу с деньгами, бросил Тобару.

– На, и поворачивай оглобли видсиль. (отсюда).

Цыган поймал свёрток, взвесил его на руке:

– Ну, шкодливый, молись всем святым, – он хлётко щёлкнул плёткой по голенищу и отступил в чагырнык (кустарник).

Фёдка смотрел ему в след, сам не веря своим глазам. Его душу разрывало двоякое чувство: «Слава Богу, с цыганом рассчитался», – он облегчённо вздохнул.

Фёдке, как истинному казаку, было жалко любую лошадь, а уж в Марусиной смерти, если верить цыгану – как ни крути, есть его вина.

Но не будь цыган цыганом – соврал Тобар Фёдору. Маруся не приживалась к новому табу, не нравились ей запахи чужих лошадей, не доверяла людям, не понимала их речь, не брала из рук угощение. Паслась в стороне, дичась всех, пугливо поглядывая на сторожевых собак. Тобар присматривался к кобылице:

– Чумаходная, не иначе, – злился цыган. – В ночном погоняйте её хорошенько: хватит жалеть, пора в работу впрягать, – сказал пацанам и пошёл к шатрам.

Ночь выдалась лунная. Молодые цыганчата стреножили коней и расположились у костра. Лошади разбрелись по лугу. Трава в низине росла густая, сочная, от реки тянуло сыростью. Маруся, как всегда, паслась поодаль от табуна. Она тяжело вздыхала, вытягивая морду, широко раздувая ноздри, улавливая знакомые запахи, которые доносил ночной ветерок с противоположного берега Кубани.

Пацанята веселились, толкая друг друга, боролись, качаясь по траве.

– Роман, ты куда? – окликнули они старшего среди них.

– Пойду новую кобылицу объезжу – Тобар просил.

– Хороша лошадка, – оценил он Марусю. – Диковата, но ничего: не таких приручали.

Он наклонился, снял путы. Кобылица, вывернув шею, покосилась на него выпуклым глазом, нервно ударила копытом о землю, так что комья полетели в разные стороны.

– Ого! Норовитая! – цыган шлёпнул Марусю верёвкой по крупу и в тот же миг получил задними копытами удар, от которого, вскрикнув, улетел в заросли бузины. Собаки примчались на шум, и, обступив кобылицу, подняли лай. Маруся, испугавшись, вздыбилась и, дико заржав, понеслась во весь опор. Цыганчата, встревоженные случившимся, вскочили, устремив удивлённые взгляды вслед удаляющейся лошади.

Долго бежала Маруся, выбившись из сил, остановилась – тяжёлое дыхание с храпом вырывалось из ноздрей. Опустив низко голову, широко раздувая бока, глубоко вдыхая, она медленно побрела, постепенно успокаиваясь, пощипывая верхушки зелёной травы. Запахло рекой: под копытами зачавкало, лягушачий хор и стрекот кузнечиков был так знаком. Маруся, обмахиваясь хвостом, вошла в воду и вволю напившись, поплыла к знакомому берегу. Она не ошиблась, уже слышны были привычные звуки, доносился запах её родного табуна. Выйдя на берег, отряхнувшись, Маруся спокойно паслась.

Первые лучи солнца едва коснулись земли, хлопцы, потягиваясь и разминая ноги, стали готовиться к возвращению в хутор. Сытые и отдохнувшие кони лёгкой трусцой потянулись за вожакон, Маруся заняла своё привычное место рядом с дончаком. Он, почувствовав её рядом, понюхал, фыркнул и беззлобно куснул за шею.

Знакомая дорога привела в хутор. Марусю никто не встречал – она подошла к своему двору, привычно толкнув калитку, тихо заржала, цокая копытами по каменистому двору, подошла к коновязи и остановилась. Прядая ушами, лениво обмахиваясь хвостом, лошадь стояла в своём родном дворе, где было всё знакомо и ничего не пугало. Вот только отсутствие хозяина настораживало Марусю, она, повернув голову, не мигая уставилась на дверь. Затем обнюхала землю и стала подбирать редкие соломины, разбросанные по двору.

Дверь из хаты открылась, и на пороге появился молодой казак Силантий. Не веря своим глазам, он переступил через высокий порог и остановился – видение не исчезло, перед ним спокойно стояла его любимая кобыла. Как он долго кручинился и тосковал, выговаривая деду Игнату, « шо через его недогляд, лишился такой гарной коняки ».

Силантий тихонько присвистнул, лошадь покосилась на него карим глазом.

– Ну, шо, Маруся, дома и солома едома? – Он кинулся к ней, обнял за шею, приговаривая: – Як же я настрадався без тэбэ!

Лошадь уткнулась влажными губами в шею хозяина, шумно втягивая ноздрями, крепкий запах махорки, исходивший от его бешмета.

Неожиданно ухо Силантия уловило знакомый скрип телеги. Бричка, в которой ехали Степан и Мария, поравнялась с его подворьем.

– Здорово, казаче! Ты шо там с кобылой обнимаешься? Степан снял шапку, приветствуя соседа.

Силантий, отстранив от себя голову лошади, радостно замахал руками.

– Стёпа, радость у меня – сам себе не верю! Маруся знайшлась: выхожу утром, а вона стоит, як тут и була.

– Та ты шо? – удивился Степан. – Оцэ действительно радость. Бидна коняка: намучилась, а яка умна – хату не забула.

– Да... , – протяжно согласился Силантий. – А вы куда так рано? – поинтересовался он. Вопрос соседа застал Степана врасплох – выручила Мария: махнув рукой, сказала, как отрезала:

– На кудыкину гору!

– Ну, як-то так, – попытался смягчить Степан.

Силантий, окрылённый своей неожиданной радостью, оставил без внимания ответ и повернулся к лошади, которая нежно прикоснулась губами, покусывая его локоть.

– Ах ты, плутня моя! – он от умиления чмокнул кобылицу между глаз.

Степан с Марией продолжали свой путь, мелькнули последние хуторские хаты.

– Стёп, ты шо мовчишь? – Мария толкнула локтем мужа.

– А шо тут скажешь? – задумчиво растягивая слова, ответил Степан.

– И я про то, – утвердительно кивая головой, согласилась Мария. – Если кобыла знайшлась – выходит и беды нэмае?

Степан покосился на жену, – А ты шо, так за кобылу переживала?

– Стёпа, много будэш знать – швидко состаришься! – ответила она.

ГЛАВА VII

Фёдор после ухода цыгана ещё долго стоял во дворе, поглаживая Сирка, сидевшего рядом и преданно смотревшего на хозяина.

– Во, Серый! Как оно дело-то обернулось. Грех-то на мне вроде как есть, а вроде и нет. Аж дышать легче стало, кобылу жалко до слёз, как ни крути, а вина на мне всё же осталась.

– Федя, иди в хату, ждут же все!

На пороге стояла Нюся, улыбочиво поглядывая на Федьку. Он отвлёкся от своих мыслей, глянул на Нюсечку и просиял: «Вот она, награда, за все терзания».

Федька медленно приблизился, она обняла его.

– Любенький мой, – Нюся шутливо потёрлась носом о его щёку и тихонько засмеялась.

И от всего этого невинного, нежного и ласкового на душе у Фёдора стало спокойно и хорошо. Он обнял Нюсечку, открыл дверь в хату, увлекая её за собой.

Галинка хлопотала у стола. На нём стоял чугунок, в котором дымилась рассыпчатая картошка, вязанка жирной тарани серебристым веером украсила стол. В хате было тепло и аппетитно пахло едой. Василь сидел на кровати, облокотившись на подушки.

– Ну, давайте швидче, уже терпежу нет, – засмеялся он.

Все расселись вокруг стола. Галина светилась счастьем, угощая долгожданных гостей нехитрой едой. Василий не мог нахвалиться:

– До чего же вкусная картошка, а о рыбе и говорить нечего!

Он благодарил хозяйку и не сводил с неё глаз. Нюсечка была в радостном настроении, она держала Фёдора за руку и прижималась головой к его плечу.

Галя, украдкой поглядывая на Фёдора, радовалась, что он жив-здоров, но тревога за него не покидала её.

Обедали долго: съели всё, что приготовила хозяйка. Василий немного устал: рана ещё болела и беспокоила, он на миг закрыл глаза, это не ускользнуло от Галины.

– Ой, Вася! Ты приляж – рано тебе так долго сидеть, – она заботливо поправила подушки, помогла Василию лечь. – С тобой всё хорошо?

Василий кивнул головой. – Да, не волнуйся, что ж ты, как квочка, вокруг меня? На брата порадуйся, оставь всё плохое, будь счастливой! – он погладил её по щеке. – Спасибо тебе за всё.

– Да полно благодарить меня. Не попадись мы на твоём пути, всё у тебя по-другому бы вышло. А так вон и батьки недовольны, и сам в беду попал.

– О! молодец – всё сказала и про батькив не забыла, – заметил Василь, с лёгкой иронией в голосе.

Время близилось к полудню. Неожиданно в дверь громко постучали, послышалась какая-то возня, шорохи и громкий, женский голос нараспев прокричал:

– От-чи-няй-тэ двэ-ри, бо руки заняты!

– А, вот и батьки легки на помине. Встречай! – сказал Василий испуганной Галине. Она кинулась к двери, распахнула её: – Проходите, проходите, гости дорогие! – и отступила вглубь комнаты, прижав руки к груди, словно пытаясь себя защитить.

Мать переступила порог, опустив узлы на пол, бросилась к сыну.

– Васылёк, як ты? Трохы получшало? – она осторожно поправляла повязку на его плече, с надеждой заглядывая сыну в глаза.

Степан стоял сзади с торбами, из которых торчали головы петуха и утки.

– Мать, не задави хлопца. Бачишь – живой и здоровый.

Степан успокаивал жену. Она поднялась с колен, отряхнув юбку и только сейчас заметила, что в комнате тесно от гостей.

– Мамо! Это Галин брат с Нюсей.

– Який брат? Вин же....

Она осеклась на полуслове. Наступила неловкая пауза. И вдруг, Мария всплеснув руками, затараторила:

– А мы трохы задержались! С Силантием балакали – бачим стоит в своём дворе и с конякою мылуецца – такой радый. Маруся его знайшлась, сама до двору прыйшла, як ничего и нэ було.

Мария продолжая свой рассказ, краем глаза проследила за реакцией всех присутствующих. Галина прижала ладони к лицу, стояла неподвижно, поглядывая на Фёдора. Тот в свою очередь многозначительно переглянулся с Василём. Василий громче обычного, едва сдерживая радость, заявил.

– Да кто сомневался? Наделали переполоху – украли, украли! Если бы украли, забыли бы про неё, як про Панькови штаны. Сроду ворованный конь не вертался.

– Та, може и так, – поддакнул Степан, – Деда Гришку жалко – ни за шо пострадал.

Мария, подбоченясь, многозначительно поглядывая на Фёдора, сказала как бы незначай:

– Если б только одын дед Гришка.

Фёдор опустил голову, а Василий, дабы не дать разгореться «пожару», обратился к родителям.

– Ну, вы грозилесь гостинцами засыпать. Сын уже почти здоров – кормить надо.

– Ой, и правда, – спохватилась Мария и начала выгружать привезённое добро.

Федька, обалдевший от неожиданной вести, сиял: «надо же, счастье какое, и с цыганом рассчитался, и кобыла жива!»

Мария была рада, что сыну стало лучше, она не смолкая говорила и суетилась, рассовывая по углам, привезённые продукты.

– Васенька, а давай до дому! Бричка новая – не так уж и тряско, потихонечку дойдем.

– Я долго буду с петухом обниматься, – раздался голос Степана. – Привезли, так давайте шось робыть.

– Может в курятник посадить, – робко сказала Галя.

Фёдор подхватил эту идею, – У нас там одна курица живёт – места хватит.

Мария не сдержалась:

– Ага, възлы за тридевять зэмэль, шоб вашей курице висилише було.

Она передёрнула плечами: ей всё было не по душе.

Вдруг, неожиданно для всех, Василий твёрдо сказал:

– Всё! Едем домой. Галина, дай мне мою одежду.

Галя, не проронив ни слова, подала Василию стопку чистой одежды.

– А вы ступайте в бричку, я зараз выйду.

Мария победоносно вышла из хаты, а за ней поплёлся Степан с торбой, в которой сидел присмиривший петух.

– Вася! – Галина подняла на Василия глаза, полные слёз, и дрогнувшим голосом обратилась к нему:

– Рано тебе в дорогу, как бы хуже не стало.
Василий, быстро одевшись, подошёл к Гале, обнял её.
– Спасибо, голуба моя, – и, повернувшись к Фёдору, твёрдо сказал:
– А ты, Фёдор, в рубашке родился – будь здоров и счастлив. На днях ждите сватов – породнимся мы с тобой, Федька, заберу я твою сестрицу. Низко наклонившись, прошептал Галинке на ухо: – Пойдёшь за меня, краса ненаглядная?
Она посмотрела ему в глаза и слегка кивнула. Василий, довольный ответом, помахал на прощанье рукой и вышел на улицу.
Родители сидели в бричке, Мария попыталась укутать сына зипуном, он резко дёрнул плечом и обратился к отцу:
– Поехали, батя!
Степан тронул вожжи и бричка покатила вдоль улицы. Старый Гнат провёл их взглядом, стоя в своём дворе.
«Шось тут нэ так» – подумал он про себя и, открыв калиточку, поспешил к Галине. Сирко, размахивая хвостом, встретил деда.
– Ну, чога ластишься? Дурна собаця!
– Дедунь, не обижай Сирка, он же любит тебя, – навстречу вышла Галя.
– Шо тут у вас? Гости насупонылысь (насупились) и пойихалы? Ох, и баба чернорота. Фроська моя не подарок, а ця, як гадюча головка, – дед красочно описал Марию.
Галя глубоко вздохнула, немного помолчав, ответила:
– Вася сказал, что сватов засылать будет.
– Ага, щас! А у мэнэ вин спросыв?
Галя удивлённо посмотрела на деда.
– Шо лупаешь очами? Под моим крылом выросла, а я тэбэ всякому отдавать доужен. Думают, як батькив нэмае – всё можно? А я на шо? Фрося, иды сюды! – дед не оборачиваясь, позвал жену.
А она уже тут как тут.
– Не, ты чула? Галынку забрать хочуть.
Фрося «подпела» деду.
– Хай и нэ думают. Всэ по закону будэ. Мы ще подывимось отдавать чи не.
Галина прижалась к Ефросинье: – Милые вы мои, я же вас за родных считаю!
– Вот и хорошо, – закивал дед. – Свадьбу будэм гулять и приданое справим не хуже, чем у других. Нэ переживай, Галынка, старый Гнат свое слово скажет.
Наговорившись с соседями, Галина вернулась в хату, Фёдор, улыбаясь, встретил её на пороге.
– Федька, Федька, боль ты моя и забота, что лыбишься, весело тебе? – спросила Галя брата, – Что делать будешь? Кобыла вернулась – цыган денег не простит.
– Галинка, я еле дождался тебя, не волнуйся, всё сложилось как нельзя лучше. Не мог я тебя успокоить: гости нагрянули. Только мы с тобой у сарайчика разминулись, как вроде из-под земли Тобар вырос. Разговор был скорый и горячий. Сбрехал цыган, что кобыла сдохла – отдал я ему гроши, а уж потом от гостей другую новость услышал. От радости чуть сердце не выпрыгнуло. Не сойти мне с этого места, – он осенил себя крестом. – Никогда больше на такую пакость не позарюсь. Прости сестра, много я тебе беды сделал. Прости! – и он опустил перед Галиной на колени.
Нюся стояла молча, а потом кинулась к Фёдору.
– Федечка, милый мой, да через ту беду ты моим стал. Видно так Боженька повелел.
Галина, качая головой, сожалела.
– Федька, ты же ещё, как дед Гнат говорит, «пупьянок», а уже батькой готовишься стать, трудно мне привыкнуть к этому.
– Ничего, сестрица, скоро у тебя свой защитник будет. Василь гарный хлопец, глаз с тебя не сводит, будешь с ним, как у Христа за пазухой.

– Дай Бог! – закивала головой Нюсечка.
Галинка пожала плечами. – Больно мамка у него строгая – боюсь я её.
– Это она сейчас строгая, а потом за родную дочку считать будет. А как народишь хлопца или девку, молиться на тебя будет.
Галинка засмеялась:
– Да ещё никто не сватает – угомонитесь! Лучше погостите у меня трошки.
Фёдор с Нюсечкой переглянулись и виновато заговорили наперебой.
– Мы бы с радостью остались, да хата без присмотра, хозяйство на соседней оставили – ехать надо.
Галя понимающе закивала головой. Проводив брата с Нюсей, она села на приступочку, обняла Сирка, а он, прижавшись к ней, всё время пытался лизнуть хозяйку в щёку.

ГЛАВА VIII

Василий молчал всю дорогу. Мать, поглядывая на него, не решалась заговорить. В глубине души она понимала, что слегка «перегнула палку», чувствовала немое осуждение Степана и явное недовольство сына. Но не будь она любящей матерью, казачкой и просто женщиной, не лишённой мудрости и хитрости, если бы не выкинула «конька».

– Василёк, – тронув сына за рукав, ласково произнесла Мария.
Он сидел, погружившись в свои мысли, не слыша её слов. Тогда она, прижав к лицу ладони, всхлипнула, что-то неразборчиво причитая.
– Мамо! Вы чо плачете? – Василий повернулся к ней, удивлённо глянув на жалобно сгорбленную мать.

Степану изрядно надоела эта «комедия» и он решительно рубанул ладонью.
– Всё, хватит! Завтра же сватов засылаем.
Василий с благодарностью посмотрел на отца. Мать попыталась возразить:
– Нехай хоть хвороба отпустэ – трохи подождать можно.
– Не дали воскресенья! – не сдавался батько.
Василий повеселел, заручившись поддержкой отца, и с этого момента стал торопить дни. К счастью, он быстро шёл на поправку, рана почти закрылась, и здоровье его не вызывало никаких опасений. Мать неустанно хлопотала, потчужа свою «крыхточку».
– Йишь, сынок, пока мамка кормит. – Кто знае, яка жинка будэ?
– Боюсь, что с такой заступницей никакой жинки не будет, – Василий посмотрел на мать с укором.

Наступило неловкое молчание, которое нарушил отец, с шумом открыв дверь, и, топоча чоботами, вошёл в хату.

– Василёк, – обратился он к сыну. – Заручився я согласиём казаков – Силантий будэ старшим сватом, Петро, крёстный твий батько – вторым сватом, ну и жених, як положено. Так шо, в воскресенье снаряжай двухрессорную линейку, запрягай гнедых и, як говорится, – с Богом!

Воскресным утром не спалось старому Гнату, накинув на плечи выдававший виды кунтуш, он вышел во двор. Стояло прохладное утро, дед поёжился, запахнул поглубже полы и посмотрел на небо. Косые, нежаркие лучи солнца скользнули по стволам деревьев. Природа медленно увядала, на землю ковром упали золотистые листья, а осенние цветы, отдохнувшие от летнего зноя, ещё ярко украшали палисадник. Тугая паутина, зацепившись за плетень, переливалась бисерными капельками росы. Запоздалый петух, сидя на заборе, захлопал крыльями, вытянув шею, громко закукарекал. Дед Гнат вздрогнул от неожиданности:

– Кыш, нэчиста сыла! – он замахнулся ципком (металлическая тросточка) на петуха, а тот закричал ещё громче. Сирко отозвался хриплым беззлобным лаем и затих.

– Оцэ ще сторож! – Гнат безнадёжно махнул рукой и вышел на улицу. Дорога была пустынная. Не зная чем заняться, дед шкрёбая стоптанными чувяками, поплёлся к реке.

Солнце уже поднялось высоко, солнечные зайчики весело прыгали по воде. Гнат потыкал палкой по мелководью, лягушка лениво шлёпнулась в воду, вытягивая длинные зелёные лапки, поплыла в глубину.

– Эх, годы-годы! – запечалился Игнатий, вспомнив себя молодым парубком.

Козырьком приставив руку к глазам, он рассматривал противоположный берег Кубани. Широкой разъезженной полосой виднелся брод, который соединил собой два хутора. Вдалеке по дороге, клубилась пыль. Гнат, прищурив глаза, разглядел бричку, запряжённую резвыми лошадьми.

Опёршись на ципок, он стоял в задумчивости на берегу родной реки, глубоко вдыхая воздух, пахнувший сухими травами.

– Тпру-ру, – ездовой натянул вожжи и новая линейка, запряжённая справными лошадьми, остановилась в аккурат возле деда.

– Дед Игнатий, доброго здоровья! – поприветствовал его молодой парубок.

Дед присмотрелся: – Васылёк, чи цэ ты?

– Я, диду, я, – радостно ответил Василий. – Принимайте гостей, приехали Галинку сватать.

Тут только дед заметил праздничное убранство линейки, белую хлебину, завернутую в рушник и четверть с горилкою, лежавшую в соломе. Он напустил на себя строгость и явное непонимание.

– Яка така Галына? – насупив брови, спросил дед.

Силантий и крёстный батько Василия непонимающе переглянулись.

– Дед Гнат, ты шо с глузду съехал? – вскипел Василий.

– А ты охолонь трохи: сватовство дило нэ скорэ. Може батько и маты не согласны, або дивчина пэрэдумала.

Василий не понимал, куда гнёт старый дед.

– Деда, а ты не забыл? Галинка же сирота.

– Яка вона сирота, а я на шо? Бэз мэнэ вода не освятится! Я решать буду отдавать за тэбэ Галю чи не. Пойихалы до двору, – он махнул рукой в сторону хутора.

Сваты, обескураженные таким приёмом, тронули поводья и тихо поехали за дедом, а тот пылил впереди линейки старой обувкой, показывая всем видом значимость своей личности. Ещё не доходя до двора, застучал палкой по плетню.

– Фрося, Фрося! Встречай гостей непрошенных.

Тётка Фрося выскочила на порог и завертела головой во все стороны.

– Яки гости? Никого не ждали! – наигранным голосом заверещала она.

– Я ж кажу – непрошенных, чи ты глуха?

Дед продолжал играть роль несговорчивого батьки.

– Дед Игнатий, сватов в хату надо приглашать, а там уже и разговоры вести, – заметил старший сват Силантий.

– Проходите, гости, – широко раскинув руки, Игнат посторонился, пропуская казаков в хату.

Войдя в горницу, перекрестившись на икону, гости расселись вокруг стола. Петро – крёстный батько Василия, степенный казак, был годами постарше, а по сему случаю повёл правильные разговоры, как того требовал обычай.

– Ну, уважаемые сваточки разлюбезные, – начал он издалека. – Вы, наверное, не догадываетесь, зачем мы в такую даль приехали и завернули до вашего двору?

– Мабуть скажете, – дед Игнатий напустил на себя строгость.

Но Силантий и Петро, соблюдая все строгости сватовства, просили старого Гната отдать Галинку замуж за Василия. В разговор вступила тётка Фрося, глубоко вздохнув, промокнув кончиками косынки глаза, слезливо затянула:

– Знаем мы парубка вашего – гарный хлопец, ничего плохого не скажу и с батьками знакомы, – она многозначительно поджала губы, – тилькэ Галыночку ще рано замиж отдавать, и мы нэ готови, не нажились, не налюбовались на нэи. Хай ще дома поживэ, Хвэдо-ра надо до ума довести.

Сваты наивно полагали, что разговоры ведутся шутки ради, но судя по всему «посажённый батько», как назвал себя Игнатий, шутить не собирался. Гости смолкли, удивлённо поглядывая на Василия, и в это время открылась дверь – на пороге появилась Галина.

– Здравствуйте! Тётя Фрося, а я к вам за советом, да вижу не вовремя – гости у вас. Она, мельком глянув на Василия, попятилась к дверям.

– Погодь, дочка! – засуетился дед. – Гости больше до тэбэ, чим до нас. Сваты! Галя стояла, прижавшись к стене.

– Ну, шо, Галынка, люб тебе женишок чи не? – держи ответ, не бойся, батько в обиду не даст. Дед Гнат приосанился, разглаживая усы. Василий смотрел на свою возлюбленную и ждал ответа.

– Жених мне люб – скрывать не буду. Только страшно мне хату родную покидать, сжилась я с ней, да и без вас не могу, – она повернулась к Фросе и Игнату. – Вы же для меня родные и роднее никого нет.

– О! Ты чув, шо девка каже? – дед аж крякнул от удовольствия.

Василь подался к Галине: – Галя, да я же за тебя...

Гнат жестом остановил его.

– Неволить дивчину нэ будэм, время ще богато – хай подумает, разбэрэтця шо к чему. А вы, дороги сваты, не серчайте, може в другый раз, а сёдня точно, ответа нэ будэ – не утруждайтесь разговорами.

Дед Игнатий всем видом показывал, что гостей больше не задерживает. Им ничего не оставалось, как встать и выйти из хаты.

Распрощавшись, сваты уехали. Галя стояла, ни жива, ни мертва. Тётка Фрося уговаривала её.

– Ты, дивчина, не кручинься, никуды воны нэ динутця. В старину по три раза сватам отказувалы. Дороже ценить будут. А мамке Васыля наука – хай за одно мисто сэбэ укусэ. Пока воны в разум прыйдут, мы трошки подготовимся. Ты невеста – таку не сразу знайдэш. А у нас с Гнатом кое-шо есть за душою, и ты нам не чужа – свадьба будэ по всем правилам.

От этих слов Галинка разрыдалась.

– Поплачь, поплачь: невесте полагается, – с надрывом в голосе, шмыгая носом, сказал дед.

Для матери Василия сватовство сына и так костью в горле застряло, а тут ещё такой конфуз вышел.

– Ще харчами перебирает, куда яка краля! А тот хвоц старый – батько посажённый. Я думала, они от радости бежать следом будут, а тут бачь, гордость восстала.

Мария кипела не находя себе места, а Василий распряг лошадей и молча сидел во дворе. Степан, выслушав жену, топнул ногой:

– Хватит воду варить! И так через твой язык Васильку не сладко. Хто так любэ дытыну свою? Правильно дед Гнат сделал – хоть и старый хвоц, як ты кажеш, но тебя вразумил. Угомонись, Мария, Христом Богом прошу! У меня уже терпение лопнуло.

Степан вышел к сыну.

– Не печалься, сынок, дед Гнат не от вредности так поступил. Издавна на Кубани обычай такой есть – батьки не сразу девку отдают, а Галинка сирота, вот дед и заступился за неё. Чтобы, как говорится, «як у людэй було». Ты долго не страдай, не дали третьего дня собирай сватов. Я старому Гнату подарок передам, хай прочувствует себя уважаемым.

– Батя, спасибо тебе, я прямо растерялся, а тут ещё мать масла подливает.

– Да не обижайся ты! Твоей бы мамке десяток дитэй, чтобы трохи любовь разбавить, а то всё тебе одному досталось. Ты ей внуков побольше подари.

– Ладно..., – смутился Василий.

Через три дня состоялось сватовство. В большой хате под иконами, накрыли стол, тётка Фрося и старый Гнат радушно и хлебосольно встретили сватов, а те в свою очередь хлебом-солью да горилочкой потчували дорогих сваточков. После изрядно выпитого, разговоры повели бесконечные, и гармошка заиграла, и песни полились.

Василий с Галиной вышли во двор.

– Не кручинься, голуба моя, – обратился он к Гале, заметив слёзы на её глазах.

Она окинула взором покосившуюся хатку, присела на приступочку, обняла сидевшего рядом Сирка. А он, видно, чувствуя скорую разлуку, тихо поскуливал, облизывая её руки.

– Сирко, ты один на хозяйстве останешься, береги хату, – Галя не выдержала и расплакалась.

– Сколько эти стены помнят: и радость, и счастье, и сиротство наше горемычное. Согревала ты нас в непогоду и прятала от глаз недобрых. И вот бросаем мы тебя, хатка, а душа противится, и не знаю я, кому больней, смогу ли без тебя?

– Галиночка, мы будем навещать часто и деда Гната, и тётку Фросю, и хата стоять будет. А Сирка хочешь, возьми с собой.

– Не пойдёт – он здесь хозяин, здесь всё его! С дедом на рыбалку ходит, бабе Фросе барашек во двор загонит, потом в тенёчке полежит. Все его знают и он всех, другой раз стоит на дороге и каждому встречному хвостом машет: добрый – надо же такой собаке уродиться.

Сирко не мигая смотрел хозяйке в глаза, словно понимая её, и душа его собачья страдала.

А дальше всё шло своим чередом. Дед Игнатий и тётка Фрося проводили Галинку, как дочку родную, справили приданое и наказывали Василию любить и беречь её.

В белом платье, осыпанная по обычаю мелкими орехами, цветами и монетами, Галина прощалась со своими подружками, которые затянули грустную песню. Тетка Фрося, благословила иконкой, Галинка взяла её в руки прижала к груди и, поклонившись низко в пояс, ступила за порог родной хаты. Нарядно украшенная линейка под звон бубенцов помчала её навстречу новой жизни.

Нюся с Фёдором вернулись домой, а молва летела быстрее ветра – хутор гудел, как пчелиный улей. Возле старой вербы собрался казачий сход.

– Ну, шо, Хветька, начинай жить наново! Самовыдцямы (свидетелями) мы нэ булы, а, як кажуть люды, на кажду беду страху нэ напасэшься.

Так и остался Федька навсегда, один на один со своей тайной...

ЗОЛОТЦЕВ Станислав Александрович – родился в 1947 году в г. Крестки под Псковом. Трудовую деятельность начал с пятнадцати лет, слесарем. Окончил вечернюю школу, филологический факультет Ленинградского университета. Работал два года переводчиком в Индии, преподавал в историко-архивном институте в Москве, служил офицером морской авиации на Северном флоте. Кандидат филологических наук. Печатался с 1970 года. Первая книга стихов вышла в 1975 году. Автор 25 поэтических книг, трёх сборников прозы, четырёх книг литературных исследований и более 20 книг перевел на русский язык поэтов Востока и Запада. Лауреат литературных премий им. М. Булгакова (1992 г.) и им. А. Платонова (1999 г.) Член Союза писателей СССР и России.

РОССИЯ ПИШЕТ

Россия пишет стихи и прозу
В минуту смуты, в чаду разрухи.
А – всё про то же: и о берёзах,
И о свиданьях, и о разлуке.
Любого в мире сильнее гипноза
Её словесность – а ей всё мало! –
Россия пишет стихи и прозу
Как никогда ещё не писала.

В ином посёлке – ни баб тверёзых,
Ни мужиков не найдёшь тем паче.
Но – есть мальчишка: такую прозу
Он сочиняет, что черти плачут.
И есть девчонка: как жемчуг ниже
Стихи, что мёртвых бы воскресили.
И знать не знает она, что движет
Её ручонкой сама Россия.

Дождём кровавым исходят грозы
Над ней, но болью, глубинной самой
Россия пишет стихи и прозу
Как ни-ког-да ещё не писала!
О них и ведать ещё не может
Читатель русский в быту свинцовом.
Но день России не даром прожит,
Коль в нём возникло живое слово.

Почти нагая, почти босая,
Не перестанет сквозь кровь и слёзы,
Себя спасая и мир спасая,
Писать Россия стихи и прозу.

ДВА КОНЯ

И однажды, в чаду
одуревшей от грохота площади
вдруг виденье мелькнёт –
словно древний припомнится миф:
два коня на лугу,
две усталых рассёдланных лошади
одиноко стоят, золотистые шеи скрестив.

Два коня на лугу, на вечернем лугу
затуманенном,
два коня над рекой, уплывающей
в красный закат,
у опушки лесной, где висит
комариное марево,
и пушистых птенцов перепёлочки
гнезда таят.

И звенят за рекой и сверкают
в некошеной свежести
две последних косы,
луговые срезая цветы,
и сожмётся душа от
нежданной-негаданной нежности,
от земной и родной – и такой
неземной красоты.

И куда б ни лететь через весь этот мир
заполощенный,
от себя самого никуда не отпустят меня
два коня на лугу, две усталых
рассёдланных лошади
посредине земли. На вечернем лугу.
Два коня...

Летописец любви, никого не прошу
я о помощи,
только память мою – где в разливе
добра и тепла
набухают росой
их червонные гривы до полночи,
и малиновый жар излучают большие тела.
Два коня, две красы, обречённо друг
к другу прижатые
той же силой земной, что гуляет
по венам моим,
и рождает детей,
и возносит колосья усатые,
и уводит людей от земли
в галактический дым.

И какие вы рельсы на Млечном пути
ни положите,
в них опять зазвенит неизбывный
славянский мотив:
два коня на лугу, две усталых
рассёдланных лошади
одиноко стоят,
золотистые шеи скрестив.
Два коня...

РУССКАЯ ВЕРА

Верю в чудо жив человек на Руси?
даже смертельно устав от врачей и аптек,
даже не в силах восстать из житейских
трясин,
даже, когда он изгой или зэк?
Верю в чудо жив на Руси человек...
На пепелище родном посреди головах
верю в чудо жив человек на Руси.

Что же мы впали в уныния грех
словно в пустыню – остатки
замученных рек?
Разве Всевышний уже нас не воскресил?
Верю в чудо жив на Руси человек.
Верю в чудо жив человек на Руси.

ПОСЛЕДНИЙ СОЛОВЕЙ

Невероятно, и однако же –
вот радость-то! –
я слышу соловья в начале августа...
Уже в листве матёрой загорелась медь,
а он – поёт. Он продолжает петь.

Я думал: чудится. Известно, что недолг
любовный век, в котором бредят соловьи.
Но местный, сведущий и мудрый
орнитолог
развеял все сомнения мои...

В лесах лениво, тихо.
Все птицы смолкли и готовятся в полёт.
...А он мятежный, ищет соловыху –
единственно свою! – и потому поёт.

Напрасно горлом он выщёлкивает воздух:
все самочки – давно в семейных гнёздах,
не слышат ничего и кормят соловьят...
А он поёт и день, и ночь подряд.
Рулад и трелей сумасбродная лавина
без адреса летит поверх и вглубь ветвей.
Я знаю, что мечте не сбывться соловьиной.
...И всё ж – не замолкай,
последний соловей.
Не замолкай! Пусть воздухом заморским
спасаются сердца уставших от любви.
Не замолкай, собрат!
Ведь если мы замолкнем?
куда весной вернуться соловьи?!

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

В честь этой женщины,
моей возлюбленной,
от пенья птичьего рассвет оглох.
В честь этой женщины,
моей возлюбленной,
и каждый выдох мой, и каждый вдох.

И лес погубленный, и сад порубленный
встают воскресшими в цвету ветвей
в честь этой женщины,
моей возлюбленной
и – перед Господом – жены моей!

В честь этой женщины и днём, и затемно
в путях заоблачных звенят крыла,
гремят бубенчики на тройках свадебных,
поют на звонницах колокола.

И осень красными пылает кронами
в московских двориках,
в глуши лесной,
в честь этой женщины смотрю
влюблёнными
глазами добрыми на мир земной.

В нём над вершинами, что льдом
венчаются,
в честь этой женщины горят костры,
в нём небывалые труды свершаются,
и разудалые шумят пиры.

В ЗЕЛЁНОМ КРУЖЕВЕ

Пурга вишнёвая сады завьюжила,
На волю вырвался певучий зов
в зелёном кружеве, в смолёном кружеве,
в белёном кружеве густых лесов.

И пусть беснуется несчастий дюжина,
как чёрны вороны – гнильём дыша,
В зелёном кружеве, в смолёном кружеве,
в белёном кружеве живёт душа.

Весенним заревом она разбужена
и неумными жива людьми
в зелёном кружеве, в смолёном кружеве,
в белёном кружеве земной любви.

Моя желанная, моя жемчужина! –
я снова в тысячу горю свечей
в зелёном кружеве, в лучистом кружеве,
в пречистом кружеве твоих очей.

И как бы ни была судьба застужена,
тепло и веру с ней во всём деля,
в зелёном кружеве, в смолёном кружеве,
в белёном кружеве плывёт Земля...

РОДИНЕ

*Россия, Русь!
Храни себя, храни!*
Николай Рубцов

Нет, Россия, ты себя не сохранила.
Ты себя, Святая Русь, не сберегла.
Череда веков была твоим горнилом,
а 20-й – надломил тебе крыла.
Не измеренная никаким аршином,
ты ни разумом, ни сердцем не была
в мире понята... И всё, что ты свершила
для него – теперь забвенья скрыла мгла.
И нашествий никаких не надо было,
чтоб разруха по земле твоей прошла:
доморощенные хваткие дебилы
всю державу ободрали догола.

Навсегда ли эта хворь тебя разбила?
И взметнутся ли опять твои крыла? –

Это знает лишь народная дубина,
что пока ещё и вызреть не смогла...

РУССКАЯ ДУША

Я душу накренил – и в склянке золотой
отнёс её частицу на анализ
туда, где над земною суетой
верхи галактик в вечность окунались.
И там, где всей Вселенной естество
качается, держась на трёх незримых
нитях,
сидел Верховный Психолог-аналитик,
и нимб горел над головой его.

И под его рукой души моей частица
затрепетала в склянке золотой.
И, выплеснув её, он стал трудиться-
протравливать её огнём и кислотой.
Он долго колдовал, он лютовал, он бился,
чтоб разгадать, разъять души моей состав.
И пот с него всемирным ливнем лился.
И, наконец, он возопил, устав.

Он заревел, выплёвывая смерчи
и лавой вулканической дыша:
«Опять источник своего бессмертья
раскрыть не хочет русская душа!
Который век она не поддаётся
разъятию огнём моим на рай и ад.
Который век она собою остаётся
и не берут её разгадка и распад!»

Так вопиял он, разъярясь без меры.
...И вместо нимба над его главой
рога пылали! пахло жжёной серой,
палёной шерстью и – тоскою мировой!
В бессильной злобе он стучал копытом,
клыками скрежетал, железо их кроша.
Ему опять осталась нераскрытой
таинственная русская душа.

Закономерность беззаконья –
у нас единственный закон.
И мы хватаемся за колья,
заколоколив языком.

И понимаем, как спросонья,
что не осталось ни кола.
Закономерность беззаконья
Всё увела – и продала.

И мы молчим. И в горле комья.
И наша воля – под замком.
Закономерность беззаконья –
у нас единственный закон.

ПЕРЕЗВОНЫ СЛОВЕНСКИХ КЛЮЧЕЙ

Порою судьба на нежданной излучке
готова порваться, как тонкая нить.
В пустой маете опускаются руки
и просто не может быть верить и жить.
И если со мною затмение такое –
являются мне наяву и во сне
высокая крепость над синей рекою
и древняя церковь на той стороне.
Сколь помню себя, с детских лет и поныне
они предстают в перекрестье лучей,
где плещут в лесной заповедной долине
волшебные воды словенских ключей.
Здесь тысячелетья работу вершили,
и вот – излучают вселенский покой
седая твердыня на светлой вершине
и храм православный над синей рекой..
Сосновой живицы, кипрея, душицы
и душистой малины дурманная смесь
по склонам в низину плывет и клубится –
и всё этим духом пропитано здесь:
и веет урочище грустью глухою,
и дремлет костёр на вечернем лугу,
и светится крепость над синей рекою,
и светится церковь на том берегу.
А утром с холма приоткроется взору
озёрная чаша по имени Чудь.
...Когда-то в неё из морского простора
варягов и греков заглядывал путь.
И гости, пройдя штормовую пустыню,
ударив челом, озирали впервой
взошедшую в небо крутую твердыню
и сказочный храм со злаченой главой.
...И снова в дремучих рыбацких угодьях
долблённые лодьи горят чешуёй.
И трав яроводье скрывает колоды
с наполнившей дупла медовой струей.
Но – горечью древней и кровью людского
омыты и почва на каждом шагу,
и гордая крепость над синей рекою,
и церковь святая на том берегу.
Над башнями ястреб свершает круженье.
и вторит над храмом ему дельтаплан,
а крепость взошла на чухонском селенье,
а церковь – на жертвенном камне славян.
...Так что же охвачен я смертной тоскою?! –
ведь русская вечность подарена мне,
как белому храму над синей рекою
и каменным стражам на той стороне...
И русская доля чиста, как царевна.
И русская воля – вселенский ручей.

И русская вера извечно целебна,
подобно водице словенских ключей.
Веками вдыхаю безбрежье чудское,
а всё ж наглядеться вовек не смогу
на крепость седую над синей рекою
и церковь родную на том берегу.

КЛЕВЕРНЫЙ ВАЛЬС

Мы в клеверном поле с тобой обнимались,
и воздух медовый был розово-бел,
и к солнцу от поля лучи поднимались,
и клеверный ветер над нами шумел.

А рядом ожившей мелодией вальса
кружилась по берегу стая берёз.
Я в клеверном поле с тобой целовался
под музыку эту до звёзд – и до слёз.

И зрела рябина, и завистью алой
горела – смотрела, как, жарко дыша,
ты в клеверном поле меня целовала,
и в солнце твоя растворялась душа.

А в клеверном небе заря занималась,
и розово-белый качался прибор...
Что помню я в жизни! – лишь самую
малость –
Лишь вечность, где мы целовались с тобой.

Если б я тебя не полюбил,
если б ты меня не полюбила,
как бы отыскал я столько сил,
чтоб не стала жизнь моя бескрылой.

В горе бы архангел вострубил
над землёй, холодной, как чужбина,
если бы тебя я не любил,
если бы меня ты не любила.

Словно из космических глубин
слышен голос Книги Голубиной,
все часы, что я тобой любим,
все века, что мною ты любима.

Если бы тебя я разлюбил,
если бы меня ты разлюбила,
роза превратилась бы в люпин,
белый клевер стал бы чернобылом...

Но лучится сердце, как рубин,
радостью небесной и земною,
потому что я тобой любим,
потому что ты любима мною!

ФОКИН Виктор Иванович

(краткую творческую биографию см. на стр. 15)

ЗАЧЕМ ЖИВЕМ?

Мать-земля – как пылинка
во всём Мирозданье бездонном,
а на ней – пахнет клевер,
и поле уснуло под снегом,
и ребёнок взахлёб
заливается радостным смехом,
да ещё – то ли вой,
то ли стоны собаки бездомной,
как горячий ожёг
от сверкнувшего лезвия бритвы,
испытанье сознания
и нервов проверка на прочность.
Мы забыли Христа
и не верим в Его непорочность.
Как нам надо смиренно
услышать святые молитвы!
Чтоб не жаждать страстей,
увлекающих грешников в бездну,
чтобы слышать листву
и влюблённое пение птицы,
и уметь в этом мире,
как тихая тень, раствориться,
не растратив всё время
и жизнь в суете бесполезной...

БЕЗБОЖНИК

Мы все страдальцы и скитальцы
больших и маленьких дорог.
Есть ноги, руки, двадцать пальцев,
есть всё – так вылепил нас Бог.

Друг друга слышать – сделал уши,
чтоб видеть свет – открыл глаза,
чтоб чувствовать – вселил в нас души,
прозрачней, чище, чем слеза.

Душа – доверчивый ребёнок –
обнять готова целый мир!
Ей вырваться бы из пелёнок,
попасть скорей на жизни пир!...

И спотыкаясь, и мужая,
садясь то здесь, то там за стол,
науку жизни постигая,
я по дорогам долгим шёл.

Из-за деревьев даль не видел,
и, слушая, не слышать мог,
не одного, не двух обидел,
забыл отеческий порог.

А, пыль глотая в одиночку,
«хлеб добывал» горбом, умом,
не видя ни сынов, ни дочку,
порастеряв их «за бугром».

Теперь не нищ, ума – палата,
инфаркт, инсульты – всё при мне.
Срок подошел, пришла расплата –
выть волком ночью при луне.

Подкралась невидимкой старость...
Собрав остатки прежних сил,
смешною ощутил ту ярость
познать-достичь, с которой жил.

Но помню имена и лица
и никого не позабыл,
до горизонта вереница
тех, кто со мною есть и был.

А что ж душа – святой ребёнок?
Сумела ли обнять весь мир?
И вырвалась ли из пелёнок?
Понравился ли жизни пир?

Душа мне лгать не научилась,
со мной любила и ждала,
смеялась, плакала, молилась...
Обнять весь мир не получилось,
что мог ей дать, то и брала...

У нас не будет с ней развода,
хоть люб-не люб – живёт со мной.
Я предоставлю ей свободу,
когда отправлюсь в мир иной...

**ПАРИЖ
МЕЖДУ НОЧЬЮ И УТРОМ**
(романс)

Подкралась осень, и Париж
устало дремлет сном титана.
Дневную пыль со старых крыш
смывает влагою тумана,

и Елисейские поля
смирили прыть, что конь уставший,
в туман укуталась земля,
набух от влаги лист опавший.

Ещё машины не снуют
у старой Триумфальной арки,
вино в бистро пока не пьют,
ещё ни холодно – ни жарко...

Париж – искусный шоумен –
уже не спит, встаёт лениво,
по сонной Сене в Сан-Жермен
идёт трамвай неторопливо.

Ах, Сан-Жермен, ах Сан-Жермен,
воспоминанья полны страсти,
где каждый – рыцарь и джентельмен,
готов дарить любовь и счастье.

Париж в раздумии пока,
и смотрит Эйфелева башня
(в чулках ажурных) свысока
на суетливый день вчерашний,
*на листопад, внизу кружащий**.

*при повторении этой строфы-припева
поётся строка, напечатанная курсивом)

ЧТО УСПЕВАЕМ МЫ ЗА МИГ?

Когда в предутренней загадочной тиши
природа спит, и люди сладко дремлют,
ещё рассвет не бросил луч на землю –
велению ума и сердцу внемля,
я снова тороплю себя: «Пиши,
чтоб волшебство покоя передать,
услышать снега нежное паденье,
осенних листьев тихое волнение
пред неизбежно наступающим забвеньем,
вдруг это – миг прощения, как знать?»

Прощенья за дневную круговерть,
прощенья за все грехи земные...
И прежде, чем уйдём в миры иные,
нас мучают вопросы не смешные:
«Жизнь – испытанье? Искупленье –
смерть?»

А если так, то надобно спешить
поведать людям, словно откровенье,
и, может быть, прощальное прозренье –
как краток миг, отпущенный нам жить!

РЕКА ЖИЗНИ

Из далёких истоков
сквозь года и века
турбулентным потом
льётся жизни река.

А в реке этой длинной
омут глубоки,
и пороги, стремнины
есть у каждой реки.

Помню юности праздной
верных спутников, но
их на кладбищах разных
схоронили давно.

До чего же печально,
что я многих не смог
проводить в час прощальный
за последний порог.

Но в часы потрясений,
частых в жизни земной,
всех друзей полутени
предстают предо мной.

РУЧЕЙ

Как много я провёл ночей
у той реки, где так обычно
бормочет узенький ручей
о чём-то потаённо личном.

Он очень шумен по весне.
Затем журчание всё робче
звучит в тиши, и мнится мне,
что он на что-то вечно робщёт.

Зачем роптать? Я не пойму.
В сравненьи с жизнью человеческой
природа задала ему
на свете жить почти что вечно...

Я жгу костры во тьме ночной,
где с величайшим огорченьем
не может узенький ручей
понять своё предназначенье.

СТАРИКОВСКОЕ СЧАСТЬЕ

Он молча слушал в час заката
напевов птичьих переливы,
а мысль мелькала, что когда-то
и он таким же был счастливым.

Конечно, был он и беспечным,
и всё вокруг обозначало,
что жизнь земная будет вечной
и светлой, как её начало.

Но солнце село. Смолкли птицы.
Ночь надвигалась, тьму сгущая.
Безмолвно вспыхнули зарницы,
о новых грозах извещая.

И, словно из другого мира,
в прохладе этой ночи белой
он видел, что созвездье Лиры
на Землю с завистью глядело.

Весь месяц зной стоял, как в Ливии –
реку переходили в брод –
но всё-таки однажды ливнями
низвергся наземь небосвод.

И ручейки резвее Терека
помчались наперегонки,
чтобы достичь скорее берега
пересыхающей реки.

И встали радуги над рощею.
Высокие! Их было две!
Вдруг почему-то всплыло прошлое
в проветрившейся голове,

как будто я, взойдя по радуге,
увидел землю с высоты,
где каждый день нас чем-то радовал,
и мир был полон красоты.

Над полями, над речкой над бором,
над землёй – в голубой небосвод,
взяв в обязанность роль дирижёра,
величавое солнце встаёт.

И, согласно земной партитуре,
свежесть ночи ещё сохраняя,
начинается вновь увертюра
к оратории нового дня.

И взыграют душевные струны.
Сколько зим пронеслось, сколько лет!
Отшумела далёкая юность –
время поисков, жизни рассвет.

А река жизни по перекатам,
и не думая пыл свой унять,
всё бежит, убегая куда-то,
но не может никак убежать.

Река, как бледно-синий шарф
небрежно брошенный в природу,
вплетаясь в сложный наш ландшафт,
за горизонт уносит воды.

Вдоль парапетов городских,
вдоль всех станиц и поселений
она течёт среди мирских
забот, хлопот и потрясений.

Течёт река, и вместе с ней
уходит в безвозвратно время...
Поило в ней своих коней
когда-то кочевое племя.

Тянулись к ней и волк, и лось...
Пыхтел буксир, таская грузы...
Здесь многое переплелось
и завязалось в крепкий узел.

И даже в давний-давний век
к её общедоступным водам
шёл первобытный человек...
Река – Артерия природы...

Лечу. Внизу плывёт земля,
покрытая зелёным бархатом,
желтеют кое-где поля,
ещё не тронутые пахотой.

Вступая с тяготеньем в спор,
по всем аэрофлотским правилам
гудит настойчиво мотор,
но не мешает думам праведным.

А мне в подобный миг всегда
так высоко подняться хочется,
где есть заветная звезда.
Моя звезда. Звезда-пророчица.

КАЖДОМУ СВОЁ

Шагала в ногу воинская часть,
певец на сцене пел из опер арии,
влюблённый, остроумием кичась,
своей подруге зубы заговаривал,

тюремщик вёл бандита на допрос,
священник в храме вёл богослужения,
писал о свежести душистых роз
поэт, ловя минуты вдохновения,
моряк морские воды бороздил,
молил о милостыне бездоленный,
чарующие звуки выводил
скрипач смычком наканифоленным.

Трудились сталевары, доктора,
шедевры в муках создавали гении...
Потом настала ночь, и до утра
всех сон сморил после дневного бдения.

Лишь у Земли особое житьё,
хотя она не ропщет на Создателя
за вечное вращение своё,
за то, что отдых ей не обязателен.

ЯБЛОКИ

Триптих

I

Наша жизнь, как взбалмошная дама,
к разным неожиданностям склонна,
соблазнило яблоко Адама,
озарило яблоко Ньютона.

А Парис, старинной Трои житель,
будучи судьёй большого спора,
присудил Богине Афродите
золотое яблоко раздора.

После этих разбирательств длинных,
осудив решение такое,
оскорбились Гера и Афина
и решили уничтожить Троию...

II

Год семнадцатый. Глухая осень.
Ощувив свободы полной счастье,
«яблочко» весёлые матросы
пели, упиваясь взятой властью.

Шли они объятые угаром,
Шли по свежесыпанной пороше,
и её на невских тротуарах
подметали чёрные их клёши...

III

На земле теперь другие власти,
а на небесах – другие боги.
Только, как в те дни былые, счастье
улыбается, увы, немногим.

А природа остаётся та же.
Что-то светлое, сулят рассветы.
И зима, томительная даже,
повернула, вроде бы, на лето.
Да и яблоки – они издревле
в нашей настрадавшейся Отчизне
падают по осени с деревьев,
но не стимул это к лучшей жизни...

Вроде мы не глупы, нет в нас лени,
но в период потрясений грозных
что-то к нам приходят озаренья,
не в пример Ньютону, слишком поздно.

ОТЦОВСКИЙ ДОМ

Дверь, как расстроенная скрипка,
фальшивый вывела мотив.
Её тихонько притворив,
иду по половицам зыбким.

Да, на земле всему свой срок
под нашим общим вечным небом.
Пообветшала в доме мебель,
стал, вроде, ниже потолок.

Здесь всё на месте. До сих пор
знакомая висит картина,
но запылённой паутины
на ней виднеется узор.

А во дворе черёмух тень
густа, и в узкие оконца
почти не проникает солнце,
хотя прекрасен летний день.

Далёких детских лет приют...
Он не казался мне убогим.
Ведь требовалось так немного,
чтоб чувствовался в нём уют.

И вот – уныние и тлен.
Земного тяготенья сила
приплюснула и покосила
трухлявость потемневших стен.

И жаль, что лик его былой
восстановить уже нет средства...
Отцовский дом, моё наследство,
ну что же делать мне с тобой?

КИНО

Солнце к западу клонится,
завершая свой путь.
Лёгкой рысью две конницы
на сближенье идут.

В луговине некошеной
атакуют лоб в лоб,
ошалевшие лошади
переходят в галоп.

Мчатся в бешеном рвении,
мнут траву вдоль реки.
Страшен миг столкновения,
покраснели клинки...

Солнце к западу клонится,
а копыта стучат,
распалённые конники
лихо рубят с плеча.

Лошадиное ржание,
жуткий сабельный свист,
стоны тяжкие раненых,
опрокинутых вниз.

И безмолвствуют зрители:
близкий лес и река.
Кто уйдёт победителем?
Неизвестно пока...

Будоражит сознание
этот яростный бой.
Вдоль темнеющих зданий я
направляюсь домой.

Снег всё кружится, кружится,
холодит в поздний час...
Вдруг подумалось с ужасом:
«Ну, а если б сейчас?!».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Октябрь. Мне это время года
претит. И ясно почему –
неподходящая погода
всегда сопутствует ему.

Уже не слышно крика чаек.
Давно ль они, войдя в кураж,
всерьёз права свои качали
на плёс и на песчаный пляж.

Их нет. Их будто не бывало
ни в небесах, ни на волне.
Нам лета мало, очень мало,
а им достаточно вполне.

А осень снова сердце ранит,
тревожит душу, и не зря
противится мой темперамент
гнетущей грусти октября.

А осень шествует невинно:
меняется окрестный вид,
свечою вспыхнула рябина,
что под окном моим стоит.

Мной и рябиной снова прожит
ещё один (который?) год,
больное сердце хоть тревожит,
но биться всё ж не устает.

Я тешусь тем, смотря с надеждой
сквозь запотевшее окно,
что бабье лето неизбежно
и к нам заглянет заодно.

КОНИ

Берёзы, липы – листьев вязь –
им сотня лет уже, наверно.
Всем помнилось, что коновязь
была в том месте в сорок первом.

В то время приводили к ней
не раз из деревень окрестных
надёжных работяг-коней,
трудившихся в колхозах местных.

Они стояли там рядком,
сгоняли мух, ушами пряли,
жевали сено и о том,
что впереди их ждёт, не знали.

Не знали, что из тишины
конюшен теплых и загонов
их в пламя мировой войны
в товарных увезут вагонах.

Не знали, что в чужих краях,
откуда шли дурные вести,
и им участвовать в боях
придётся с человеком вместе...

Берёзы, липы – листьев вязь –
не помнят ничего, наверно,
про детство, и про коновязь,
и про далёкий сорок первый.

НЕБЕСА

Легко вспорхнула стая голубей
с покатою крыши каменного здания,
а небо – неустанный чародей –
сверкало ярче их цветного одеяния.

А я глядел в чарующую высь –
там только синь одна, но тем не менее
всем сердцем ощущал, что в нашу жизнь
нисходит сверху умиротворение.

Тот ясный свет через мои глаза
и эта синь – глубокая и вечная –
вливались в тело, в душу, как бальзам,
и сглаживали все противоречия.

Тем дивным, чистым воздухом дыша,
не опасаясь опростоволоситься,
я мог сказать открыто, что душа
в последний миг на небеса возносится.

ПОЛЫНЯ

На снежной равнине подтёком чернил,
которые дьявол, должно быть, разлил,
какую-то тайну безмолвно храня,
зловеще темнела вдали полынья.

Средь белых снегов, испаряясь, зиял
тот длинный, неровный, опасный овал.
Там в бешеном танце металась вода
вдоль кромки ещё не окрепшего льда.

А вечером, как говорят, на авось
к той водной стремнине направился лось.
Вдруг грянул, как гром,
оглушительный треск,
и брызги взметнулись в просторы небес.

С сочувствием сверху глядела луна.
Копыта его не достали до дна,
и снова взобраться на белую твердь
он больше не смог уже. Вот она – смерть.

Собрав все остатки слабеющих сил,
лось против течения тихо поплыл.
Поплыл в неизвестность, поплыл в никуда.
Повсюду под лёд уходила вода...

Но шёл человек над вечерней рекой,
где берег крутой изгибался дугой.
Он глянул случайно, под снежный откос
и вмиг пробежал по всей коже мороз.
Посёлок стоял в стороне от реки,
но вскоре сбежались на зов мужики.
С собой принесли кто – пешню,
кто – топор
и к отмели стали рубить коридор.

А лось в полынье выбивался из сил,
о помощи взглядом печальным просил...
Железо крушило податливый лёд.
И вот он, спасительный водный проход...

Вот так-то. И все разошлись кто куда.
А сзади всё так же темнела вода
среди белой равнины подтёком чернил,
которые дьявол, должно быть, разлил.

КЛЕБАНОВ Валерий Захарович – родился в 1938 году в г. Тула. Окончил Краснодарский политехнический институт, в 1968-69 гг. учился в Литературном институте им. Горького. Автор 10 сборников собственной лирики и 5 книг поэтических переводов (совместно с армяноязычным автором Ашотом Кочконяном). Печатался в журналах: «Кубань», «Родная Кубань», «Русский мир» (СПб), «Автограф» (Вологда), «Голос Амшена» (Ереван), «Молодая гвардия» (Москва), в российских и краевых газетах. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Александра Невского. Награжден: Почётной грамотой Правления СП России, медалью «За труды и просвещение» им. Н.В. Гоголя, Золотым орденом Международной академии культуры и искусства. Член Союза Писателей России.

Начало эпохи. Звезда Вифлеема.
Знамение вместо молвы.
Плечистый Иосиф. Пречистая Дева.
Младенец в соломе. Волхвы.

А после – Пилат, умывающий руки...
Всевышний, тебе исполать!
Но стихнут когда-либо крестные муки?
Костры перестанут пылать?

Мы – под влиянием Сатурна,
нас пожирают тьма и злоба.
И это – очень, очень дурно,
как говорит Тамара Глоба.

Астролог милая, неужто
вы в гороскопе этом правы?
...А звезды спят, развесив уши,
и на Сатурна нет управы.

Как без них, крутых да лютых,
с пеной бешеной у рта?
Ведь без них не знали б люди,
что такое доброта,

и не жались бы друг к другу
по-бараньи в пору гроз,
перепуганные вьюгой
дикой брани и угроз.

Снова что-то во мне иссякло.
Не зажгутся стихом уста.
И душа, как пастушья сакля,
незатейлива и пуста.

Очевидно, живу убого
и в хандру, как в долги, залез;
и не в силах поверить в Бога,
хоть и хочется позарез.

Вселенная, будем на «ты».
Прости мою дерзость паяца.
Но чёрной твоей темноты
давно перестал я бояться.

В мелькании дней и ночей
последнего, может быть, лета
щебечет мне, словно ручей,
река под названием Лета.

Как мне любо в моём захолустье,
у заросших осокой обочин,
чей характер далёк от холуйства
и покорностью не скособочен.

Здесь и воздух свободен от сажи,
здесь и лужи светлы, как зеркала.
Как вписался я в эти пейзажи
грустным обликом провинциала!..

Опять, как в молодые годы,
рассвет недолог.
И сквозь него – хлопки охоты
на перепёлок.

Ах, молодецкая забава,
к чему ты снова?
Но память рыщет, как собака,
в кустах бывшего.

Зазубренная с детства ложь,
не отпускающая человека
и до его скончания века...
как цепко ты в душе живёшь,

о, молодые нигилисты,
любой свергающие трон, –
что, если б вам к ногам ядро
тех наших, заскорузлых истин?!

Дожинаем последнее солнце.
Зыбок поздний комфорт сентября.
Трётся бриз о шершавые сосны,
плещут волны, песок серебра.

Упоительно бьются баклуши.
Для блаженства хватает как раз
Полутёплого ломтика суши
и твоих полудремлющих глаз.

Не грусти, что снова високосный.
Всё равно ведь избавленья нет
от даруемых судьбой несносной
бесконечных радостей и бед.

Но когда качаются сирени,
нам себя так жертвенно даря, –
верю в свет любовных озарений,
а не тёмных сил календаря!

То в жар бросает, то знобит меня.
Диагноз – словно приговор. И баста.
И глупо в прошлом что-то изменять,
и будущее беречь опасно.

День ветреный, холодный день в окне
ветвей безлистных встряхивает сети.
И что сейчас всего нужнее мне –
написано латынью на рецепте.

Я не грешнее многих и не праведней,
но жизнь моя – как грёза наяву.
Я эту землю предаю анафеме
и всё ж на ней безвылазно живу.

Не знаю сам, зачем мне эта схема –
быть постояльцем в собственном доме?
Но жизнь мою, как желтый снимок,
уже не переделать никому.

Бедный рыцарь – другим не чета.
Ни копыя, ни щита – нищета.
И душевных порывов тщета –
храбреца основная черта.

Он в богатые лавки не вхож.
Но среди ражих, откормленных рож
он и в ржавой кольчуге хорош.
Только жаль – пропадёт ни за грош...

Предвечерние краски дня,
ускользающий, зыбкий свет...
Я любил, чтоб любили меня,
но всегда ли любил в ответ?

Я чужим озоном дышал,
струны брал займы и колки.
Сколько душам я задолжал!
Как теперь отдавать долги?...

Мне уже, хоть близко старость,
не наладить бытия.
Ты, увы, не состоялась,
состоятельность моя.

Я бы мог грустить по праву,
но в душе смеюсь, решив:
мы ещё хлебнём Абрау
на последние гроши!

Ты будь случайным, платье,
еда, случайной будь.
Случайной жизнью платим
за неслучайный путь.

Нужда сечёт, как дождик,
и хлещет по щекам.
Художник вечно должен
своим ростовщикам.

Я в судьбе своей заиндевелой
для тебя окошко продушал,
узница стареющего тела,
грустная затворница Душа.

Ты меня прости за эту долю.
Но зато, в полуночную тишь,
словно бы поправ свою неволю,
с вечностью ты вволю говоришь.

О Боже! Я слабый сосуд.
Не выдержат стенки души моей,
что с трепетным страхом несут
таинственное содержимое.

Ещё до недавнего дня
был сер в человеческой груди я.
Зачем же ты выбрал меня
и сделал послушной орудия?

Замахиваясь на большое,
не сетуй, если Рубикон
окажется не супер-шоу,
а заурядным тупиком.

И, грустно складывая крылья,
прими без лишнего нытья, -
что вновь останется открытым
вопрос о смысле бытия...

Неужто жизнь расписана по нотам,
а воля лишь для избранных натур?
Завыть ли волком иль запеть фаготом –
но только в строгих рамках партитур?

Забыть бы всё, что с нами будет завтра.
Наитие – вот Ариадны нить.
Дай вволю нам, судьба-импровизатор,
неслыханного, дерзкого испить!

Как проявляет наша речь
свою причудливую прихоть, –
мячу повелевая прыгать,
мечу приказывая сечь!

Как могут быть и меч, и мяч
одной и той же частью речи, –
когда от их случайной встречи
вдруг возникают кровь и плач?

Перемиг огоньков на причале
на воде маслянисто дрожит...
Не прожить на земле без печали
и без счастья на ней не прожить.

Не с того ль, сокровенному вторя,
то минорный, то радостный тон
возникает в биении моря
о глухой и холодный бетон?

Поэт и сам не знает никогда
растя в тиши своих кристаллов друзья, –
чего захочет левая нога
его неважно выпавшейся Музы.

Проснуться знаменитым? Чёрта с два!
Пока сообразишь – хорош ли, плох ты, –
тебя уже оттерли от стола
соперников удачливые локти.

Всё меньшим и меньшим обходимся,
от злата съезжая до меди.
И с речью мы не церемонимся,
в которой – одни междометья.

И даже без родины вроде бы
привыкли порой обходиться...
...Проталины между сугробами
черны, как пустые глазницы.

Ты помнишь, как блеском и плеском купален
нас лето ласкало?
Похрустывал ветер, слегка подкрахмален,
и тёрся о скалы.
И каждый из нас возлежал, как патриций
на краешке века...
И вряд ли когда-нибудь вновь повторится
подобная нега!

Уж так небеса захотели,
что я – как теперь ни ершишь –
до гроба прикован к галере
с заманчивым именем «Жизнь».

И хочешь того иль не хочешь,
куда бы тебя не снесло, –
но надо и денно, и ночью
опять налегать на весло!

Стихия женщины... Окутав
тебя пьянящим флёротом грёз,
она приходит ниоткуда,
но так, что по спине мороз,

но так, что выше всех религий
она – в тебе, она – вокруг.
Легки и сладостны вериги
тебя поработивших рук.

Будто вновь – прошлогодняя осень:
тот же дождь и задумчивый сад.
Жизнь тебя то куда-то уносит,
то опять возвращает назад.

И опять мимо тех же калиток
ты проходишь, туда же спеша;
и, как прежде, тебя не окликнет
ни одна живая душа.

Мне от судьбы не надо одолженья,
хоть ею был обманут я не раз.
Вот снова подступает это жженье –
комочек у горла и слеза у глаз.

И снова, понимая всё бессилье
своих поступков, помыслов и слов,
то жизнь готов закончить на осине,
то ею потрясаюсь до основ...

Лист инжира шершав, как наждак;
отчего ж так прелестны плоды?
Может быть, не напрасно я ждал
от тебя, жизнь моя, теплоты?

И от храма, хранящего свет,
может, я не совсем отлучён, –
и ты мне улыбнёшься в ответ
и согреешь последним лучом?

Как отраден для тела и духа
шорох волн, что вдали не пропал, –
будто море – у самого уха,
как огромный поющий рапан.

И, куда б ни бросало судьбою
сквозь ветра расстояний и лет,
голос моря всегда был со мною –
амулетом, хранящим от бед...

В прибой, звеня, летит монета;
мы вновь традиции верны, –
чтоб снова появилось лето,
как Афродита из волны.

Пускай опять окатит бронзой
нас раскалившийся зенит –
и бриз, запутавшийся в соснах,
озоном знойно зазвенит...

Случайно ли похож на Грина
бич, затянувшийся махрой?..
Судьба, без маски и без грима
завесу тайны приоткрой.

Блесни прозрением минутным,
приобразивши до нутра –
бичей, скучающих понуро
у врат товарного двора...

Живёт биолог, хрупкая как лань,
душой сливаясь с зоной заповедной;
трут звери морды о девичью длань,
и та им платит теплотой ответной.
«Вы понимаете?» – она мне говорит,
даря стихи, в которых звери, звери...
Я потрясён, увидев, что творит
живых сердец взаимное доверье.

Средь мелких и крупных невзгод
не раз я уже убеждался:
душа – это мой Дон Кихот,
а тело – её Санчо Панса.

Как вина, слились в купаже
их радости, слёзы и боли:
когда достаётся душе,
то тело кряхтит поневоле.

Блуждает дух бонапартизма,
его неведомы пути...
Попробуй к скромной паспортистке
насчет прописки подойти!

А где чиновник, весь с иголки,
верхнедоступный и крутой,
там явно контур треуголки
парит над лысой головой.

Я не могу налюбоваться
на круглощёких два вершка, –
когда они, светясь от счастья,
мне улыбаются с горшка...

Гуляют смерчи по планете;
Но, не давая свет тушить,
бессмертья главный козырь – дети
смеются! Значит, будем жить.

Ты вся внутри бурлишь,
ты вся горишь, я вижу.
Ты – трогала Париж,
бродила по Парижу.

Что делать? Селя ви...
А мне – как я ни прыток –
лишь возгласы твои
да пестрота открыток...

И радоваться нет расчёта,
и жаловаться не с руки,
что уж не первые по счету
я снашиваю башмаки.

Как долго мне ещё крепиться,
Одoleвая тяжкий рок,
пока за мной, как плащ, клубится
седая пыль земных дорог?

Не отложишь в долгий ящик
дел, которые остались...
Беспокоит предстоящий
крови собственный анализ.

Дня прошедшего осадок;
в нём досад – всегда избытки.
А в ночи скелеты сада –
как рентгеновские снимки.

Как страстно мне хочется странствий,
как жду новизны перемен!
Но странно застыло пространство
и время недвижно, как плен.

И слухи о будущем глухи,
и тянет волынку январь,
и мысль неотступна – о мухе,
вмурованной в мутный янтарь...

Как душе не взвять от вида
(разве боли есть ничьи?) –
молодого инвалида
из Афгана иль Чечни?

Каждый день на ринге рынка
он – с клюкою и сумой...
Что страшнее поединка
парня этого – с судьбой?

Вздыхаем: падает мораль,
со нравов сорвана узда,
и перескажешь то едва ль,
что молвят юные уста.

В подъезде выломана дверь,
лифт – как отхожие места.
А в школах вновь: «Товарищ, верь!
Взойдет звезда...»

С каждым часом всё трудней
жить, как ни крути.
Прилети на пару дней,
ангел во плоти.

Засвети огонь во мгле,
чтобы он не гас;
чтоб прошли мы по земле,
как никто до нас...

Я от судьбы не ожидал
тепла и доброты;
но всякий раз я оживал,
когда являлась ты.

Ты говорила: «Брось хандрить!
Закинешь ненароком...»
Была невидимая нить
между тобой и Богом.

Л.Х.

БУХАРОВ Владимир Пантелеймонович – родился 12 июня 1938 года в г. Иланске Красноярского края. В 1965 году переехал на Кубань. Работал в редакциях газет «Молодёжь Бурятии», «Прикубанская искра», «Молодой Ленинец», «Советское Черноморье». Его произведения печатали газеты «Правда Бурятии», «Советская Кубань», «Кубань сегодня», «Человек труда», «Казачьи вести», «Твой успех», журнал «Сельские зори», альманах «Кубань», альманах «Парус». Владимир Пантелеймонович – автор сборников «Мы приехали в Анапу», «Моя Россия», «Родился я в жестокий век».

ГРАЖДАНСКАЯ ИСПОВЕДЬ

С рукой протянутой страна
идет-бредёт по бездорожью.
Не знаю, чья же в том вина,
но и моя, наверно, тоже.

Нас призрак вел. Мы шли за ним,
со временем шагая в ногу.
И вот у пропасти стоим,
с мольбою обращаясь к Богу.

О, Боже, людям радость дай!
Ведь ты создал нас не для рая.
Сгори в огне тот мнимый рай,
милее нам земля родная.

Прости заблудших и забудь
грехи людей в двадцатом веке.
Прости поправших жизни суть,
ведь мы не боги – человеки.

Не за себя сейчас молюсь,
хотя ещё не много прожил,
молюсь за будущую Русь
и за народ мой бедный тоже.

ДОЛГИЙ ПОСТ

Я не гожусь в учёные эксперты,
Экспериментов делать не могу.
Живу себе, как смертный среди смертных,
Перед людьми и совестью в долгу.

Не выбирал я попрямей дорогу,
На поворотах не срезал углов.
В нужде и горе уповал на Бога
И не рубил гордиевых узлов.

Всю жизнь крутился в сутолоке буден,
Не потому, что в жизни угловат.
Я пахарь лишь. А смерд, он был и будет
Во всех экспериментах виноват.

Нас то и дело всех бросают в штормы,
Для кесарей не существует норм,
И пишутся Указы для проформы
Творцами перестроек и реформ.

Теперь такое дальше не годится.
Наивен мой вопрос и очень прост:
За чьи грехи должны мы все поститься?
До коих пор блюсти столь долгий пост?

Живу себе, как смертный среди смертных
и за грехи свои сполна плачу...
Я не гожусь в учёные эксперты,
Но жить так дальше тоже не хочу.

ДОНКИХОТЫ

Как много стало доброхотов,
Доброжелательством больных.
На всех российских донкихотов
Не хватит мельниц ветряных.

Клянётся каждый, что он – рыцарь,
И будет биться с ветряком,
Не видя собственного рыльца,
Давно покрытого пушком.

Горят предвыборные страсти,
Хоть дел в стране невпроворот.
Идёт дележка высшей власти,
И потешается народ.

Тот вор, тот глуп, другой – обманщик,
И веры нет уже иным.
Нам даже Дон Кихот Ламанчский
Уже не кажется смешным.

А есть же, есть всему пределы!
Но к сожаленью, не у нас
Пора бы вспомнить «Время делу»,
Потом уже «... потехе час».

Я СЛУШАЮ СЕРДЦЕ

Друзья говорят мне:
– Зачем ты в политику лезешь?
Она ведь замешана сплошь на крови.
Ты нам растолкуй –
Какой справедливостью гредишь?
Писал бы побольше стихов о любви.

Скажу от души:
О политике я не злословлю,
А вот у политиков руки в крови.
Я слушаю сердце,
Оно обливается кровью.
Так как же могу я писать о любви?

Любовь хоть от Бога,
Но тоже бывает в загоне.
Она у людей догорает в душе.
Ужель не поймут те,
Кто пишет крутые законы,
Что долгим не может быть Рай в шалаше?

НАМ ВСЕМ ПРИДЁТСЯ ОТВЕЧАТЬ

У многих ныне на устах:
«Кого мы выбираем
Во власть сегодня на местах,
В селе, в районе, в крае?»

Коль есть в районе кум, иль сват,
Отвечу вам я без запинки,
Село возглавит бюрократ,
Быть может, даже из глубинки.

А если выше есть рука,
И деньги водятся в кармане,
Такой делец, наверняка,
Главой в своём районе станет.

Когда коррупция в стране
И суд вершит, и делом правит,
Высокий пост купить вполне
Возможно в области и в крае.

Живём мы кряду много лет,
Законы грубо попирая.
Сейчас коррупции расцвет
Царит в селе, в районе, в крае.

Политиканы чушь и бред
Несут, свободу попирая.
Не потому ль порядка нет
У нас в селе, в районе, в крае?

Доколе ж нам ещё молчать
О злодеяниях сегодня?
Нам всем придётся отвечать
Перед святым судом Господним.

ОЧНИСЬ, РОССИЯ!

Морозец. Утро. Мне легко
Шагать по насту с хрустом резким
И воздух пить, как молоко
Пьют мужики, по-деревенски,
Глотками крупными, спеша,
Чтоб до весны успеть напиться.
Зима ведь тем и хороша,
Что может бодростью делиться.
А бодрость духа нам нужна.
Она сейчас важнее пищи.
Ведь духом павшая страна
Не вырвется из царства нищих.
Очнись, Россия! Поспеши
Набраться бодрости и силы.
И не отдай своей души
Торговцам душами России.
Морозец. Утро. Мне легко
Шагать по снегу с хрустом резким
И воздух пить. Как молоко
Пьют мужики, по-деревенски.

ПЕРЕСТРОИЛИСЬ

За перестройку звери взялись рьяно –
На пост бобра назначили барана.
Чего ж теперь не движется работа?
Баран уперся в новые ворота.

НАЧИНАЮЩЕМУ КАРЬЕРИСТУ

Коль хочешь ты короче к цели выбрать путь,
То знай когда и как, кому и что лизнуть.

О СТАТИСТИКЕ

Медведь в лесу задрал быка.
Из стада волк увел барана.
Крот съел всего лишь червяка,
Но встал перед судом на равных.

ПРЕЗЕНТ

Петух для индюка-кладовщика
Купил презент – пол-литра коньяка.
Казалось бы, здесь всё в порядке,
Коль не считать презент за взятку.

ВОЛК И КОСОЙ

Зачем гадать, что ждёт Косого впереди,
Коль Волк сказал ему: – Ну, Заяц, погоди!

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА

Взяв в лапы власть, Медведь поставил сразу
Заслон общественному злу.
Лисе доверил овощную базу,
А птицефабрику Козлу.
Они теперь такую дружбу водят,
Что каждый день друг к другу в гости ходят.

О МОДЕ

Овца учила глупого Ягненка:
– Страшнее Волка мода на дублёнку.

НА РАВНЫХ

Судили Индюка-рвача
За то, что принял взятку от Грача.
Сейчас Индюк и Грач на равных, вместе
Срок отбывают в отдалённом месте.

БЫЧИЙ ОБЫЧАЙ

Коль начал Бык мычать,
Вам лучше помолчать.
Дурной характер бычий
Вошёл уже в обычай.

КРИТИКАН

Он на собраниях ликует,
Когда кого-то критикует.
А сам начнёт делиться опытом
– Невнятно мямлит что-то шёпотом...

ИДЕАЛЬНАЯ СВИНЬЯ

Говорит Свинья:
– Я перед обществом чиста!
Сама же вся в грязи, от рыла до хвоста.

ГНИЛОЙ ОРЕХ

Орех под крепкой скорлупой
Привык считать себя при силе.
И был доволен сам собой,
Пока его не осудили.

ДЕМАГОГ

Всегда он держит про запас
Десятка два крылатых фраз.
Не голова – цитат палата!
Ума в ней только маловато.

О ГЛАСНОСТИ

Шумит весь двор о гласности
По-разному, а в частности:
Петух поёт, осёл кричит,
Индюк, насупившись, ворчит.
Один дворовый пёс молчит,
И лаять попусту не хочет.
А почему? Сажу для ясности:
Клыки пока сильнее гласности.

ФЛЮГЕР

– Ура! Сегодня ветер дует с Юга!
По ветру нос держать! –
Рекомендует флюгер.
Но вдруг подула с севера Бора
И флюгер снова закричал: – Ур-ра-а-а!

О ПЛАТФОРМАХ

Что ни оратор, то своя платформа,
Но мало толку в том пока.
Колёса б к ним приладить,
То бесспорно
Мы выедем из тупика.

КАРЬЕРИСТУ

Он из критиков ведомых
Перешёл в ряды ведущих.
Стал делить всех на секомых
И, конечно, на секущих.

РУСЬ-ТРОЙКА

Куда летишь на коренных, Русь-тройка?
Попридержи коней, страна шальная!
Твой путь – то коренная перестройка,
то направлений ломка коренная.

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Есть времени наглядная примета.
В Россию рынок хлынул, как волна.
Плоть русская в турецкое одета
И нет совсем товаров изо льна.

ХАМ И ЗАМ

Жил-был один великий Хам.
Себе назначил зама сам он.
Перехамил однажды Хама зам,
И сам стал сразу первым хамом.

НЕИЗБЕЖНО

Когда тебя с телеэкрана
Бьют часто хамством по ушам,
Поверь мне, поздно или рано,
Ты тоже хамом станешь сам.

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОН?

Закон в России – то же, что канат,
Который натянули поперёк дороги.
Иль от него попятышься назад,
А коль вперед пойдёшь, то поломаешь ноги.

Ан нет! Никто обратно не идёт,
И ног своих ломать никто теперь не хочет.
Кто с животом – под ним, как уж, ползёт,
Кто половчей – канат тот просто перескочит.

О ФРАКЦИЯХ

Много в Думе разных фракций,
Все их трудно перечесать.
Ну, а если разобраться,
Между ними сходство есть.
А сходство в том, что со злорадством
Вор вора бьёт за казнокрадство.

НАШЛИ КРАЙНИХ

Наш парламент двухпалатный
Для России цирк бесплатный.
В том, что нет ума палаты,
репортеры виноваты.

ОБ ИМИДЖЕ

Кто сам себе создать стремится имя,
Но не за счёт ума, а языка,
Под шляпой у того, похоже, вымя,
В котором очень мало молока.

О САТИРЕ И КНУТЕ

Давно всему известно миру,
Что вор есть вор, а плут есть плут.
Зачем же их хлестать сатирой,
Коль нужен здесь Закона кнут?

БАРАН, ВЕРНУВШИЙСЯ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

– Я повидал немало разных стран,
– Хвалился перед овцами Баран.
– И что за жизнь там, в дальних странах?
– Спросили Овцы у Барана.

Баран вздохнул:

– Да там живут не то, что тут.
Овец два раза в год стригут.
Нужна ль Барану заграница,
Коль дома то же самое творится?

КАРТИНКА С НАТУРЫ

Государственная Дума
Не обходится без шума.
А иные забияки
Затевают даже драки.
Чтобы хлеб не есть свой даром,
Превращаются в фигляров.

**О КРАСНЫХ И БЕЛЫХ,
О ПРАВЫХ И ЛЕВЫХ**

В нашей Думе блок центристов
Весь из бывших коммунистов.
Очень много блоков разных:
Блоков белых, блоков красных.
Белые из левого, красные из правого.
Боже, дай им смысла здорового.

НЕ ШУМЕТЬ!

Как много слов, как много фраз
В дни заседаний Думы.
Как мало пользы в них для нас.
Народ устал от шума.
Пора б табличку в зале заиметь:
«В Думе не шуметь!»

РАЗНЫЕ ПОНЯТИЯ

О чистоте пруда рак говорил всерьёз,
Критиковал рыбёшку малую сурово.
– Кто станет чистить пруд? – Был
вынесен вопрос.
– Очистить пруд? Так я всегда готова,
– Сказала щука, – это мне под силу.
За дело принявшись, как никогда,
Рыбёшек мигом всех переловила.
Да только не очистилась вода.
В ней с каждым днём все прибывает ила.

ОСЁЛ В УПРАВЕ

Осла главой назначили в управу.
Хоть был он от природы глуп,
Но почитал хвалу.
Его уму провозглашая славу,
Все стали дифирамбы
Дружно петь Ослу.
Молчал, уставясь в пол,

Насупившийся Вол.
И лишь Петух (речей его никто не слышал)
Подумал про себя:
«Осёл и в Африке осёл»
И незаметно из управы вышел.
Да пусть меня сейчас
Не судит критик строгий.
Зарвавшийся Осёл –
Плод грязных технологий.

ЧЕРВЯК

Червяк – он есть червяк, без всякой
фальши.
Где зад, где перед – кто его поймёт.
Ему, мне кажется, совсем неважно,
куда ползти. Да и зачем ползёт?

Доволен всем он, ползает вниз.
Какая польза от его движений?
Он скажет вам: – Куда-то ж доползу.

ЩЕГОЛ

Один Щегол Скворцом петь приловчился.
Не знаю, где он этому учился?
Однако же, в себе открыв талант такой,
Певец пернатый потерял покой.
Решив, что звуки все ему подвластны,
Вороной каркать начал ежечасно,
Сорокой стрекотать, копировал Орла.
И все с восторгом слушали Щегла:
– Вот это да! Прекрасная работа!
– Пернатые хвалили полиглота.
Создав себе широкую рекламу,
Он был Орлу назначен первым замом.
И до того допелся у Орла,
Что в нём никто не узнавал Щегла.
Не всякая на пользу нам реклама.
Тому немало есть примеров.
Я сам встречал среди первых замов
Щеглов таких у наших мэров.

Слон-демократ

Что слон силён, нам всем давно известно.
Но сила без ума – пустое место.
На бюрократа Льва Слону
пожаловались звери:
– Нам всем житья он не даёт.
Принять мы просим меры!
Покладистость Слона – его беда.
Но это не волнует демократов,
Среди них немало бюрократов.
Они найдут с ним общее всегда.

Диктует Слон на жалобу ответ:
«Собрать в лесу общественный совет
И разобраться по письму.
Притом, решить демократическим путём,
как наказать пострее бюрократа Льва.
На то совет имеет все права».
Лев не замедлил на совет явиться.
С собою приволок он бычью тушу,
Со всеми чтобы мясом поделиться...
Виновника не стали даже слушать.
Слоно ответили: «Решали строго.
В поступках Льва нет ничего дурного».
Читай – здесь демократия не в счёт.
Мораль из басни этой умный извлечёт.

РЕДАКТОР КРОТ

Стал Крот редактором газеты «Ёлки-палки».
Поскольку сам страдал он слепотой,
Крот поручил корреспонденту Галке
Слетать за новостями в лес густой.
Та быстро собралась, округу облетала.
Уж так хотелось выслужиться ей,
Что за день столько дров еловых наломала,
Аж стол Крота трещал от новостей.
– Быстрее в номер! –

говорит редактор Галке.

Но Крот есть Крот – он от природы слеп.
А Галка, прямо скажем, птица со смекалкой
И «Елки-палки» быстро вышла в свет.
Мораль? Она совсем проста?
Мне жаль редактора Крота.

ДВА ВОРА

В тюрьме два вора встретились на нарах.
Один из них на городских базарах
Крал кошельки, кошелки потрошил.
Что за день уворует, тем и жил.
Другой имел солидный вес, и в штате
Чиновником служил при аппарате.
И, как положено ему по штату,
Он каждый месяц получал зарплату.
Людей не грабил, ничего не крал.
Он с них за подписи деньгами брал.
В кругу предпринимателей стонали:
«Мы до сих пор таких рвачей не знали».
Всё шарлатану с рук сходило гладко,
Пока он не был пойманным за взятку.
Карманнику – три года – вынес суд
решенье.
Чиновник на год осуждён для исправленья.
О двух ворах я рассказал вам в басне.
Судите сами, кто из них опасней.

ЛЁВИН Сергей Александрович – родился в 1978 году в г. Котовске Тамбовской области. В 2000 году окончил филологический факультет Тамбовского госуниверситета имени Г.Р. Державина. Автор трёх книг стихов: «Упал со стула», «Снайпер» и «РКосто», повести-сказки «Антоха – анапский дельфинёнок».

Член Союза российских писателей и Союза журналистов России, участник 8 и 9-го Форумов молодых писателей России, лауреат премий губернатора Кубани и главы города-курорта Анапа в области культуры.

ПО ТУ СТОРОНУ ЛЕТА

(курортная повесть в ритме рок-н-ролл)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ИЮНЬ

Глава 1: скверное начало

Smack my bitch up!
The Prodigy

– Да! Алё! Самвел Ашотович, я вас плохо слышу! Что? Вы считаете, проект не завершён?! А что вас конкретно в нём не устраивает? – по центральной улице Анапы Крымской широким шагом шёл молодой человек в лёгком сером костюме и сосредоточенно разговаривал по мобильнику. На его не лишённом приятности лице застыла гримаса недовольства, которую он и не пытался скрыть, хотя вежливую интонацию парень держал мастерски – как-никак разговор шёл с крупным заказчиком.

– Я поменяю фотографии местами. Да. Это недолго. И логотип вам тоже не нравится? Какая, вы говорите, неувязка? Это поправимо. Легко! Я тоже сомневался насчёт жёлтого цвета. Говорю же вам, исправить легко! Попробуем оттенок изумрудного. И цветокоррекция хромает? Самвел Ашотович! Мне сегодня вечером надо увезти готовый макет в Москву! Вы не могли мне обозначить ваши претензии немного раньше? Да. Ладно. Всё понимаю. Сделаю всё возможное... До встречи!

Молодой человек раздражённо засунул телефон в кожаный чехол, крепящийся на ремне. Настроение, столь воздушное и приподнятое с утра, обрушилось в тартарары за какие-то три минуты.

Над сложным многостраничным рекламным буклетом для одного из новых санаториев Самвела Ашотовича Владимир возился не одну неделю. Работа с капризными фотографиями, нервным текстовиком, убеждённым в собственной гениальности, а самое глав-

ное, с корявым заказчиком попортила у него немало нервных клеток. И вот теперь, в день икс, когда вёрстка была завершена и осталось только одно – оттранспортировать диск с готовым и подписанным в печать материалом в типографию, а там проследить за качеством работы местных умельцев (за всем нужен контроль!) и вернуться в Анапу с полностью отпечатанным тиражом, многоуважаемый Самвел Ашотович, попросту говоря, закозлил.

– Сука! – выцедил Владимир и виновато пожал плечами проходящей мимо блондинке в топике, с трудом вмещающим умопомрачительную грудь. – Это не вам, извините...

Мобильник вновь встрепенулся агрессивным рингтоном. «The Prodigy», «Smack my bitch up!» – подходящая мелодия для заказчика, в очередной раз усмехнулся своему выбору Володя. Хотя усмешка получилась горьковатой – ведь в роли «bitch» на сей раз был он сам.

– Да, Самвел Ашотович, я вас внимательно слушаю. Согласен, в макете есть недоработки, но я знаю, как их быстро исправить, и искренне считаю... Что?! Но я уже купил билет. Типография не будет ждать ещё неделю – там рассчитывают на ваш заказ уже завтра утром. Самвел Ашотович!!!

Владимир редко позволял себе терять спокойствие, но сейчас был исключительный момент. Накрывался не только полёт в столицу – из-за прихоти этого недобитого доморощенного владельца заводов, газет, пароходов рушились все планы на неделю. А значит, придётся отказаться от нескольких выгодных предложений, потому как этот в одночасье ставший ненавистным буклет теперь надо всерьёз перевёрстывать и, если честно, только ухудшать, так как Владимир за последние шесть лет работы дизайнером достиг такого уровня мастерства, когда делать что-то плохо, на отвяжись, было просто невозможно. Но грубить было нельзя – из всех бизнесменов, с которыми он сотрудничал, Самвел Ашотович был самым несносным и самым... платёжеспособным. С каждым годом расширяя свою курортную мини-империю, шаг за шагом завоёвывая столь многообещающую в плане прибыли территорию Анапы, он прекрасно сознавал значимость рекламы как двигателя торговли. Ведь мало построить многозвёздочный отель или открыть элитный ресторан – о них надо рассказать, их надо подать на таком ослепительном блюдецке с такой гламурной каёмочкой, чтобы все ахнули – вау, экселлент! И пошли ужинать именно в тот ресторан, о котором узнали из новёхонького, ещё хранящего дразнящий запах типографской краски буклета, который потенциальные клиенты взяли полистать в VIP-зале аэропорта или на ресепшене отеля – и не смогли отвести глаз.

Специалистом как раз по такому гляncy и был Владимир, обладатель двух высших образований, креативного мышления и безупречного художественного вкуса. Его особому видению завидовали, его идеи не стеснялись подворовывать конкуренты, а он не особенно возмущался, считая каждую свою работу пройденным этапом и начиная очередной проект с чистого листа. Это его качество, столь чуждое унылым ремесленникам и равнодушным халтурщикам от дизайна, и притягивало клиентов именно в его офис – арендованный пару лет назад кабинет в одной из городских многоэтажек – этаком муравейнике разномастных фирм и фирмочек.

В офисе царил аскетизм и минимализм: стеклянный рабочий стол с навороченным моноблоком, принтер, сканер и прочие технические прикамбасы, а также визитки, флаеры, буклеты, журналы – весь спектр той бумажной продукции, которую Владимир критично называл макулатурой.

Сюда он буквально ввалился, одной рукой включая сплит-систему, а другой ослабляя узел галстука. Стоял конец июня – без пяти минут макушка лета, проклятие всех жароненавистников, мечта отдыхаек...

Владимир снял пиджак, посмотрел на себя в зеркальную дверцу шкафчика и ужаснулся. Волосы слиплись от пота, лицо покраснелось, под глазами мешки – сказалось несколько последних ночей, когда пришлось повозиться над только что забракованным буклетом, будь он неладен.

Днём работа всегда шла медленнее: то мобильный, то городской телефоны рвали тишину, которая был так необходима для концентрации мысли. Вот почему так долго не

вытанцовывалась концепция, дело не сдвигалось с мёртвой точки. А ещё – срочность, срочность во всём: мне нужна визитка – и желательнее сегодня к вечеру. Двойной тариф! Или – мы в пятницу проводим шоу, и минимум ко вторнику нам надо отпечатать пятьсот флаеров – сверхурочные оплатим!

Отказаться от таких мелких шабашек, которые и работой-то назвать слишком громко, Владимир не мог: деньги были нужны всегда, да и терять клиентов, давая возможность подзаработать на их заказах своим конкурентам по рекламному бизнесу, было нельзя.

Он открыл ящик стола: там лежал паспорт с вложенными в него билетами туда и обратно. Сейчас ему предстояло пиликать в аэропорт, который находился далеко за городской чертой, сдавать билеты в кассы и к тому же терять на этом деньги!

Что за день?! Что за долбаный день?! Владимир бросил паспорт в кожаную папку, с сомнением взглянул на пиджак, приготовленной для Москвы, которую по прогнозам заливали дожди, и решил оставить его в офисе: солнце к этому часу поднялось на верхнюю ступень пьедестала и сияло с видом абсолютного торжества.

«Опель» Владимира уже вторую неделю стоял на ремонте в автомастерской, поэтому надо было вызывать такси, понимая, что «бомбилы» в разгар сезона стопроцентно накрутили стоимость поездки до предела. Но втискиваться в переполненную маршрутку в недружную компанию таких же несчастных, взмысленных и утомлённых солнцем пассажиров – это было выше его сил!

Володя закрыл дверь офиса, вздохнул от ощущения погружения в плотный, практически осязаемый зной и услышал, как на поясе вновь ожил мобильник.

«Love me tender, love me sweet» – томный голос Элвиса возвестил о том, что где-то на другом конце Анапы открыла глаза и, щурясь от дневного света, настырно проникающего сквозь шторы, захотела его услышать любимая.

– Проснулась, солнышко? – Владимир вложил в вопрос всю нежность, на которую был способен. Интуитивно он уже прочувствовал, что Лена не в настроении, ещё за секунду до того, как услышал её голос. До того, как она выцедила:

– Ты где?

– В офисе, где же ещё? Сейчас вот в аэропорт собираюсь. Билеты сдавать. Представляешь, Самвел киданул меня с буклетом?! Так что у меня полёт накрылся медным тазом. Можем этот вечер вместе провести, только...

– Знаешь, мне глубоко плевать на то, что происходит с твоим любимым буклетом и, тем более, с твоим ненаглядным Самвелом. Я просто хочу знать ответ на один очень простой вопрос – почему ты не пришёл вчера вечером в суши-бар?

Это был удар ниже пояса. В голове Володи, словно на экране монитора, выплыло несколько выпуклых, практически в 3D формате, иллюстраций минувшего дня...

– Знаешь, Лен, если честно, я тут весь в работе зашился, и что-то с памятью моей стало, – попытался перевести инцидент в шутку Владимир.

– Да пошёл ты вместе со своей памятью! – «трррынь» – связь была прервана, юмор не прокатил...

Нога в лакированном ботинке протаранила входную дверь. Мобильник остался жив только благодаря недюжинной силе воли своего владельца. Отдыхающие, имя которым легион, расступились при виде взъерошенного молодого человека с криво сидящим галстуком на помятой рубашке, который шёл по прожаренному тротуару с видом берсеркера.

На обочине его поджидало такси – древняя «шестёрка», из которой истошно орали «Чёрные глаза». Из окна торчала голова давно не бритого армянина, курящего какую-то дрянь без фильтра. Ни кондиционера в салоне, ни шансов на быструю и комфортную поездку не было...

**Глава 2:
срочный заказ**

*Тебе повезло: ты не такой, как все:
Ты работаешь в офисе.*

Ленинград

Следующие несколько часов слились в одно муторное, густо размазанное по периметру дня пятно, в котором, словно персонажи тестов Роршаха, поочередно проступали люди, теснящиеся возле авиакабсы, ухмыляющийся таксист с недельной щетиной, а ещё солнечный диск с неровными, будто рваными краями... Наслаиваясь на общий мерзопакостный настрой, этот калейдоскоп низводил в общем-то обычный летний день до уровня если не худшего, то во всяком случае одного из самых гадких в году.

Несколько раз Володя набирал любимую на мобильном, но она не отвечала. Это был вид изодранный пытки, тонкий психологический приём, рассчитанный на максимальное жестокое поражение противника.

Когда Владимир вернулся в Анапу, день уже начал перетекать в вечер. Пик жары остался позади, но воздух по-прежнему был раскалён и вдобавок ко всему влажен. Лето...

Срочно хотелось одно: в душ, спасительный душ, под упругие струи – хотя какая упругость летом, когда нагрузка на водопроводные сети возрастает ого-го как, а количество жителей курорта увеличивается вчетверо. Впрочем, спасла бы любая вода... Но для начала надо было вернуться в офис.

Возле конторы Володю ждали. Среднего роста человек в идеальном костюме, лет сорока – сорока пяти, но уже почти полностью седой – на обычного клиента (быдловатого предпринимателя, которому нужна типа крутая визитка, или владельца ночного клуба, возжелавшего навороченный флаер) не похож – энергично поднялся ему навстречу.

– Здравствуйте, Владимир Сергеевич, – он крепко пожал руку слегка опешившего Володи. – Я вас здесь около часа ожидаю.

– Извините... э...

– Скрыбин Виктор Иванович, председатель Исторического клуба города-курорта Анапа. Есть у нас и такая организация, если не знали.

– Очень приятно.

– Мне тоже. Я вас совсем немного побеспокою, вижу, вид у вас усталый. Эта жара – выдерживать её сплошная мука! В том числе и творческая... Я к вам по рекомендации Сергея Николаевича Козельцева.

– А, «Империя инков»...

– Да-да, того самого. Он в самых исключительных выражениях отзывался о вашем таланте. Впрочем, в условиях нашего сотрудничества он будет задействован лишь на малую толику. Мне всего-навсего нужно сделать качественное приглашение: двусторонняя открытка на плотной бумаге, с одной стороны – название «Исторический поединок», а с другой – дата, время и место. Как видите, работа не слишком хлопотная.

– Да её вам любой мало-мальски сведущий дизайнер сделал бы.

– Безусловно, но, как мне сказали, ваши макеты отличает вкус и стиль, что по нынешним временам большая редкость. Итак, вот текст. Как видите, лаконичный. Мне бы хотелось, чтобы на открытке был использован небанальный шрифт и ещё желательно сделать всё в самой минималистичной манере. И, конечно, одно важное условие: вас оно, скорее всего, не удивит: всё надо сделать очень и очень быстро.

– Вчера? – грустно предположил Володя.

– Естественно! – обрадовался Виктор Иванович. – Мероприятие у нас через четыре дня, но приглашительные надо разнести минимум за два. Так что имею наглость просить вас выполнить заказ завтра к 16-ти. Тираж минимальный: тридцать экземпляров. Оплата будет соответствующей.

– Так это меньше суток!

– Я же говорю: оплата соответствующая. Сможете выслать макет на электронную почту завтра к десяти? Вот моя визитка, там все координаты.

Владимир взял неожиданно тяжёлую карточку, по всей видимости, сделанную из тонкого металла, на который с помощью гравировки были нанесены данные Скрябина. «Сколько же стоит такой экземпляр! Эксклюзивный модерн! Не меньше штуки за карточку», – мелькнуло в голове.

– Буду признателен за оперативную работу, а сейчас прошу прощения: мне пора! Ах, да, чуть не забыл: вот аванс, – Скрябин вынул из внутреннего кармана пиджака белоснежный конверт и с полупоклоном вручил его Володе. – До завтра!

– До свидания...

«Чёрт! Что за день сегодня?!» – он сел за стол, пошевелил мышкой, дабы разбудить компьютер, проверил почту. Новых писем, кроме традиционного спама, не было. В творческом бардаке, царящем на рабочем столе, ядовитым клеймом выделялся забракованный буклет, переделывать который в данный момент не было ни сил, ни желания. А тут ещё и этот странный господин со своим срочным заказом!

Володя оторвал краешек конверта, заглянул внутрь и присвистнул. Там лежала сумма почти в четверть стоимости незавершённого буклета. И это только аванс! Жара на время забылась, зато как вырос интерес!

Владимир посмотрел на бумагу с текстом, оставленную заказчиком. «Уважаемый господин _____! Имеем честь пригласить Вас на очередной Исторический поединок, который состоится 29 июня в 22.22 по адресу: г-к Анапа, Набережная, ресторан «АдмиралЪ». В программе: традиционная дуэль повествований, лёгкий ужин, умиротворённое настроение. Буду рад новой и, надеюсь, незабываемой встрече. В.И. Скрябин».

«Бред какой-то, – подумал Володя. – Но за такие деньги можно и потерпеть». И, тяжело вздохнув, потихоньку начал верстать.

Макет был отправлен поздней ночью, когда глаза отказывались видеть, а пальцы начали застревать между клавишами. Ехать к Лене мириться было поздно, да и в проплетшей насквозь одежде это было неудобно.

Потому Володя вызвал такси и отправился домой – отлёживаться...

Из глубокого сна его извлекло монотонное жужжание мобильного, который как всегда лежал под подушкой. Номер был незнакомым.

– Да, – с трудом ворочая отяжелевшими губами, произнёс Владимир.

– Владимир Сергеевич, это Скрябин. Прошу прощения за столь ранний звонок. Надеюсь, не разбудил?

– Нет, что вы... Нет, конечно...

– Великолепно. Что ж, звоню сообщить, что получил ваш макет. Всё замечательно. Я буду у вас в офисе к шестнадцати. Если вы к тому времени отпечатаете все экземпляры, буду признателен. До встречи.

– А... – продолжить разговор Володе попросту не дали: Скрябин нажал отбой.

Времени досыпать не оставалось. Надо было срочно заходить на «мыло», сбрасывать макет на флэшку и ехать к коллегам по рекламному бизнесу в агентство «Папирус», где стоит добротный современный агрегат для качественной и оперативной печати. Володя давно хотел приобрести себе такой, да всё не находил нужной суммы: деньги имели свойство легко растворяться в знойном анапском воздухе.

В общем, всё надо было сделать срочно и как можно качественнее – вдруг этот «исторический» Скрябин постоянным клиентом станет? Вроде, с кредитоспособностью у него всё в порядке. За подобную клиентуру надо держаться – учитывая, что конкуренция

с каждым годом становится жёстче, а методы взаимоотношений с другими рекламщиками агрессивнее. За «отбитого» или переманенного серьёзного заказчика могли и шею намылить, причём запросто. А за очень серьёзного – неприятности могли быть посу- ровее мордобоя...

Естественно, Скрыбин зашёл в контору, которая стала намного более пригодна для существования после того, как сплит нежданно-негаданно сам собой заработал, чётко в 16.00. Он сухо пожал Владимиру руку, не глядя взял перетянутые резинкой приглашения и в ответ протянул конверт.

– Спасибо за качество и оперативность. Как вы понимаете, наш вечер состоится послезавтра. Если у вас есть желание, приходите. Только прошу не распространяться об этом мероприятии – оно у нас обычно носит закрытый характер.

– Спасибо. Не уверен, что у меня получится попасть, сами понимаете, дела, но всё равно интересно.

– Вы даже не представляете, насколько, – Скрыбин улыбнулся. – В общем, до встре- чи – надеюсь, завтрашней.

Володя понаблюдал, пока закрывается дверь, подождал несколько минут и только тог- да приоткрыл конверт. Там лежало ровно столько же денег, сколько и во вчерашнем. Воп- рос с поиском средств на поход в крутой ресторан отпал. Теперь надо было выбрать голос пожалостливее, собраться с духом и позвонить Лене...

Глава 3: дуэль повествований

*Но тут старик сказал: «Дай, я...» –
И начал свой рассказ.*

Сплин

Примирение было быстрым, вкусным и страстным.

Пышный букет роз, романтический вечер в элитном анапском ресторане, роскош- ный ужин и граничащая с абсолютом галантность сотворили своё дело, и после незабывае- мого филе сёмги в сладком соусе, декорированного красной икрой и тигровыми кревет- ками, а также «Шардоне» 1998 года и нереально вкусного десерта Лена окончательно сменила гнев на милость. Из её голоса стали исчезать металлические нотки, взгляд потеп- лел, и в нём даже начали читаться оттенки благосклонности.

– Знаешь, вчера заказ был необычный, – во время поглощения очередного кусочка десерта обмолвился Володя. – Пришёл странный такой дяденька – я его никогда раньше в Анапе не видел, попросил изготовить приглашения на некий Исторический поединок. На реконструктора вроде не похож. Меня тоже пригласил прийти.

– А что, давай сходим, – неожиданно оживилась Лена. – Кто его знает, может, будет интересно?

– Он просил одному приходиться, – виновато улыбнулся Володя. – Поэтому я пас. Лучше в кино с тобой сходим. Кстати, сегодня принесли мне в офис курьером моё же приглашение, прикинь? Хочешь глянуть?

Он достал из кармана рубашки открытку, протянул Лене. Она повертела бумажный четырёхугольник в руках.

– Забавно! Ты как всегда хорош, а вот насчёт традиционной дуэли повествований – это же так необычно! Сходи, потом расскажешь...

– Ты серьёзно?

– Конечно. Хоть что-то новое. Так надоело всё одно и то же, одно и то же каждый день, – Лена зевнула, прикрыв рот ладонью, и вдруг рассмеялась. – Ну что такой хму- рый? Поехали, что ли, ко мне? Настроение поправим...

Примирение было быстрым, вкусным и страстным.

Жарким июньским вечером Володя подходил к ресторану «Адмиралъ». Чувствовал себя странно, будто пришёл в чужой монастырь со своим уставом.

Долго не мог решить, что надеть. Остановился на любимом лёгком костюме, напяливать который, тем не менее, казалось невозможным, ибо сегодня погода, по всей видимости, решила побить все возможные рекорды.

Поначалу Владимир удовлетворённо отметил, что в «Адмиралъ» заходят господа в костюмах – одни мужчины. Потом засомневался: «Уж не гей ли вечеринка?» И даже, помявшись минуту, решил на всякий случай подготовить пути для ретирования, озирая окрестности. Испариться было легко: по Набережной, где располагался ресторан, туда-сюда праздно шатались тысячи отдыхаек, затеряться в толпе которых было проще простого.

Но знакомый голос: «Владимир Сергеевич! Как хорошо, что вы пришли!» – свёл мысли об отступлении на «нет». Скрыбин стоял в теньке ажурного, щедро оплетённого зеленью навеса возле входа в ресторан, курил тонкую сигарету и, улыбаясь, смотрел на Володю.

– Что вы стоите снаружи на такой жаре?! Проходите в зал – там значительно приятнее. Нет, приглашение показывать не надо – я прекрасно знаю, что у вас оно есть. Проходите-проходите, почти все уже в сборе, начнём минут через пять-десять максимум.

За дверью было прохладно. Да что там – было попросту волшебным! В зале – обычном банкетном – в геометрическом порядке были расставлены столики, за которыми сидели не по-пляжному одетые люди. Столики были поставлены так, чтобы оба человека, сидящие за ними, могли видеть маленькую сцену, откуда, очевидно, каждый летний вечер слух праздных зрителей услаждали мелодии отечественного шансона. Некоторые общались между собой, другие лениво пили шампанское – на каждом столике стояла бутылка полусладкого «Абрау» и два бокала. Всего здесь было человек 25 – 30.

Володя выбрал столик с краю, на котором пока никто не сидел, и поудобнее пристроился на мягком стуле, слегка откинувшись на спинку и давая телу остыть и сполна насладиться освежающим воздухом.

Спустя минуту подошёл официант.

– Желаете что-нибудь заказать?

– Пока нет, спасибо.

Не зная, чего ожидать от вечера, было стрёмно тратить деньги на еду или выпивку. Вдруг придётся срочно уйти? Да и особой активности в плане поглощения пищи у сидящих в зале не наблюдалось.

Судя по внешнему виду, публика здесь собралась разнообразная. Дорогие костюмы соседствовали с простенькими, купленными в сетевых магазинах вроде «New Yorker» рублей за 250-300, рубашками и сомнительного качества ботинками. Привыкнув оценивать человека по одежке и являясь ценителем брендов, Володя запросто мог сказать, за какую сумму был куплен тот или иной предмет туалета. А чтобы угадать социальный статус владельца, не надо было быть Шерлоком Холмсом. Например, остролицый мужичок с намечающейся лысиной, глаза которого совершали беспрестанные скачки слева направо и наоборот, судя по всему, был музейным работником или соцслужащим, который привык во всём себя ограничивать. Мокрая подмышками выцветшая рубашка и изношенные ботинки в мелкую дырочку лишь подтверждали гипотезу.

Или цедящий шампанское объёмистый дядечка за столиком справа – вызывающий лиловый галстук в косую полоску, ремень «Petek», тончайший костюм, который, благодаря высочайшему качеству ткани, практически не мнётся. Даже сюда доносился тонкий, слегка терпкий аромат его парфюма. Этот явно из золотой прослойки общества. Возможно, бизнесмен или политик. Скорее всего, депутат.

А вот зашёл то ли студент, то ли только начинающий трудовой путь юноша в тонких очках с толстыми стёклами (явная безвкусица), майке с изображением старины Че (лет пять назад было бы вызывающе, теперь лишь нагоняет скуку) и вдобавок с блокнотом в руках. Пробежав взглядом по залу, он выбрал столик Володи.

- У вас не занято?
- Нет-нет, присаживайтесь.

Врать было глупо, тем более что «студент» ему сразу чем-то неуловимо понравился. Бывает, сразу интуитивно чувствуешь: хороший человек или гад. Очкарик попадал в первую категорию, без вариантов.

Единственное, что объединяло столь разномастную гвардию, была искра в глазах, которую невозможно подделать. Здесь явно собрались люди, которым было интересно. И явно, все они ждали начала...

На сцену вспорхнул Скрябин и, раздвинув губы в ослепительной улыбке, продемонстрировал публике чудеса металлокерамики.

– Дорогие друзья! Я искренне рад приветствовать вас на очередном заседании Исторического клуба. Мы собираемся уже в пятый раз, так что можно сказать, у нас сегодня первый некруглый юбилей. Что же всех нас объединяет? Во-первых, тяга к необычному, так нередко зашифрованному в скучной обыденности. Во-вторых, каждый из нас обладает тем вдохновенным образом мысли, который отличает людей неравнодушных, находящихся в постоянном поиске – страны Эльдорадо, Святого Грааля или, если пожелаете, кода да Винчи. Мы беспокойны, нам всегда мало того, что мы имеем. Каждый из нас, если позволите, в некоем роде Генрих Шлиман. И мы ищем в однообразной реальности, которая плотно окружила нас со всех сторон, моменты тайного и тем особенно прекрасного знания.

Вот уже третий год подряд мы встречаемся, чтобы стать свидетелями очередного исторического поединка и открыть ещё одну загадочную страницу нашей жизни.

Я рад, что постепенно нас становится больше. И пусть нас никогда не будет слишком много – это уже из области моветона, – в наших рядах есть интересные новички. Двоим из них сегодня предстоит представить на наш суд свои истории, но для начала я бы предложил всем наполнить бокалы этим замечательным напитком и выпить за одно из главных человеческих качеств. За неравнодушие, друзья!

Как и все, Володя поднял бокал и глотнул. Ледяное шампанское было воистину великолепным. Чего пока нельзя было сказать обо всём происходящем. Но отступить было поздно, оставалось сидеть и смотреть.

– Я хочу пригласить на сцену первого героя нашего вечера, гостя из соседнего Геленджика. Встречайте – Николай.

Из-за столика, который располагался перед самой сценой, поднялся человек, которого Владимир до этого не рассмотрел. Неудивительно, ведь ростом тот был едва ли метр тридцать и почти весь скрывался за высокой спинкой стула.

Слегка косолапя, он подошёл к Скрябину и пожал протянутую руку, после чего конферансье незаметно растворился в тени. Коротко стриженный, чисто выбритый карлик с непропорционально большой головой несколько секунд смотрел на собравшихся – видимо, собираясь с мыслями. А потом начал свой рассказ...

ИСТОРИЯ КАРЛИКА

*Лишь небо знает наперёд,
Как занесло, куда нас всех несёт.
Белая невеста, постой,
Ты сама по себе, но я танцую с тобой.*
Алиса

– Вот вы, наверно, считаете: маленький человек – значит, всё у него маленькое, несерьёзное, незначительное, в том числе и чувств раздолья никакого нет, одна серая ограниченность да убогость. Думаете, мы лишены многого, затёрты более крупными своими собратьями... А ведь ошибаетесь!

Последнее карлик даже не сказал – выкрикнул, но, правда, тут же смутился и поспешил извиниться.

– А у меня, между прочим, история была, которой каждый из вас, высоких да стройных, позавидовать может.

Это было давно, я тогда учился на архитектора в краснодарском политехе. Успевал неплохо, с группой повезло – ребята попались нормальные: меня не тюкали, в дерьмо мордой не кунали, пальцем не показывали – типа, лилипут вшивый, недоросток. Наоборот, относились по-человечески – я, хлебнувший в родной геленджикской школе насмешек по самое не хочу, искал даже сначала в таком нормальном отношении подвох. После учёбы, бывало, компанией в кабак соберутся – ну, в одну из местных рыгаловок подешевле – и меня с собой зовут. Я отказывался: тогда вообще не пил – боялся, что алкоголь из меня настоящего недочеловека сделает – был печальный опыт в школе, на выпускном... Казалось в то время, надо обязательно выпиться, как все, нельзя от толпы далеко отходить, не простит она этого предательства. Вот и нахлестался так, что о тухленьком содержании того вечера только от родителей и узнал, сам ничего вспомнить не мог.

А с ребятами в вузе было веселее и проще. Подкалывали надо мной, конечно, – я и сам бы не удержался, будь на их месте, – но как-то без откровенных издевательств. В общем, мне с ними уютно было.

Я в то время снимал однокомнатную квартирку на Пушкина, неподалёку от центра. Место хорошее, козырное. Иногда пацаны, которые со мной в особо дружеских отношениях были, просили по-братски погулять часок-другой, чтобы они с девушкой там... ну... покувыркались. Знали, что не откажу, но, правда, не наглели. А ещё бывало, завалятся гурьбой – зимой, с холода, раскрасневшиеся, в карманах курток бутылки с водкой. Говорят: «Колян, дружище, можно мы тут у тебя немножко погрееемся?» Здесь моё согласие зависело от степени их адекватности. Как правило, не запрещал, да и не жалел потом – веселья в жизни моей было, прямо скажем, немного, и такие эмоциональные моменты скрашивали её, как не крути.

И однажды – именно такая ситуация. Человек восемь или девять, почти все одногруппники, а с ними девчонки. На улице дождь шёл, то ли ноябрь, то ли декабрь, потому все мокрые, продрогшие – ветер ещё завывал сильный. Что ж делать, пустил, накрыл на стол, что в холодильнике нашёл, да и у них с собой еды немного было – на стипендию особо не разгуляешься, потому – что на окраине Кооперативного рынка нашли, то и принесли: апельсины какие-то мятые, бананы чёрные почти что, газировку с кривыми этикетками.

Я музыку включил – у меня магнитофон был «Нерль», не слишком хороший, ширпотреб, но слушать можно, кассету с русским роком поставил, кто-то подпевать начал, потом хором запели – пошло веселье одним словом. А пока все водкой баловались да апельсинами брызгали, я возле стола суетился на правах принимающей стороны: ну там, хлеба подрезать или водку по стаканчикам разлить.

Пока я так хозяйничал, внимания мало на кого обращал, а потом перерывчик сделал, к гостям обернулся, и тогда-то меня ужалило в самое сердце. На диванчике сидела нереально красивая девушка – я бы сказал ослепительной красоты, да боюсь банальным показаться. Такие только в журналах да кино встречаются. С точёной фигуркой, высокая, пепельные волосы свободно падают на плечи. Почти без косметики – меня всегда покоряло умение некоторых женщин подчеркнуть свою красоту минимальными выразительными средствами. Так вот Наташа, так её звали, этим мастерством владела виртуозно. И, значит, смотрит она рассеянно на скучную обстановку моего ничем не примечательного жилища и походя глазами со мной встречается. Меня второй раз встряхивает, будто оголённого провода коснулся... И я понимаю, что это навсегда.

Глупо звучит, знаю. Про любовь вообще рассказывать невозможно: ну как словами выразишь то, в чём сам разобраться не можешь? Опишешь ли то, что внутри тебя клокочет и бурлит шумным потоком, размывая все умные мысли. Делаешься идиотом, безвольным болванчиком. И в миг, когда мы глазами встретились, я этим самым дебилушкой и стал.

Сначала неуклюже задел только что открытый пузырь с водкой, и она хлынула потоком на стол. Потом, пытаясь ликвидировать аварию, смахнул на пол два стакана, которые тут же разлетелись на осколки. Пришлось идти за веником. Спасибо, ребята смеяться не стали – я сквозь землю провалился бы... Но тупить не перестал, что-то мямлил, по комнате семенил, а сам взгляд от неё не отрывал. Сам понимаю, что неудобно так откровенно пялиться, а сделать ничего не могу!

Ребята попросили гитару достать, петь начали хором. Я присоединился. Чем-чем, а голосом меня природа не обделила! Вот я и показал, на что способен. Грянули «Под небом голубым» – после «Ассы» тогда эта песня особенно популярной была. Потом Цоя спели, кто-то переврал по памяти «Yesterday», я «Pink Floyd» поставил, пара парней побежала за водкой – её уже не хватало.

Образовалась такая степень разнузданного веселья, которая стирает любое напряжение в общении. Время становится несущественным: час за часом летит совершенно незаметно. Я люблю эту стадию: мне в ней комфортно. Короче, собрался с душевными силами и подсел к своему новообретённому идеалу. Она меня сначала будто не заметила: тоже пила водку – все пили, кроме меня. А потом обернулась и говорит: «Какой голос у тебя приятный». Я, как рыба, рот открыл, ничего в ответ сказать не могу, выгляжу, наверно, дурак дураком. Она рассмеялась и ласково так, двумя пальцами, мою челюсть на место поставила. «Что, дар речи потерял? Нравлюсь тебе, да?»

«Да, – отвечаю, сам себе поражаясь, откровенности своей. – Безумно!» Она хохочет. «Пойдём», – говорит. «Куда?» «Туда». И глазами зырк в сторону входной двери.

Мы вышли в прихожую. Никто, кажется, и не заметил – это всё о том же блаженном состоянии, когда вокруг нет ни времени, ни пространства.

Она ко мне наклонилась, руки на плечи положила – невесомые, тёплые, горячие почти. Я её дыхание почувствовал – водка с апельсинами – то ещё сочетание! Голова немного закружилась.

«Нравлюсь, говоришь, – шепчет мне в лицо жарко. – Ты тоже забавный, полурослик». И целует меня в губы, и тонким языком проникает мимо ошалевших от невиданных ощущений дёсен, в самую глубь рта, и зверь-язык с другим зверьком-языком встречаются в упругой схватке, и я уже не знаю, где нахожусь – в тёмном коридоре, на небе или на земле. Зубки у неё острые, будто створки ракушек. И я в этом поцелуе растворяюсь, как в жерле грязевого вулкана, – и невесомость вокруг, и бездна под ногами, но не утонешь, ведь небытие это – плотное...

Потом всё завершается – резко. Она отстраняется и смотрит на меня с мягкой такой полуулыбкой. «Смешной ты, – говорит. – Наверно, ни с кем ещё не целовался?» Я киваю – врать ей не могу, всё про себя готов рассказать, всю подноготную по полочкам разложить. «Ладно. Пойдём пока в комнату, а там посмотрим, что с тобой дальше делать».

Мы вернулись в зал, где было туманно от сигаретного дыма и стоял адский шум: каждый старался быть услышанным, поэтому никто друг друга, конечно же, не слышал, все непрерывно орали. Обычно я прерывал такие вакханалии, намекая, что у меня ещё и соседи есть, и милицию никто пока не отменял. Но не в тот день. Хотелось, чтобы вечер продолжался вечно, чтобы Она никуда не уходила – сидела здесь, на этом диване, рядом.

Вскоре снизу начали стучать по батареям, народ обратил внимание на часы, кто-то вспомнил, что завтра сдаёт зачёт. И компания не менее шумно засобиралась и вывалилась в подъезд, оставив меня, по-прежнему ошарашенного, в одиночестве. Когда друзья гурьбой выкатывались в дверь, Наташа подмигнула мне и, протянув руку, потрепала по голове. «Жди», – сказала. И ушла.

Я начал убирать свинарник, в который превратилась комната, а сам всё прокручивал и прокручивал в голове поцелуй, жаркий шёпот, и дышал и не мог надышаться безумно дразнящим запахом водки и апельсинов...

А потом услышал звонок. Приготовившись извиняться перед соседями или, что намного хуже, объясняться милиционерам, открыл дверь, и... да, там стояла она. «Привет», –

зашла, скинула плащ, освободилась от кофты, стащила через голову блузку, оставшись в одном лифе на белоснежной, будто насквозь просвечивающейся коже. И поманила меня указательным пальцем. «Иди сюда, глупый».

Я понял, что сошёл с ума. Окончательно и бесповоротно. Ну и ладно! Если безумие, то пусть лучше такое. И шагнул вперёд, и обхватил её тело руками, и спрятал лицо в горячей коже на животе, и ладони мои заскользили вверх и вниз по нескончаемому богатству, которое внезапно было им даровано, и подушечки пальцев искрились от напряжения, и сердце ухало в груди, и я сделался совсем пьяный, хоть и не пил ни капли. Ноги мои ослабли, и я начал падать прямо в неё, в эту потрясающую живую роскошь, и она стала крениться вместе со мной, и каким-то чудом под нами оказался диван, на который обрушился наш переплетённый всеми углами и выступами тандем. И я захлебнулся неожиданно дарованным мне судьбой счастьем...

Так стихийно начался наш странный роман. Наташа тоже была студенткой. Она училась на историка, пользовалась славой девушки с характером и непредсказуемым нравом. Сама из обеспеченной семьи: отец – директор колбасного заводика в Тихорецке, мать – на высоком посту в краевой администрации. Наташа от родителей хотела быть независимой, потому после поступления в вуз не только решила снимать комнату, но и устроилась на вечернюю работу, чтобы самой её оплачивать.

Я знаю, что до меня у неё немало парней было – и что в этом удивительного с её-то внешними данными! Однако она расставалась с ними с той же лёгкостью, с которой начала новый роман. Я не тешил себя надеждой, что прерву этот список – думал, являюсь для неё скорее некой экзотической зверюшкой, способной разнообразить скучный досуг, чем серьёзным увлечением. А поскольку об этом догадывался, старался взять от этой маленькой любви по максимуму, и каждую встречу, каждое свидание проживал, будто тот самый первый вечер, когда чувства зашкаливали и рвали датчики в ключья.

И знаете, день шёл за днём, месяц за месяцем, а мы не расставались. Думаю, нам было так хорошо вместе, что мы просто жили и получали от этой самой жизни простое человеческое удовольствие. Ничем не замутнённое и не омрачённое. Мы не обращали внимания на насмешливые лица людей, когда гуляли вечером по Красной – Тарапунька и Штепсель, пигмей и баскетболист. Мы вообще ни на кого не обращали внимания. Наташка даже представила меня своим родителям, которые были в полнейшем шоке, но как люди приличные вида не подали. По крайней мере, при мне.

Каждый из нас продолжал учиться (с разной степенью эффективности), я успел сменить пару съёмных квартир. Вскоре мы начали снимать одну на двоих – это было и дешевле, и удобнее. Мы становились всё ближе...

Мои друзья-приятели сначала на наши отношения посматривали настороженно, кто-то обидно предположил, что она на спор со мной живёт. Потом поняли, что всё серьёзно, – обычный «на спор» не может продолжаться больше года. В гости ходили. Мы вместе довольно весело проводили время.

Я Наташе часто говорил, что люблю её. Она только улыбалась. Мне, конечно, это было больно. Но лучше молчание и улыбка, чем ничего, поэтому я довольствовался тем, что было – уже немало. Тем не менее, любящий человек всегда хочет большего, а юный да чувствами распалённый – тем более.

И в один момент я не выдержал и сделал ей предложение. Понимал, что с моей стороны это рискованно. Ведь после такого отчаянного шага только два пути: либо она согласится, либо нет, и во втором случае между нами всё кончится, причём виноватым в этом буду только я. Но о плохом думать не хотелось, хотя мысли одолевали всякие...

Как-то в зимний вечер я пригласил Наташу в уютную кафешку, где мы раз в месяц отмечали стипендию, и за первым же бокалом с шампанским, с трудом выговаривая каждое слово, произнёс сакраментальное: «Я тебя очень люблю. Будешь моей женой?»

Сначала мне показалось, что она рассмеётся. Потом понял, что нет. Она не ожидала. Не думала, что вообще решусь. И просто ответила: «Да».

И пошло-поехало.

Мы определились с датой свадьбы – решили в июле, когда закончатся хлопоты с окончанием учёбы. Я обрадовал своих родителей, Наташа своих нокаутировала. Знаю, что выдержала нешуточный шквал скандалов, которые закончились только, когда она заявила: «Или мы играем свадьбу с вами, или без вас. Вариант «свадьбы не будет» не рассматривается». Так она их победила, и начались приготовления.

Полгода на всё про всё – время достаточное. И, тем не менее, за три дня до самого события казалось, что впереди – нереальная прорва дел. Носились словно угорелые, не успевали. Конечно, в итоге сумели всё завершить накануне. Без сил, но довольные...

Свадьбу решили играть в Геленджике. Во-первых, места у нас сказочно красивые – мой город мне значительно больше вашего нравится, да простят меня анапчане. А во-вторых, солнце, лето, море – и настроение праздника создавать уже не надо! Родители подсуетились, арендовали для гостей половину базы отдыха на побережье – с летними домиками, в двух шагах от моря – с прицелом на то, что в первый день официоз: ЗАГС, фотосессия на память, ресторан, а на второй – свободная программа: отдых на пляже, шашлык, вино, загар, угар. Пригласили больше ста гостей. Почти все подтвердили, что придут. Так оно и получилось.

В-третьих, если вдруг не знаете, Геленджик в переводе – «белая невеста». Так что сам Бог велел здесь праздновать.

И вот настал тот самый день.

Невеста моя была фантастически красивой. Когда я её увидел в свадебном платье, едва не задохнулся от восторга – так она была прекрасна. И когда ехали в ЗАГС, и когда ведущая церемонии с выражением чеканила заученный, но не теряющий своей трогательности текст, я смотрел на свою Наташку, не отрывая глаз, и с ума сходил от счастья, от бешеного ощущения чуда, которое со мной происходит здесь и сейчас, ирреальности бытия.

Потом мы поехали кататься. В планах была – Набережная (куда без неё?), потом Новороссийск, Малая земля, всё героическое, историческое и в то же время живописное. Так что, закончив фотографироваться на геленджикской набережной, мы всем кортежем рванули в город-герой.

Пьяный от счастья, от шампанского, от первого брачного поцелуя, я обнимал своё сокровище и едва не плакал – так мне было хорошо. И даже тот факт, что чопорный водитель белоснежной «волги», которую арендовали родители, посматривал на нас сквозь зеркало с очевидным снисхождением, меня не раздражал – не до мелочей было.

Наташка постоянно смеялась – её, очевидно, от волнения немного в другую сторону перекренило. А ещё она со своей запальчивостью постоянно подгоняла: «Быстрее! Быстрее давай!»

И шофёр гнал всё напористей. И мы мчались по дорожному серпантину мимо скал с одной стороны и лазурного моря с другой, отрываясь от кортежа всё дальше и дальше. И солнце сияло высоко в небе, озаряя наш путь. И разрезали внизу искрящиеся волны грузовые и рыболовецкие корабли...

А через мгновение всё закончилось.

На одном из резких поворотов неподалёку от Новороссийска навстречу нам выскочила синяя «копейка». Она появилась в поле зрения так внезапно, а мы шли с такой большой скоростью, что водила банально не успел выкрутить руль, и наши машины со страшным грохотом и визгом тормозов врезались лоб в лоб.

Меня подняло в воздух и со всей мощи швырнуло о спинку переднего сиденья. В районе плеча что-то надрывно хрустнуло. От боли и шока я на несколько секунд потерял сознание.

Что потом было, помню плохо: всё обволакивает мутная дымка. Сквозь эту белую пелену вижу, как с трудом открываю дверь, как осыпаются вниз крупинки стекла. Впереди уткнулся головой в руль застывший в неестественной позе водитель – он умер сразу. Я

вижу тёмно-красные, почти чёрные капли на белом капоте «волжанки». Вижу уткнувшуюся в неё «копейку» со сплюсненным передком. Там тоже не видно признаков жизни. А потом вижу свою Наташку – точнее, не её, а некий бесформенный и уродливый бело-красный комок, который лежит впереди на асфальте, в нескольких метрах от машины. А из-под белого платья медленно растекается тёмный шлейф.

Я слышу, как сзади, нажимая на клаксоны, приближается кортеж. Как резко обрываются эти невыносимо режущие уши звуки. А потом раздаётся женский визг. И он не стихает уже никогда...

Я не буду занимать ваше время и подробно рассказывать о похоронах, про то, как я потом пытался выжить. Три года провёл в психиатрии. Если я сейчас закатаю рукава и вы посмотрите на мои руки, то не сосчитаете шрамы – так яростно и часто я резал вены. И каждый раз меня спасали. Видно, Бог предназначил мне такую участь – жить дальше и терпеть. Смириться с тем, что всё случилось именно так, а не иначе. Вся наша жизнь строится именно по такому принципу. Просто кто-то может играть по правилам, а кто-то нет. В результате я понял, что смогу. Выжил.

Но это ещё не конец моей и без того затянувшейся истории.

С момента смерти Наташи прошло лет пять, когда мне довольно поздно, уже за полночь, позвонил один из старых друзей и начал нести в трубку совершенную чушь:

– Коль, хочешь верь, хочешь нет. Но реально было, часа полтора назад! Я из Анапы возвращался после дня рождения шефа, гнал по трассе, и, знаешь, в том самом месте, где ваша машина тогда разбилась, Наташку увидел. В свадебном платье, с букетом в руках, по дороге идёт и улыбается. Я по тормозам, сердце чуть не остановилось – блин, кошмар какой-то! Тачку аж развернуло. А всё уже пропало: только трасса, да машины гудят. Короче, не знаю, что это было, но было точно. Не могло такое примерещиться!

Потом смутился – подумал, разбередил мои раны. Так оно и было. Я даже ничего говорить не стал, трубку повесил и вниз по лестнице, к машине. У меня «ока» была – для моих габаритов самое то. Помчался в сторону Новоросса, на то злополучное место приехал, машину на обочину поставил. Сам, как идиот, хожу, зову: «Наташа! Наташа!» Ну какая на хрен Наташа, она уже пять лет в могиле лежит! Конечно, никого не увидел.

Потом мне тот самый приятель ещё раз позвонил, за ночной звонок извинился:

– Брат, – говорит, – ты меня, конечно, прости, но я тебе всё равно скажу. Я тогда не пьяный был, в своём уме и трезвой памяти. И, знаешь, мне уже третий человек говорит, что видел ночью на трассе между Новороссом и Геленджиком девушку в белом платье. Все её мельком видят, вроде как в сфере фар появляется – и сразу нет её. Сам бы не увидел, не поверил...

А я и не думаю, что он врал. Потом и сам не раз слышал от самых разных людей историю о призраке белой невесты, блуждающей по ночной дороге между морем и скалами. Но сколько бы я не колесил там, мне она никогда не показывалась.

В этой жизни очень много неизвестного. Мы знаем о ней такую ничтожную малость, что и говорить-то об этом неловко. И я ничуть не сомневаюсь, что пока не открыты все её тайны, у меня есть шанс встретиться со своей любимой – не в этом мире, так в другом.

Вот и вся моя незатейливая история...

РАССКАЗ БИЗНЕСМЕНА

*И это место стороной обходит сельский люд,
И суеверные твердят: «Там призраки живут».
Король и шут*

Из тени за сценой незаметно материализовался Скрыбин.

– Спасибо, Николай, – искренне сказал он. – Знаю, вам было очень непросто рассказать эту удивительную историю. И все мы благодарны, что вы всё-таки решились это сделать. Аплодисменты!

Под звуки оваций карлик спустился со сцены и занял место за столиком.

– А мы приглашаем второго нашего дуэлянта – Виктора Нискова. Прошу на сцену.

К Скрыбину присоединился человек лет 35 – 40, в серебристо-сером костюме от «Gucci». Всем своим холёным видом он олицетворял уверенность в себе: ухоженные волосы, изящные золотые украшения на пальцах, цепкий и немного хищный взгляд.

– Конечно, моя история не носит романтического ореола подобно той, что нам поведал Николай. Но она тоже по-своему хороша, и я надеюсь, она вам понравится.

Начну с короткого вступления. Лет 40-50 назад Анапа отнюдь не напоминала тот курорт, который мы видим сейчас. Ей и сегодня далеко до мирового уровня, что бы там ни писали местные газетёнки. Но, по крайней мере, есть более-менее нормальная инфраструктура, перспектива для бизнеса. Здесь есть перспектива вообще! А таким похвальным качеством не каждый российский город в наше неоднозначное время может похвастать. А уж я их повидал, поверьте, немало.

Лично для меня Анапа стала хорошим трамплином. Начинать в лихие, как их принято сейчас называть, 90-е с захолустной кафешки, раскрутился, денег подкопил, связей наработал. Потом открыл продуктовый магазинчик, ещё через год держал мясной ряд на центральном рынке. Сейчас у меня сеть магазинов по всему Черноморскому побережью. Но не об этом речь. Я хочу вам рассказать одну местную то ли быль, то ли легенду, отголоски которой недавно донесли до меня самым неожиданным образом.

Так вот, в далёкие 60-е в Анапе не было ни такого чудесного заведения, в котором мы собрались, ни огромного количества санаториев-профилакториев, ни сети ресторанов, ни, упаси господи, фаст-фудов. Зато здесь была знаменитая на всё ближайшее побережье шашлычная.

Она стояла неподалёку отсюда в живописном местечке на берегу моря, и её посетители с большим удовольствием вкушали отменный кавказский шашлык, наблюдая за полётами чаек и любуясь плеском волн, и, конечно, дополняли вкус горячего мяса холодным сухим вином.

Цены, по советским меркам, были немалыми, да они и сейчас не отличаются здесь демократичностью – особенно в курортный сезон. Но, поскольку конкуренции, по сути, не было как таковой, народ валил в шашлычку нескончаемым потоком.

Держали предприятие, естественно, братья-армяне. Лучше них шашлык всё равно никто не готовит, да и зарабатывать они умеют, как мало какой другой народ. Владельцами была большая семья, и в деле, как обычно бывает у кавказцев, были задействованы все: кумовья и братья, отцы и деды, тёщи и золовки. Женщины закатывали бесчисленные банки с умопомрачительными соленьями, доводили до кондиции терпкое домашнее вино, накрывали на столы, следили за чистотой. Ну а мужчины – закупали отборное мясо и занимались тем, что у них получалось лучше всего: мариновали его, нанизывали на шампуры и жарили. Говорят, ароматы шашлыка разносились до самой Благовещенки в одну сторону и Новороссийска в другую. И деньги текли нескончаемой рекой.

Как это обычно бывает, имелись завистники и злопыхатели. Много кому не давало покоя не то, что знание, а даже предположение о том, какие суммы зарабатывает шашлычная. Бесило, и то, как независимо вели себя её хозяева. А они с каждым годом уверенно наращивали обороты, и вот уже вместо обычного летнего вагончика на берегу стоит какое-никакое, а всё же здание, всё больше и больше столиков окружает его, да и цены тоже мало-помалу тянутся вверх.

Всё случилось в один вечер – точнее, в одну ночь. Далёко за полночь, когда последние клиенты расползлись по домам и санаториям, и хозяева занимались уборкой, на них напали и вырезали всех – очень жестоко, без пощады, не обращая внимания на пол и возраст. Одиннадцать человек.

Взяли всю выручку, сняли с тел золото. Возможно, ещё какие-то деньги там хранились – никто не знает. Мебель поломали и устроили большой костёр. Громили грубо, шумно, но никто или не услышал (до ближайшего жилого дома далековато было), или просто не захотел вмешиваться.

Дело, конечно, было громкое, но безнадёжное. Убийцы не оставили отпечатков, врагов и завистников у шашлычников хватало, да и все допросы подозреваемых ничего не дали. «Вах, какой ужас! Кошмар!» – восклицала родня убитых. И всё.

Милиция понимала, что глубоко копаться в данном конкретном случае опасно – действовали профи, повторить судьбу убитых никому не хотелось, потому особого рвения наши правоохранители не проявляли. Виновные так и не были наказаны, хотя, по слухам, какие-то воинствующие родственники зарезанных армян с трагедией не смирились, всеми мыслимыми и немыслимыми методами нашли убийц и завершили дело тем, что называется кровной мезтью.

Не думаю, что это правда. Просто в людях очень сильно желание, чтобы зло было наказано, вот и выдумают такие продолжения.

Конечно, я как деловой человек вряд ли стал интересоваться этими легендами, если бы не один случай.

В прошлом году приехал ко мне в гости деловой партнёр из Липецка. У них там мощный завод по производству холодильников и кондиционеров: хорошие цены, надёжные поставки – в общем, за несколько лет плодотворной работы решил я ему небольшой подарок сделать. Зарезервировал на неделю номер в нашем элитном «Фанк-Отеле» на две персоны по принципу «всё включено» и говорю: «Приезжай, брат, с женой! Отдохнёшь как следует, в море поплаваешь, позагораешь. Не всё ж работать».

От таких предложений, как правило, не отказываются. В общем, приехали они на своём «мерсе», вечером мы в ресторане душевно посидели, выпили текилы литрочку за то, чтобы отдых удался, поговорили о том, о сём.

Потом я несколько дней ему не звонил – думаю, пусть человек расслабится.

Однажды набрал. «Как отдыхается?» – спрашиваю. Он как-то замялся, а потом тихо так: «Брат, извини, мы уже в Липецке». «Не понял, – говорю. – Как это в Липецке?» «Да какая-то чертовщина, бред. Даже рассказывать не хочу», – продолжает мяться. «Ты уж давай рассказывай, – начинаю злиться. – Я, между прочим, на неделю номер бронировал». Он в ответ: «Я тебе всю сумму верну, не вопрос. Сам хотел позвонить, всё никак не собрался». «Да что случилось-то?» – не выдерживаю.

Тут он мне всё и выложил.

После того, как мы тем вечером посидели в ресторане, они пошли в номер. Саня на диван сразу брыкнулся, выпили-то мы изрядно, а жена его в душ пошла. Пока она там плескалась, он придремал. Вдруг слышит – визг бешеный. Вскочил, спросонья ничего не понимает, бросился к ванной, дверь распахивает, видит: жена орёт благим матом. «Что случилось?» – спрашивает. Она говорит: здесь тут только что мужик стоял окровавленный. Сама вся трясётся, слёзы-сопли по колено. Он не понимает: «Какой мужик?» «Не знаю!» – истерикует жена. Она, когда искупалась, занавеску отодвинула, а он прямо напротив неё стоит, весь в крови. Нерусский какой-то. Она закричала, и он исчез.

– Хрень какая-то, – не поверил я. «И вы что, после этого уехали?» – спрашиваю.

Он говорит, нет, не сразу. Пошёл Саня на ресепшн сказать, что у них какой-то подозрительный человек в крови в номере появлялся. Девочка за стойкой на него смотрит как-то странновато: не как на пьяного или сумасшедшего, что было бы вполне логично, а с испугом в глазах. Потом предлагает номер поменять. Друг соглашается. Они с женой переходят в новый номер в другом крыле. Жену он еле-еле успокаивает, говорит: чего только не привидится в незнакомом месте да после рюмки-другой крепкого алкоголя.

Ложатся они спать. Жена, приняв успокоительного, через какое-то время отключается, а сам он никак уснуть не может. Ворочается с бока на бок и тут слышит тихий шорох в комнате. Из его положения на кровати просматривается коридор и краешек входной двери, то есть он уверен, что зайти в номер незамеченным никто не мог. И внезапно краем глаза замечает в углу комнаты движение. Смотрит, а там женщина на корточках сидит и головой качает. А голова у неё ровно посередине пробита, и из дыры чёрными струйками кровь сочится.

Саня руку протянул к выключателю – торшер рядом на тумбочке стоял. Щёлкнул – нет никого. Только жена проснулась: щурится, «что случилось?» спрашивает. Он без всяких объяснений говорит ей: «Лен, поедem отсюда! Здесь что-то совсем плохое происходит».

Так они в Анапе и не остались. Саня, моментально протрезвев, «мерс» свой вывел на трассу и прочь из города. Всю ночь гнал, только под утро в районе Ростова машину остановил на обочине и поспал чуток. А потом уже до дома.

Я, конечно, удивился. Сколько лет живу здесь, много чего перевидал, а про такие дела слышать не приходилось. Решил сам узнать, что к чему. Приехал как-то вечером в «Фанк-Отель» на ресепшн. Говорю девчонке, которая там сидит: у меня здесь друг оставался, только даже одной ночи в вашем хвалёном заведении не выдержал. Призраки ему какие-то ночью являлись, напугали до усрачки.

Девушка на меня глазами хлопает: «Это невозможно, у нас жалоб от клиентов никогда не было». Я к ней через стойку перегибаюсь: «Девочка, милая, не надо мне заливать, пожалуйста! Я уже взрослый дядя, могу понять, когда кто-то врёт, а когда правду говорит. Так что лучше расскажи мне всё, как есть. Я тебя очень прошу, не серди меня».

Она по тону моему поняла, что лучше не лукавить, и призналась, что работает здесь только три месяца, но и за это время наслушалась всякого. В первую очередь, конечно, рассказали ей историю о шашлычке. Вроде как построен «Фанк-Отель» аккурат на том самом месте, где то достопамятное заведение когда-то стояло. Вот его жестоко убиенные хозяева и не могут никак успокоиться, шалют по ночам, особенно в полнолуние, постояльцев пугают. И сделать ничего нельзя: уже и здание освящали, и знаменитого экстрасенса из-за рубежа выписывали – ничего не помогает. Затихнут призраки на несколько месяцев, а потом с новыми силами буянят.

Она и сама ночью не раз видела, как по коридорам ходят тени. Стоны слышала, вопли, а однажды едва не вступила в огромную кровавую лужу посередине пола. Такие дела...

– «Оверлук» какой-то! – негромко сказал молодой парень, сидящий за столиком неподалёку от Владимира, но Нисков всё-таки услышал.

– Насколько я помню, у Кинга отель стоял на месте старинного индейского кладбища – он вообще от индейских кладбищ фанатеет, – парировал он. – А наш-то и историю имеет не столь глубоко в прошлое уходящую, и вполне себе конкретную. Хотя общие черты, безусловно, есть... Вот, собственно, и весь мой рассказ.

– Спасибо, спасибо! – Скрыбин снова будто из ниоткуда нарисовался рядом с рассказчиком. – Увлекательнейшая история! Надеюсь, вы оценили?

Раздались дружные аплодисменты.

Глава 4: посиделки

*Ну-ка, мечи стаканы на стол
И прочую посуду!
Все говорят, что пить нельзя,
Я говорю, что буду!*

Аквариум

– А сейчас, дамы и господа, поскольку наше заседание успело незаметно перетечь за полночь, да и историческая дуэль, ради которой мы здесь собрались, успешно завершилась, настала пора подвести итоги. Прошу голосовать. Кто за то, чтобы объявить победителем Николая и его историю о призраке невесты?

Рук явно поднялось большинство, но ради приличия Скрыбин всё же спросил:

– А кому больше понравилась история с шашлычной? Понятно. Вижу: у нас есть однозначный победитель. Поздравляю, Николай, хотя, учитывая вашу историю, честнее ещё раз выразить вам свои искренние соболезнования...

Церемониймейстер спустился со сцены, подошёл к карлику и достал из кармана пиджака небольшую статуэтку, изготовленную, по-видимому, из металла. Это был небольшой, с кулак, кубик, на гранях которого пестрели выгравированные надписи. Издалека их было не разобрать, да Володя особенно и не старался.

– Примите этот маленький презент от клуба, на память о вашей победе в дуэли повествований. Что ж, дамы и господа, на этом наше заседание подходит к концу. О времени и месте следующей встречи мы вас обязательно известим. Готовьте интересные истории, скидывайте на мою почту, можно и в кратком изложении. Мы будем рады их услышать и по достоинству оценить. И ещё, дуэль завершилась, но это не повод завершать этот чудесный вечер. К вашим услугам – мастерство поваров этого гостеприимного ресторана, а также уникальная возможность пообщаться с интересными людьми, коими все собравшиеся и являются...

Кто-то сразу позвал официанта, но подавляющее большинство стало подниматься из-за столиков и с явной неохотой перетекать в сторону выхода – покидать кондиционированный зал не хотелось.

Ещё на подходе к прозрачным дверям, работавшим на светодиодах, Владимир почувствовал тяжёлое дыхание напитавшегося влагой воздуха, а, выйдя наружу, ощутил себя, словно в парной. Рубашка на спине мгновенно взмокла, но за последний месяц он успел привыкнуть к таким каверзам, поэтому отнёсся к неприятной липкости стоически.

– Извините, а вы уже бывали на этих вечерах?

В первый момент Володя даже не понял, что обращаются к нему. Кроме Скрыбина, знакомых на вечерней встрече у него не было, потому и вопросов ждать было не от кого. Обернувшись, он увидел своего соседа по столику с блокнотом, который тот по-прежнему сжимал в руках как некий артефакт.

– Нет, первый раз. И то почти случайно.

– Может, по пиву?

– Что? – переход был настолько неожиданный, что Владимир опешил.

– Душно, тошно, домой не хочется. Может, хряпнем по бокалу холодненького? Понимаю, что это предложение звучит странновато, мы – даже не знакомы. Но, это как раз дело поправимое! Геннадий Семёнов, журналист, – парень протянул руку, которую Володя автоматически пожал. – Помимо традиционной журналистики, увлекаюсь всякими сверхъестественными факторами, собираю по крупицам любопытную информацию, чаще всего бесполезную. Потому и хожу на сборища вроде этого. Нет-нет, что-нибудь интересное да выплывет. Так что насчёт пивка?

– Да, в принципе, не против, – Владимир подумал про возвращение домой на такси, которое стопроцентно будет без кондиционера, прикинул, что сна пока ни в одном глазу, и решил не сопротивляться – тем более, Гена ему понравился. Он явно принадлежал к типу людей, который импонировал Володе – этакий чудаковатый и при этом харизматичный пытливый ум, которому до всего есть дело. С налётом лёгкой шизы, но куда деваться – мало ли среди творческих людей больших оригиналов?!

– Куда направим наши стопы? Предлагаю долго не искать, здесь в двух шагах неплохая кафешка с дешёвым «живым» пивом, которое на редкость приличное для своей цены. А ещё у них сплит и нормальная музыка, а не этот ужас!

Действительно, отовсюду гремели настырно перебивающие друг друга громкие мелодии. Преобладал, естественно, так называемый русский шансон, с которым с достойным уважением упорством безуспешно соревновалась не менее ущербная отечественная попса. В основном, в прибрежных кафешках пели вживую, но удовольствие от вокализов исполнителей, которые приехали на сезон со всех концов нашей страны срубить немножко бабла и каждый вечер тупо выпускали в тираж один и тот же постылый репертуар, было сомнительным.

– Предлагаю перейти на «ты». Не знаю, как тебе, а мне это выканье неприятно.

– Ноу проблемо! – Володя и сам не любил помпезности, тем более, что, судя по всему, разница в возрасте с Геннадием была не больше пяти лет. – Ты в газете работаешь? На ТВ?

– Последние полгода распаиваю ниву печатной журналистики. Есть у нас газета – может, видел? – «Анапская правда». Звёзд с неба не хватает, как и большинство местных изданий, но читать вполне можно. Надеюсь, в её читабельности есть и мой личный вклад. А ещё веду блог в сети, время от времени что-нибудь в краевых газетах выходит. Так и живу. Сам-то чем занимаешься?

– Директор рекламного агентства. Звучит громко, но на самом деле всё агентство – это я да пара вольнонаёмников.

– По деньгам, наверно, неплохо выходит.

– Знаешь, когда как. Год на год не приходится. И, кто бы что не говорил, недавний кризис мне аукнулся крепко. Куча клиентов слетела, как нечего делать. До сих пор ещё не полностью оправился.

За разговором они дошли до кафе, в оформлении которого преобладала древнегреческая тематика – это на анапской Набережной было модно. И пусть статуи псевдоантичных богов были безвкусно покрашены в аляповатые золотистые тона, пусть возле входа стоял небритый продавец шаурмы, распространяющий вокруг себя на редкость неаппетитное амбре, все эти мелочи с лихвой искупил прохладный зал, где из динамиков мягко выплывали лучшие песни двадцати- и тридцатилетней давности из подборки «Romantic Collection».

– Понимаю, что попса, но, по крайней мере, не сегодняшняя... – слегка извиняющимся тоном сказал Гена. – Зато пиво здесь первоклассное! Даже если и разбавляют, как все, то по-божески. Ты куришь?

Они выбрали столик подальше от дымящих посетителей и вскоре отхлёбывали из здоровенных кружек вкусный «Новоросс». И если в первые 10 – 15 минут разговор шёл немного натянуто, то вскоре пиво сделало своё дело, упростив коммуникацию, и всё потекло, как по маслу.

– Ты как вообще узнал про это сборище?

– Как пел Макаревич, «всё очень просто». Они особенно не шифруются. У них даже группа есть на «фэйсбуке» – правда, закрытая, только для своих. Любят пыль в глаза пустить – мол, мы такие крутые, такие все из себя таинственные. А на самом деле – обычные люди. Этот их Скрябин – вообще, знаешь, кто? Директор мебельного магазина! Любит, конечно, антиквариат, предметы гордой старины, по миру поездил немало, начитан. Я как-то с ним интервью делал рекламное, так он мне помимо того, что расписал свой салон, как лучший, если не в России, то в ЮФО, как минимум, все уши прожужжал про древние тайны Анапы, подземные ходы и катакомбы. Коня Александра Македонского, естественно, вспомнил – есть ещё и такой местный анекдот.

– Бред какой-то...

– А ты что, про коня ни разу не слышал? Ну, ты, брат, даёшь! Сколько уже живёшь в Анапе?

– Семь лет.

– Я пять, и то уже здешний фольклор изучил вдоль и поперёк. Не так уж и много здесь легенд и сказаний, хотя у города с такой-то историей могло бы быть и поболее. Ничего, давай как-нибудь у меня дома встретимся, я тебе покажу кое-что по-настоящему интересное. Похлеще сегодняшних страшилок будет...

– Да ладно тебе, рассказывай!

– Блокнота с собой нет заповедного. Без него не могу, собьюсь, факты перевру. В общем, не сегодня! А так у меня дома уже пара общих тетрадей стоит исписанных. Глядишь, когда и пригодятся. Сам-то как на эту дуэль попал?

– Очень просто. Приглашение делал.

– А... – Гена посмотрел на собеседника с уважением. – Отличный дизайн. Красавчик! Я думал, Скрябин в Краснодаре заказывал или в Ростове. Не по-анапски сделано, респект!

– Спасибо, конечно, но я всё никак не могу привыкнуть, почему здесь принято постоянно нахваливать то, что сделано не в самой Анапе или не анапчанами. Это что, такой патриотизм наоборот?

– Это, брат, реальный взгляд на реальные вещи. Местные аборигены в большинстве своём работать или не умеют, или не хотят. Они с детства привыкли: лето отпашешь – зиму лежишь, в потолок плюёшь. А зачем напрягаться, когда можно за три месяца накопить бабла и потом жить, ни о чём не горевать?

– Не знаю. Я привык: если делать, то на совесть. Иначе зачем?

– Вот и я такой же. И мои друзья все такие. Но ни одного местного среди них нет. Такой вот, брат, менталитет... А открытка мне твоя, правда, очень понравилась. В газету случаем дизайнером прийти не хочешь? Шучу-шучу. Знаю, тебе это не к чему. Да и зарплата в 7 штук вряд ли понравится...

– Это точно.

Когда часовая стрелка перевалила за 2, друзья заказали по третьей кружке. А потом ещё...

Рассчитавшись (Володя настоял, что платит за всё сам, хотя гонорарные деньги, честно сказать, уже иссякали), они вывалились в душную ночь и поплелись по Набережной в направлении Морского порта, где можно было поймать такси.

– Нет, однозначно надо продолжить! – вдруг взорвался последние пять минут потерян молчавший Геннадий. – Давай в другой кабак зайдём! Мы же не можем закончить этот прекрасный вечер так бездарно?!

И хотя разум Володи мгновенно восстал, а желудок взмолился о пощаде отчаянным урчанием, желание продолжить банкет оказалось сильнее. Рядом как раз приветливо распахнулись двери какого-то сияющего разноцветными огнями кафе, и удержаться от соблазна не было никаких сил.

На смену пиву пришли два бокала «каберне», а затем совершенно излишний коньяк.

Чтобы хоть как-то замедлить процесс захвата организма хмелем, пришлось прибегнуть к стратегической уловке – танцам. И вскоре Володя вместе с на удивление твёрдо стоящим на ногах Геннадием выплясывал, размахивая руками и взбрыкивая, под что-то тупое и мерзкое, веркосердечное, шумно вываливающееся из динамиков на потребу не самой взыскательной публики. Вместе с ними вытанцовывал ярко-красный от неумелого загара лысый курортник в одних шортах, смахивающих на семейные трусы, его впечатляющих габаритов супруга и целый выводок поразительно похожих друг на друга разновозрастных детей, один взгляд на которых вызывал размышления на тему клонирования.

Всё смешалось в размазанную круговерть: ликующие отдыхаки, огни ночной Набережной, отражающиеся в море, рюмки с коньяком на столе и заглушающая всё разумное, доброе, вечное синтетическая музыка, сокрушающая разум.

А потом был фейерверк... И самое интересное...

(продолжение следует)

Повесть публикуется в журнальной редакции

КАТУКОВА Людмила Алексеевна – родилась в Туле в 1948 году. В 1956 году с родителями переехала в Красноярск. Образование высшее. Издала пять книг: «Роса», «На родном берегу», «Прикосновение к тайне», «Солнечный остров», «Без права на ошибку». Живёт в Анапе. Руководит детским литературным кружком «Морской бриз» гимназии «Эврика». Член московского отделения союза писателей-переводчиков России. Член Союза писателей г.-к. Анапа.

ЖИВЫЕ-МЕРТВЫЕ ГЛАЗА

Промозглым февральским ветром да серым ненастным небом провожал меня Иркутск домой, в Красноярск.

Состоявшееся новое тысячелетие пришло на землю, а жизнь по инерции продолжала свой бег. Те же дни и ночи. Те же события, перешедшие плавно рубеж 2000 года, волновали людей. И люди были те же – озабоченные, с усталыми серыми, как эта зима, лицами...

Минув строгий, полупустой вокзал, я поспешила к поезду. Спрятаться, согреться и ... домой, домой.

Мне нравился этот фирменный поезд – Иркутск–Москва. До Красноярска – две ночи и день – вроде недолго... Чисто, опрятно, можно сказать, даже уютно: на окнах белые шторы в кедровых веточках, скатерти на столиках в купе, ковровые дорожки и... тепло. Его ощущаешь при посадке в вагон – это особое тепло от нагретого титана, от запаха сгорающего в топке угля, а потом – от заваренного чая; от перезвона ложек в стаканах в тонких витых подстаканниках; и, конечно, от приветливых лиц проводниц в фирменной одежде, в пилоточках, кокетливо посаженных на головки: эдак на бочок.

И настроение сразу поднимается, и ты органично вписываешься в дорожный ритм: сдаешь билеты, получаешь белье, заказываешь чай и, наконец, под ускоряющийся стук колес, начинаешь замечать, что ты не один в вагоне и, уже тем более, в купе.

Отодвинув шторку в сторону, я попыталась что-нибудь разглядеть в зимних сумерках, но там за окном, мелькали придорожные огни остающегося в прошлом города.

– Дорога! – сказала я тихо и, наконец, взглянула на попутчика. Напротив в уголочке, на нижней полке, ближе к двери сидел мужчина – щуплый, неказистый, в синем спортивном костюме, лысоватый, темнолицый, длинноносый.

– Дорога, дорога, – пробормотал он скороговоркой, эхом повторив сказанное мной слово.

– В какие края едем? – начала я обычный дорожный разговор, выкладывая на стол нехитрые командировочные припасы для ужина: сахар-рафинад, печенье «шахматное», чипсы «Лейс».

– Домой, – прозвучал краткий ответ.

– А где дом-то?

– На Кавказе, в Чечне, – с акцентом проговорил сосед и затих.

Я не показала удивления из деликатности, но вопросы посыпались сами собой:

– А здесь-то что делали?

– Живу я здесь. С сынами живу и строю.

– Чего строите?

Попутчик оживился, достал папку, подсел к столику и развернул, что бы вы думали? – чертежи различных домов, фасадов, фонтанов, фрагменты отделки. Я заинтересованно молчала, чувствовала, что он сам расскажет.

Так и случилось. Попутчик разговорился. Ему захотелось поделиться тем, что накопилось. Время, если вы помните 2000 год, было тревожное. Чечня, как гнойная рана на теле страны, не заживала, и смрад распространялся далеко. Много судеб было переломано и самой неумелой перестройкой в стране, и этими, так называемыми локальными, войнами.

Передо мной сидел живой участник и пострадавший одновременно человек, но пытающийся не только выжить, а и сохранить достоинство. Родом из Чечни, он бежал оттуда, забрав взрослых сыновей, на родину жены, под Иркутск, а жена – русская – осталась там, в Чечне, не найдя сил оторваться от дома, от хозяйства. Дом уже дважды бомбили, разрушали. Но семья упорно отстраивала его и лепилась там – на плодородной земле. А вокруг, казалось, всё рухнуло, и Рустам (так звали попутчика) решил уехать, жить спокойно. С сыновьями они сколотили бригаду, взяли подряд и, невзирая на косые взгляды сибиряков, под сочувственные причитания родни жены старались работать, работать...

А там, в Чечне, не становилось легче, и он, муж, мужчина, глава семьи, решил поехать домой и уговорить жену – привезти её под Иркутск, соединить семью.

Вдруг, грохотом врываясь в нашу беседу, резко открылась дверь купе. На пороге стоял высокий худощавый мужчина в камуфляжном костюме с рюкзачком-котомкой в руках.

– Здравствуйте, – сухо поздоровался он и, забросив котомку на верхнюю полку, ловко запрыгнул на неё, лег набок, повернувшись спиной к нам, и затих.

Мы оторопело молчали, но я заметила, как мужичок-«чечен» напрягся и стал собирать чертежи в папку. Чувствуя, что разговор заканчивается, я всё же решила задать ещё несколько вопросов.

– А где же ваш дом в Чечне, в какой местности?

После недолгой паузы прозвучал ответ:

– Да недалеко от Грозного, в селении Н.

После этих слов нашего попутчика с верхней полки, как ветром снесло. В мгновение ока он оказался внизу, как-то по-кошачьи мягко и беззвучно спрыгнув на нижнюю полку. Сев рядом с мужичком, который отпрянул от стола и забился в угол, мужчина в камуфляже резко наклонился к соседу и напряженно спросил:

– Кто ты, «чечен»? Говори прямо, не юли!

– Да что вы, молодой человек, – засуетилась я, чувствуя надвигающийся скандал, – успокойтесь! Это мирный человек. Строитель, живет под Иркутском. Едет за женой, она русская.

Я торопливо старалась кратко, быстро изложить, что знаю, и погасить надвигающийся конфликт. Мужчина, очевидно, военный, сдерживая себя, сел прямо и посмотрел мне в глаза. Я отпрянула, невольно спросив:

– Кто вы?

Повисла долгая томительная пауза. И я успела за это время рассмотреть его близко – пространство купе позволяет это. Сердце моё сжалось оттого, что почувствовала я в это мгновение, глядя на молодого, лет 35 мужчину, что сидел предо мною и глядел, не отводя глаз и не моргая. Да взгляда-то вообще и не было. Была пустота – серая, мглистая, мертвая пустота в глазах живого человека. Он и смотрел, и не смотрел. Я даже подумала на мгновение, может быть, он слепой. Но вот попутчик отвел взгляд в сторону, в окно...

– Кто я? – вопросом на вопрос ответил военный. – Я сопровождаю Иркутский отряд ОМОНа в Чечню, под Грозный, в селение Н.

И снова повисла пауза. У меня защемило сердце. Ну, думаю, сейчас будет погром. Вышвырнет вояка этого «чечена» из поезда. Пойду-ка я к проводнице, просить другое купе.

– Сидите! – услышала строгий приказ военного и замерла на месте. – Не бойтесь. Экссессов не будет. Давай, деда, выпьем, помянем моих братков, что полегли там... Я их всех наперечет помню. Перед глазами стоят. Особенно ночью. Укоряют, что не уберёг.

Военный потянулся рукой вверх на полку, достал из котомки бутылку, затем хлеб и поставил это на столик. Мужичок вздохнул, зашевелился и тихо сказал:

– У меня колбаса и огурцы соленые. Доставать?

– Доставай, – прозвучала команда.

И мы стали молча снаряжать нехитрый ужин. Я достала салфетки, военный нож, пластиковые стаканчики. Налив водку, военный сказал:

– Помянем, – и, резко опрокинув стакан, выпил, занюхал кусочком хлеба.

Чеченец тоже выпил до дна, осторожно глотая – кадык двигался на его горле. Утерся ладонью и взял для закуски огурец. Что делать, я тоже выпила до дна эту огненную жидкость и стала быстро закусывать всем, что было на столе. Наполнив ещё раз стаканы, военный выпил один и стал задумчиво есть... обстановка разрядилась. Мы все разом как-то обмякли, смирились с тем, что всё-таки дорога впереди и придётся её коротать вместе, раз уж судьба свела нас в этом купе.

– Володя, – представился военный, – старший лейтенант. Отряд в соседнем вагоне. А я вот здесь. Немного решил отоспаться. Мотаюсь без передышки второй год. Привожу, отвожу, хороню, утешаю. Свою семью потерял за это время. Жена с дочерью ушла, не выдержала. Кричу я по ночам. С кровати падаю. Думаю, что стреляют. Контузия у меня после боя в «зелёнке». Реабилитацию не прошёл. Мучаюсь.

Говорил он короткими фразами. Мы молчали, не прерывали.

– В долгу перед ребятами. Жив остался. А они погибли. Все пятнадцать. Молодые. Необученные. А я, старлей, жив. Не уберёг. Страдаю. И конца не видно. Вкуса водки не чую, не берёт. Думаю, выпью – посплю. Ан нет. И слёз нет. Глазам больно. Лучше бы ослепнуть и не видеть этот ужас...

Он внезапно затих, откинувшись к стенке купе. В полумраке сухо поблёскивали усталые глаза.

– Наливайте, – тихо сказала я.

Володя налил себе, добавил нам понемногу. Мужичок-«чечен» спросил:

– Можно я скажу?

Володя кивнул, сжав стакан с водкой.

– За сыновей. За моих. За тебя. За живых.

– За живых, – эхом откликнулась я.

Мы дружно выпили и закусили. Заглянула проводница. Дружелюбно спросила:

– Чай горяченький, кофе?

Мужчины зашевелились. Военный скомандовал мне: «Сидеть!», отправился за чаем. «Чечен» семенил следом за ним.

Их не было долго, наверное полчаса. Я уже успела убрать на столе. Проводница принесла чай. Поезд нёсся в ночи, съедая километры, приближая каждого из нас к цели. Открылась дверь купе, запахло куревом, вошли мои попутчики. Молча сели к столу, стали пить чай, додумывая каждый своё после состоявшегося мужского разговора. Затем мы стелили постели, умывались, переодевались и легли спать, выключив свет.

Обычно в поезде спится хорошо, но эта ночь была не-о-быч-ной. Мы с «чеченом» знали, что там, наверху, на узкой вагонной полке не спит, а лишь тихо-тихо лежит, стараясь не тревожить нас ни стоном, ни криком, солдат, русский солдат, вечный солдат-защитник...

День прошёл спокойно и как-то быстро. И снова была тревожная ночь.

Утром, пока «чечен» спал, Володя помог мне выйти из вагона на перрон в Красноярске. Стоянка поезда была непродолжительной, но он успел покурить. Я не знала, что сказать этому раненому в самую душу человеку, чем отвести его беду и весь ужас пережитого. Молча пожали друг другу руки. Поезд тронулся. Володя вскочил на ступеньки, махнул рукой. «Держись», – шептала я, невольно идя за набирающим скорость поездом, вглядываясь в удаляющееся лицо, в так и не оттаявшие глаза. «Держись...»

P.S. Я решила поместить этот рассказ в 2007 году в книгу, и вот почему.

20 августа 2007 года Телевизионная программа «Сегодня» по НТВ:

«...Нынешние власти решили превратить Грозный в город радости, отдыха, развлечений. Можно спокойно, комфортно провести время за игрой в боулинг, в ночном клубе, куда приходят и девушки, правда в сопровождении мужчин...»

«Держись!! – невольно прошептала я тому Володе. – Если ты жив. Держись».

ЗАЦЕПИН Александр Васильевич – родился 14 января 1953 года в г. Ртищево Саратовской области. Александр Васильевич жил, учился в г. Омске. По профессии судоводитель. Служил в частях Тихоокеанского флота. Работал на судах речного и морского флота. В Анапе живёт с 2007 года. Стихи пробовал писать с юности, печатался в альманахе «Парус», газете «Успех». Победитель городского литературного конкурса «Анапа – Город воинской славы», номинация «Поэзия» (2012). Принимает активное участие в творческих мероприятиях города.

ПОЛЁТ В ДЕТСТВО

*Маме моей –
Анне Васильевне Зацепиной
посвящаю*

Большие птицы медленно летели
В рассвета синь, на север уходя,
Уже нас ждут в стране метелей, –
Неслось с небес, мне память бередя.

Ты стар, в крови твоей былой нет страсти,
И жизнь с годами лишь сложнее понять.
Так хочется, глотнув немного счастья,
Мне матушку хотя бы раз обнять!

Когда-то я читал запоем сказки
И думал, что у счастья два крыла...
Я вспомнил детство: вот мои салазки
Несут меня вдоль нашего села.

В наш старый дом, на печку к маме с папой,
Когда в деревне темень. И буран
Фонарь в сельпо, как зверь, качает лапой,
Желая превратиться в ураган.

И нова утро. Босыми ногами
Я трогаю прохладный, гладкий пол,
На кухне свет, спасибо нашей маме
За чистый дом, уже накрытый стол.

Нам за столом, как прежде, очень тесно,
Жива, как в сказке, вся моя семья,
И с мамой мы поём всё те же песни
Про те родные, милые края.

Спасибо, сказка, добрая, смешная,
За то, что ты живёшь в душе моей.
А мамы чудо-сказки нам читая,
От зла спасают взрослых сыновей!

ЛЮБОВЬ НУЖНА

Любите нас всегда, пока мы живы, –
ведь после смерти, что нас не любить,
любовь нужна, когда устои лживы,
когда на карте – «быть или не быть!»

Любовь нужна, когда себя терзаешь,
что заблудился в жизни, как в морях,
любовь нужна, когда ты замерзаешь,
засыпанный лавиной в горах!

Любовь нужна, когда идёшь с работы,
одолевая стужу и метель,
а дома ждут тебя одни заботы,
и без жены холодная постель.

Любовь нужна, когда твой сын от злости,
забыл, когда и кто его родил.
Нужна, когда обида гложет кости,
когда чуть-чуть кого-то не убил.

Зови Любовь и не теряй Надежды,
верь до конца, что есть у нас она,
в неё не верят циники, невежды,
и кто не хочет, чтоб пришла весна!

Она придёт, как юный Ангел Света,
Всё расцветет под ласковым теплом,
и ты уснёшь, как в детстве, до рассвета,
и радостью наполнится твой дом.

СОН

После вахты прилёт, отдохнуть захотел
и, наверно, в астрал я во сне улетел.

То снега облаков, то небес синева,
перед взором моим кутерьма, кутерьма.

В сердце светоч угас, полутьма, полутьма,
мне б увидеть сейчас, Русь, твои терема.

Воздух свежий вдохнуть и пройти по лугам
и прильнуть осторожно к любимым губам

маму нежно обнять, услышать смех детей...
Мне от дома в дали не осмыслить путей.

Видно, море люблю, хоть порою нет сил,
«Сколько я протерплю?» –
я у Бога спросил.

Мне шепнут небеса, чуть качаясь в ответ:
«Ты сейчас отдохни, вот тебе наш совет.

Новый день распахнёт горизонт над водой,
вновь в Россию вернётся
корабль твой родной».

Спешите смотреть рассветы –
они предваряют день,
спешите зимой и летом,
смотрите пока не лень!

Когда от жизни устал ты,
и, если уже невмочь,
иди и смотри закаты, –
они предваряют ночь.

За ночью приходит утро,
и снова встаёт заря,
и в этом – природы мудрость,
и всё на Земле не зря!

ВЕТЕР

Шалый ветер в окно залетает,
И на улице так хорошо,
Буйным цветом сирень расцветает,
Скорый поезд прошёл Балашов.

Я поймал быстрый ветер за гриву,
Он в руке притаился моей, –
«Что мне делать с тобою, игривый?
Повезу в дар супруге своей!»

Ветер вновь пальцы гривой щекочет
И ладони мои холодит,
Он, залётный, на север не хочет
И тихонечко мне говорит:

«Ты меня отпусти, будь любезен,
Ведь я в доме тебе ни к чему,
Позови, если буду полезен».
Я ответил, – «Ну, быть посему!»

ИСТОРИЯ

Читая старые романы,
сегодня, правда, не поймешь
твои, История, изъяны,
где правда, вымысел, где ложь?!

Когда-то было всё понятно,
коль бедный – красный, значит, свой.
Но разноцветны стали пятна,
лишь на душе черно, хоть вой!

Твоя история, как море,
святая Родина моя,
порою то черна от горя,
то разноцветна от вранья!

Какой сегодня ветер дует?
Какого цвета будешь ты?
Когда жестокий шторм бушует,
твоей не видно красоты!

МЕТЕОРИТ

Бог есть Любовь

С какой такой небесной полки
летел огонь в «страну чудес»?
на Землю сыпались осколки
из тайного угла небес.

Творцу взгрустнулось на престоле –
ведь впереди парад планет,
а в слове созданной юдоли
давно уже порядка нет.

Туда-сюда снуют людишки,
друг другу гадости творят,
любви Всевышнего излишки
на доллар променять хотят.

«Сожгу огнём неугасимым!» –
Сказал разгневанный Отец...
Но у Любви хватило силы
отсрочить наш, земной конец.

НЕТ ДЕВУШКИ КРАШЕ МОЕЙ!

Ты в платье небесного цвета
со мною стоишь на борту,
в конце уходящего лета
душа моя – словно в цвету.

Мы были с тобой в ресторане –
шёл месяц медовый у нас,
как радостно, точно в нирване,
тонул я в сиянии глаз.

Как лихо с тобой «кукарачу»
плясали у всех на виду,
я думал, мужчины заплачут,
когда я тебя уведу.

Мы вышли к Японскому морю,
на глади – огни кораблей.
Казалось, я с небом поспорю:
«Нет девушки краше моей!»

Свежо! Я заботливо куртку
накинул на плечи твои.
«А штурман влюблён не на шутку...»
шептались матросы мои.

Сейчас я у Чёрного моря
гляжу на огни кораблей...
Хотите, я с вами поспорю:
«Нет девушки краше моей!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ К БОГУ

Я глупое чадо Господне,
как часто я спорил с Отцом,
и вдруг на краю преисподней,
увидел себя гордецом.

Прости меня, смилуйся, Боже!
За то, что закрыты глаза,
за то, что бываю ничтожен –
не держат порой тормоза.

По жизни иду, спотыкаясь,
то встану, то вновь упаду,
сколь часто грешу – столь и каюсь,
и жизнь эта, словно в аду.

Как странник, брожу на чужбине,
голодный в далёком краю,
как путник в безводной пустыне,
испить бы водицы в Раю!

Пить воду живую Христову,
есть хлеб за столом, возлюбя,
услышать желанное слово:
«Мы вновь рады видеть тебя».

Я снова к Христу обращаюсь,
и вновь неустанно молю:
«Ты брат мой, Ты – мудрый товарищ,
дели с нами ношу твою!»

Пошёл бы с Тобой, на Голгофу,
но знаю – по мне ль Эта Высь?
За эти – прости меня – строфы
и в сердце моём поселись!»

СААРИ Ашот – родился 10 марта 1950 года, в городе Ахалкалаки, р. Грузия. В Анапе живёт с 1959 г. Образование – не законченное средне-техническое. Работал на стройках страны и г-к Анапа. Стихи пишет с раннего детства. Участник нескольких региональных и зональных семинаров молодых литераторов юга Россиию. Первые публикации появились вначале семидесятых годов XX века на страницах местных и краевых газет и журналов, а так же в коллективном сборнике стихов Анапских поэтов (Пробуждение) за 1991 г. ,в нескольких журналах издательства С.П. (Страна озарения). Один из инициаторов и активный член литературно-художественного объединения (ПАРУС) В одноимённом альманахе за 2013 г. вышла очередная подборка его стихов.

ВЕСНА

Задремала зима за околицей белою
птицей.
И ветра на полях, у подножья осин
и берёз,
Разбросали небрежно куски черно-белого
ситца,
Где пушистой порошей тропинки
припудрил мороз.
Далеко за селом откружилась последняя
вьюга.
И ко мне постучалась желанная
гостья-Весна,
Согревая простор распалённым дыханием
юга,
Поцелуем своим разбудила меня ото сна.
Белокурой девчонкой взобравшись ко мне
на колени,
Голубыми глазами лукаво в глаза мне
глядит.
Ах, как хочется мне утонуть в этом мире
весеннем.
Разрывается сердце, бунтуя, трепещет
в груди.
Я запел о весне, как во сне,
околдованный счастьем,

И во мне пробудился вулкан
неисполненных грёз,
И меня поглотила волна зажигающей
страсти,
Растревожив в первые горячее сердце
до слёз.

ЖАЖДА

Оседлав скакуна до рассвета,
Я скачу по холмам и лугам,
Где высокие травы под ветром
Хлещут мокрым кнутом по ногам.
Только острые звёзды маячат
В бесконечных глубинах небес,
И скакун мой стремительно скачет
По ущелью в пугающий лес.
Ни коня, ни себя не жалея,
Я над сонной планетой лечу.
Пусть устал, пусть дышу тяжелее-
Утолить свою жажду хочу.
Припаду к роднику у Хачкара...
И представлю страну Наири!
От такого бесценного дара
Сердце радостью детской горит!

Не пугают ни пыль, ни прохлада,
 Ни лавины грохочущий сход.
 Ведь для счастья увидеть мне надо
 Над седым Араратом восход!

ИВА

В тихой грусти дремлет ива
 И глядит с тоскою в даль,
 А на зеркале залива
 Отражается печаль.

Словно раненая птица,
 Нависает над водой,
 Будто кровь её, сочится
 Сок на водную ладонь.

Что ей видится на этом
 Берегу, в дремотах сна?
 То ли ласковое лето,
 То ли добрая весна?

Волны катятся к причалу.
 Там, где берег невысок,
 Плачет ивушка в печали,
 Слёзы льются на песок.

Люблю весны чудесное цветенье,
 Когда пестреют радугой сады,
 И яблони, бросая косо тени,
 Глядят с обрыва в зеркало воды.

Как золотые россыпи, не ровно
 Несёт река охапками лучи,
 А я стою, впервые вижу словно,
 Простор, что взрыли крыльями грачи!

Где облако, как белоснежный лебедь,
 Плывёт по веткам стройных тополей,
 Там воздух сладко пахнет свежим хлебом,
 И чистотой, и горечью полей.

НОСТАЛЬГИЯ

Сердце вечно к звёздным безднам тянет,
 Манит к мирозданиям другим.
 Может быть я – инопланетянин?
 И пора мне на своя круги?

По ночам с тоской смотрю на небо,
 Слышу зов из космоса вдали.
 Как давно в краях родных я не был!
 Как хочу там жажду утолить!

Но с какой планеты я? Не знаю.
 Душу травят боль, тоска и жуть.
 Не напрасно ль сам себя терзаю,
 Глядя в небеса, на Млечный путь?

Зреет в генах память неземная,
 Жалит сердце неземная грусть.
 Где моя Прародина, не знаю.
 Во вселенной вычислю – вернусь.

Упаду на красные каменья,
 Обниму с любовью материк...
 Эхо захлебнётся на мгновенье,
 Повторяя радостный мой крик.

Встеча с прошлым может озадачить.
 Загрустил, ещё не улетев,
 По Земле вскормившей сердце плачет,
 Раставанья боль не одолев.

ОСЕНЬ

Завывает в трубе с переборами поздняя
 осень.
 И, как свора собак, подвывают сирены
 машин,
 Отравляя тревожными звуками запахи
 сосен,
 Нагоняют тоску, и в глазах мельтешат
 миражи.

Озверевшие ветры, как будто все сразу
 проснулись
 И сухими ветвями скребут по стене
 и шуршат,
 А у плавней вдали, мне увиделось
 стадо косулей –
 От испуга рвануло и скрылось, как сон,
 в камышах.

Остывает тепло, под соломенной крышей
 сторожки.
 Ошалевший Норд-ост мне в окно
 монотонно стучит
 И, как малые детки, на крыше расплакались
 кошки,
 Оттого, что сова голосами чудовищ
 кричит.

Нарастает печаль, как злодейка, пугает
 и душит.
 Я к таким изменениям сознания ещё
 не привык.
 И мне хочется прежде спасти
 утомлённую душу,
 И не слышать ветров оголтело-пугающий
 крик.

Пишу стихи с любовью, но при этом
 Себя назвать поэтом не решусь,
 Хотя уже познал на этом свете
 Добро и зло, страданье, боль и грусть.

Как первый лучик жаркого востока,
Как розы ароматный лепесток,
Испил нектар в божественном истоке
Души моей пробившийся росток.

И как писал любимый наш Есенин:
"Сегодня я в ударе нежных чувств"
Поэзия, как Божье воскресенье,
Волной любви во мне стирает грусть.

Дай силы мне, своё благословенье,
Зажги звезду, дорогу освети,
Порадуй сердце слогом вдохновенным,
Не дай споткнуться мне на полпути.

ВЛАДИСЛАВУ ЗЛОТАРЁВУ

Что тебя гнетёт, мой друг сердечный?
Ты о чём задумался, поэт?
Ничего не остаётся вечным,
Бесконечен только Божий свет.

Съев с тобой немало соли с хлебом,
Мы слагали добрые стихи,
И в тиши, под знойным южным небом
Вспоминали юности грехи.

Старость подползла неумолимо.
Закатав нас бурей в снежный ком,
Жизнь экспрессом проскочила мимо,
Не затронув сердце холодком.

Седина красавиц восхищает,
Бесы к нам внедряются в ребро.
Мы на них свой взгляд не обращаем
И творим без усталости добро.

Мы с тобой избрали путь свой Млечный,
И спустя ещё немного лет,
Наши души, улетаая в вечность,
Излучать на землю будут свет.

РОБИНЗОН

Я, словно легендарный Робинзон,
На острове безлюдном обитаю,
Гляжу в тоске в пустынный горизонт
И сутки одиночества считаю.

Готов бежать за тридевять земель.
Лететь сквозь расстояние стрелою.
Но сел мой быстрый парусник на мель,
И всё покрылось безпросветной мглою.

Вокруг меня пигмеев племена,
Хохочут злобно над моей бедою.
Но я, в душе спокойствие храня,
Беседую во мраке сам с собою.

За муки, испытанья прошлых лет.
Фортуна улыбнётся мне когда-то,
И я увижу долгожданный свет
Над парусами белого фрегата.

И он меня помчит по облакам
Навстречу счастью, Родине и милой,
А нынче ветер хлещет по щекам
Волной солёной с ураганной силой.

От берега печальный ухожу...
К реалиям привыкнув по немногу,
Себе жилище в джунглях возвожу,
Надеясь на себя и милость Бога.

И, не смирившись с участью такой,
Я верю, не напрасно, хоть и трудно,
До поздней ночи, потеряв покой,
Долблю себе спасительное судно.

Я в этой жизни-серой и невзрачной
Уставший и непризнанный поэт.
Среди родных, как пасынок внебрачный,
Случайно уродившись на свет.

И оттого, что никому не нужен,
Меня от одиночества знобит.
Уйду из жизни, как от зимней стужи,
Без сожаленья, страха и обид.

Уйду легко и без упрёка, впрочем
Без суеты и траурных речей,
И над моим остывшим телом очень
Заплачут стаи чаек и грачей.

Я в этот век явился по ошибке.
С любовью познавая жизни соль,
Уйду с разбитым сердцем, но с улыбкой
И унесу с собою вашу боль.

УТРО

Утро. Солнышко краешком алым
Прикоснулось легонько окна
И лучом осторожно слизало
Со стекла очертания сна.

За окном, изогнувшись от стужи,
Лист кленовый притих на скамье...
У озябшего тополя лужи
Зеркалами лежат на земле.

Отчего-то сегодня мне грустно
И чего-то немножечко жаль...
На прощание выбелив кустик,
По задворкам уходит февраль.

ВАЛИЕВ Валерий Абдурахманович – родился в 1942 году в городе Орджоникидзеабат в Таджикистане. Образование высшее. Окончил Таджикский Госуниверситет (филологический факультет) и Московский институт патентоведения. Печататься начал с 1965 г.: в газетах «Фрунзевец», «Вечерний Душанбе», «Комсомолец Таджикистана» и др. Работал: директором Дворца пионеров, в Госпрофтехобре в Душанбе, где вышла и его первая книга «Шаг в науку». С 1986 г. работает в ФДЦ «Смена» в Сукко, занимается поисково-краеведческой деятельностью. Выпустил целый ряд журналов «Рабочая смена», две книги детского творчества «Юная страна Профтех». Его статьи по истории Анапы помещены в книгах: «Книга памяти с. Сукко», «Мужество сквозь юность пронесли», «Анапа в названиях и именах», «Анапа – город воинской славы» и многих других. Редактировал краеведческий журнал «Синдская Гавань» (4 номера), публиковался в местных СМИ.

Лауреат международных и российских журналистских и педагогических конкурсов. Награждён медалями: «Патриот России», «За увековечивание памяти Отечественной войны 1812 года», «За выдающийся вклад в развитие г.-к. Анапа». Член Союза писателей г.-к. Анапа.

ЮНЫЕ ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

В наше время некоторые «радетели Отечества» пишут о том, что в годы Великой Отечественной войны Советский Союз бросил в её горнило своих детей: сынов полков, партизанских отрядов и юнг. Конечно, война и дети понятия несовместимые. Однако, в грозные годы мальчишки и девчонки России становились плечом к плечу с отцами и матерями, чтобы защитить своё Отечество. Александр Невский, Александр Суворов и будущий император Петр I, готовили себя к военной службе уже с детства. Алексей Ермолов, чей бюст установлен на Аллее Российской славы в ФДЦ «Смена» (с. Сукко), начал службу в 14 лет поручиком гвардии. В 15 лет – капитан 44-го Нижегородского драгунского полка. В 17 лет он принял боевое крещение при форсировании р. Буг и участвовал в штурме Варшавы. Тогда юные россияне учились военному делу в специальных учебных заведениях, потому что считали: «мужчинами не рождаются, ими становятся». В Царской России было несколько кадетских корпусов или, как их называли сами учащиеся, – «кадетки». Старшие кадеты изучали воинские уставы, оружие, учились нести службу. В XIX в. у казаков были свои казачьи кадетские корпуса. Здесь, в основном, учились дети казачьих офицеров, чтобы продолжить учебу и службу в Казачьем Войске. Юные казачата изучали боевые традиции казачества, учились искусству верховой езды, владения шашкой, готовились посвятить себя защите Отечества. Большинство офицеров старой России прошли кадетскую школу возмужания. Поэтому с началом войны эта категория юных россиян первой добровольно уходила на фронт.

В начале XXI века во многих городах России, в том числе и Анапе, вновь открылись сначала летние казачьи лагеря, школьные казачьи (кадетские) классы, а потом и кадетские корпуса, в которых казачата и школьники изучают военную историю, традиции и, конечно же, военное искусство. Более 10 лет в нашем городе готовит будущих офицеров Морской пограничный лицей.

Традиция приобщать мальчишек к будущей службе в армии, (а в военные годы разрешать подросткам воевать против врагов Отечества) в нашей стране имеет глубокие исторические корни. Но если в первом случае – это соцзаказ государства в профориентации молодежи на военные профессии, потребность армии и флота в преданных делу офицерах, то во втором – это была суровая необходимость.

Если вспомнить битвы былых времен, то нет-нет, да и фигурировали в литературе воины – дети. История умалчивает, сколько детей России взяли в руки оружие, вилы и топоры, помогая уничтожать врага. И не все из них возвращались домой. Нам известны рассказы и воспоминания об участии 15-летнего Александра и 12-летнего Николая Раевских в Отечественной войне 1812 г. Чтобы задержать французов, генерал Н. Раевский двинул на превосходящего противника Смоленский полк. Генерал повел в бой рядом с собой обоих сыновей. Сраженного пулей знаменосца полка сменил Александр Раевский. И солдаты отчаянной, знаменитой в дальнейшем, русской штыковой атакой смели французов и выполнили задачу. Позже Н.Н. Раевский (младший), как и отец, стал генералом и был начальником Черноморской береговой линии. Он многое сделал для укрепления русской крепости Анапа и ее станиц. В его честь была названа станица Раевская.

В Крымскую войну (1854–1856 гг.) Одесса не была готова к обороне. Лишь на одной батарее сиротливо стояли четыре пушки, которыми командовал еще безусый 16-летний прапорщик Щеголев, только что прибывший из кадетского корпуса.

Англо-французская эскадра с сотнями корабельных орудий на борту подошла к городу и безнаказанно открыла огонь. Неожиданно с берега грянул залп, потом другой. Это юный прапорщик дал команду: «Огонь!». Вражеские орудия перенесли обстрел против неожиданного противника. Раненые не покидали батареи и продолжали обслуживать свои пушки. Вскоре две из них вышли из строя. Но к батарее прибежали трое лицеистов. Ребята заменили артиллеристов, подносили заряды и снаряды, разворачивали пушки. И батарея вновь оживала. Уже три неприятельских парохода вынуждены были покинуть место сражения на буксире. Но и у Щеголева осталась последняя пушка. Озлобленные неожиданным упорным сопротивлением, вражеские суда обрушились своей мощью на единственную пушку. Вокруг все пылало, боеприпасы заканчивались. Шесть часов батарея шестнадцатилетнего Щеголева противостояла целой вражеской флотилии, проявив мужество и отвагу, пока не поступил приказ отойти. Император, пораженный подвигом кадета, досрочно, минуя три ступени, произвел юного прапорщика в штабс-капитаны, а героической батарее приказал присвоить имя Щеголева. Оставшиеся в живых артиллеристы и лицеисты награждены Георгиевскими Крестами.

Когда англо-французский десант высадился в Крыму, и враг подошел к Севастополю, на его защиту, кроме армии, встали стар и млад. Среди защитников русской крепости были сотни подростков всех сословий, которые горели желанием помочь армии защитить свой родной город. И этот детский героизм был добровольным порывом. И никто не мог запретить юным патриотам прийти на бастионы крепости и воевать за свой Севастополь, как никто не мог в XX веке запретить советским детям защищать свою Родину от фашистов.

Назовем лишь несколько имен защитников Севастополя. Сыновья артиллеристов и матросов пришли на бастионы, чтобы помочь или заменить отцов. Они подносили заряды, воду, оттаскивали искореженные орудия. Ребята тушили пожары, а в трудную минуту вставали к орудиям и били по врагу. Ваня Рипицын, Дмитрий Фарасюк и Дмитрий Бобер, Алексей Новиков помогали отцам на батарее. Когда у Димы Фарасюка погиб отец, он даже жил возле его батареи, обслуживал пушку отца и отбивал с солдатами атаки наступающего противника. За мужество и героизм все юнги были удостоены Георгиевских крестов и медалей.

Но чаще юнги-матросы обслуживали 3-х фунтовые мортирки и стреляли из них по противнику. Своей смелостью и умением владеть мортиркой прославился десятилетний Николай Пищенко. Его отец был матросом 2-й статьи 37-го флотского экипажа. Он учил Николая прицеливаться, отбирать заряды, чистить и заряжать мортирку. Отец и сын пять

месяцев не отходили каждый от своих орудий и наносили урон неприятелю. Когда погиб отец, Николай перешел на его редут и стал обслуживать около десяти мортир. За свои подвиги Николай Пищенко был награжден серебряной медалью «За храбрость» на Георгиевской ленте, а позже и Георгиевским крестом 4-й степени. Когда закончилась Крымская война, Николай стал служить на Балтике. Вместо медали «За храбрость» ему дали высшую солдатскую награду – знак отличия Военного ордена на Георгиевской ленте. Через 10 лет он стал матросом второй статьи и по выслуге лет ушел в отставку в 22 года! Как участнику обороны Севастополя ему 11 месяцев засчитали 11 годами службы.

Так воевали русские мальчишки – защитники Севастополя. Их героизм достоин уважения потомков и был отмечен наградами Родины, как и героизм их будущих анапских сверстников в борьбе с фашистами почти через 100 лет.

В советских школах старшее поколение изучало рассказ Л.Н. Толстого «Даша Севастопольская». В 16 лет она осталась сиротой, продала дом и пожитки, приобрела лошадь с повозкой, несколько одеял, белое полотно, запаслась уксусом и вином для перевязок и обезболивания, и отправилась на поле сражения. Не взирая на летящие осколки и пули, перевязывала на бастионах раненых солдат, обмывала их и поила водой. Переодевшись в юношескую одежду, под именем Саши Михайлова она переходила линию фронта и доставляла нужные сведения. Она была награждена несколькими медалями и Георгиевскими Крестами.

Агафья Шестоперова и ее дочь Дарья, которой было в ту пору 15 лет, полгода не выходили из барачков у Северных бастионов, перевязывая раненых, помогая больным. Они стирали и сушили белье, готовили еду. За свой патриотизм они были награждены серебряными медалями «За усердие» на Владимирской ленте.

50-летнее затишье было нарушено войной на Дальнем Востоке. Под Ляоляном вместе с отцом сражался с японцами Георгиевский кавалер тринадцатилетний Павел Качелин из Тульской губернии. Он подавал патроны, обустраивал бруствер. Когда отец был ранен, Павел оказался в плену и выдержал допросы и избиения, голод и холод. Его освободили казаки. В одном из боев под Мукденом сражались с японцами трое мальчишек в солдатских шинелях. Тринадцатилетний харьковчанин Гриша Белецкий воевал со своим отцом в 57-м Люблинском полку. Плечом к плечу с отцом воевал в этом же полку пятнадцатилетний Коля Кристов из Одессы. А сирота Рома Бойко был принят солдатами на свое обеспечение. Все трое по мере сил помогали солдатам не только в затишье, но и в бою, и не раз заслуживали благодарность командиров.

В 1-ю Мировую ребята уходили на фронт. Из 300 добровольцев Мюльграбенской мореходки через год 160 погибли или были ранены на фронте. Гимназист Сосионков из семьи жандармского ротмистра организовал целую группу ребят из г. Двинска. Они на поездах пытались добраться до фронта. Безбилетные добровольцы осаждали поезда, идущие на фронт. На станции Псков в сентябре 1914 г. с поездов было снято более 100(!) несовершеннолетних подростков. И те, кто оказался в окопах, доказывали свое право на защиту Отечества. Уходили в разведку, были связными, под свист пуль подтаскивали патроны и снаряды, помогали выносить раненых, а в критический момент отбивали атаки противника. И никто не говорил, что Россия бросила их в горнило войны.

Удивительный случай произошел с Семеном Вихровым. В 16 лет он был принят добровольцем в казачью сотню, освоил навыки езды на лошади, владению шашкой и стрельбой на скаку. В бою прусаки, окружив юного казака, выбившегося из сил, взяли в плен. Офицер, издеваясь над ним, стал смеяться и оскорблять его. Потеряв бдительность, офицер жестоко поплатился. Семен вспрыгнул на его лошадь, схватил за горло и из оставшихся сил сбросил с седла. Конь взвился от удара каблуками сапог, и, на глазах опешивших прусаков, Семен помчался сквозь строй вражеских солдат к своим. Опомнившись, враги открыли огонь, но было уже поздно. Боевую награду – медаль на Владимирской ленте Семену Вихрову прикрепил на грудь Великий князь Николай Николаевич.

Как всегда, рядом с мальчишками сражались за Отечество и девочки. Кира Башкирова из г. Вильно ушла из шестого класса Мариинского высшего училища. В декабре 1915 г. она переделалась в мужскую одежду и, выдав себя за Николая Попова, стала рядовым сибирского полка. Уже через неделю Кира за смелость и смекалку в разведке была отмечена Георгием IV степени.

В 13 лет Вася Правдин был уже опытным воином. Будучи еще ездовым, он под вой снарядов подвозил боеприпасы прямо на передовую. Став Георгиевским кавалером, он добился перевода в строевую часть. И здесь он отличился в боях и получил Георгия III степени. В одном из ожесточенных боев, когда потери росли с каждой минутой и солдаты дрогнули, вперед бросился командир полка, но тут же был ранен. Это увидел Вася и под пулями пополз к офицеру. Добравшись до раненого, он перевязал его и потащил к своим. С трудом мальчишка вынес из боя командира, за что был удостоен Георгия II степени. Так юный защитник Отечества стал кавалером трех Георгиевских Крестов.

Одиннадцать лет было А. Краснову. Но в одном из боев он был контужен. Мальчишка был пожалован орденом Георгия IV степени.

И совсем ребенком в 10 лет воевал Степа Кравченко. В одном из боев маленький солдатик спас пулемет, когда нашим пришлось отходить. Он с гордостью носил Георгия IV степени. Никто не посылал этих сорванцов на фронт, в окопы, в разведку. Но Отечество было в опасности. Сотни, а может и тысячи подростков брали в руки оружие, спасали раненых или сражались с врагами методами партизанской войны. Так почему же об этом факте массового участия детей в Крымской, Русско – Японской и 1-й Мировой войнах умалчивается некоторыми «радетелями» России, а массовое участие советских детей в борьбе с фашистами преподносится ими, как варварское отношение государства к своим детям, якобы бросившего их на смерть в пламя войны? Наши дети помогали бить оккупантов всех мастей во все времена. И эта патриотическая традиция переходила и переходит из поколения в поколение. И пока будут у нас такие юные герои, будет жить и Россия. Вот как писал об этом учащийся из Кишинева Юрий Борщ, отдышавший в ФДЦ «Смена», на митинге у братской могилы в с. Сукко:

*...И на этой земле, на которой стою.
Вот у этого места святого,
Я первую клятву в жизни даю,
Я даю свое честное, честное слово!
Что за павших отцов, матерей и дедов,
У которых судьба роковая,
Я в бою не только погибнуть готов –
Улыбаться и петь буду я умирая!
И от имени всей молодежи планеты,
И от имени тех, кто насмерть стоял,
Песни те я спою, что не допеты,
Поклонюсь до земли тем, кто мир отстоял!*

Не будем говорить об участии подростков в Гражданской войне, потому что они воевали по разные стороны баррикад, исходя из убеждений их отцов и воспитания. Отметим только, что несовершеннолетние герои были с обеих сторон.

Самым юным из сыновей полков и юнг Советской Армии был Сережа Алешков. В 1941 году ему было шесть лет. Сначала он стал партизаном разведчиком. Уходя от фашистов, с матерью и братом оказался в партизанском отряде под Калугой. Однажды они были схвачены. Мать и старшего брата фашисты расстреляли, а Сережу, спрятавшегося под кроватью, спасла соседка. Двенадцать дней скитался по лесу мальчишка, пока на замерзшего и голодного не наткнулась фронтовая разведка, и он стал сыном гвардейского полка. Участвовал в Сталинградской битве, спас засыпанного в землянке полковника, за что был удостоен первой награды – медали «За боевые заслуги». Так и дошел с боями до Польши маленький солдатик. Потом было суворовское училище, юридический институт. Такова судьба самого юного сына полка СССР.

Почти 20 тысяч детей были награждены медалью «За оборону Москвы». Ещё больше – «За оборону Ленинграда». Юные партизаны били фашистов вдали от линии фронта, они были разведчиками и подрывниками в самых опасных местах и выполняли свои боевые задания, рискуя жизнью, тысячи их погибли в боях или от рук палачей.

Вспомним первого юного защитника Брестской крепости Петю Клыпа или мальчишку-партизана Пинского партизанского соединения Павлика Конопацкого.

В 16 лет ушла на фронт из Гостагай Любовь Колисниченко, приписав себе лишний год, чтобы пройти РВК. Она стала связисткой 79-го полка 47-й армии, хотя по возрасту была дочерью полка. Приписал себе два года и стал санинструктором в 15 лет наш будущий известный земляк, врач и педагог Алексей Дубровский. Подростком в 16 лет ушла на фронт Софья Поварова, ставшая юным кавалеристом 4-го Кубанского казачьего корпуса. Им удалось всеми правдами и неправдами попасть на фронт, хотя по возрасту они были несовершеннолетними. Но и те, кто оказался в Анапе под пятой фашистов, не сидели, сложа руки, в оккупированном городе.

Сын партизанского отряда Костя Ивин в 15 лет стал разведчиком-связным. Он постоянно проникал в станицы Гостагай, Натухаевскую и приносил оттуда ценные сведения. Костя участвовал и в боях с карателями. Он замёрз, когда обессиленные партизаны в декабре 1942 года пытались лесами по глубокому снегу перейти линию фронта в районе Неберджая.

Уже после освобождения города 17 летний Дмитрий Калабухов, горя желанием отомстить врагу, пытался добровольно уйти в армию. Но его направили в истребительный батальон НКВД. Ему пришлось выискивать дезертиров, диверсантов, пока не добился отправки на фронт.

В начале сентября 1942 года группа партизан выдвинулась в район Казенного хребта. Командовал ими бывший заместитель начальника анапского порта А.С. Коробов. Среди партизан были юные Николай Жовнер и Виктор Коробов. Партизаны увидели, что немцы преследуют отступающее подразделение советских бойцов. Завязался бой. Немцы стали окружать партизан. При выходе из окружения А.С. Коробов был смертельно ранен. Его сын стал вытаскивать тело отца с поля боя. Николай Жовнер и другие партизаны, прикрывая товарищей, медленно отходили в горы. Виктор поклялся отомстить за отца. Он рвался в каждый бой и разведку. Однажды его схватили враги и, не выведав у него ничего, расстреляли юного партизана. Не дожидаясь Победы Катя Соловьянова – связная партизан и руководитель молодежного подполья. Её именем названа улица в Анапе.

В. Каширин в двенадцать лет еще до прихода немцев выучился у солдат минерному делу. С приходом фашистов, он сам вступил в единоборство с ними: подсыпал песок в бензобаки машин и стволы танков. Потом вошел в молодежное подполье.

Он чудом избежал расстрела при арестах подпольщиков. Когда немцы при отступлении минировали Анапу, В. Каширин сумел вовремя разминировать склад зерна и спас город от голода. За этот подвиг он получил боевую медаль лично из рук командующего 18-й армией Леселидзе. Его приняли сыном полка, и он ушел фронтовыми дорогами. Вернулся с боевыми наградами, окончил экстерном седьмой класс, но погиб после войны.

Еще в начале войны Федор Мойса убежал на фронт. Ему повезло, его не вернули домой, а оставили сыном полка в 15 лет. Ему довелось с оружием в руках освобождать Адыгею, Лабинск и гнать фашистов с Кубани. Судьба пощадила нашего земляка – после войны он вернулся в Анапу с наградами и много лет работал на добыче строительного камня, строил водовод от Кубани до Анапы.

Виктор Головченко взял в руки оружие в 13 лет. Когда фашисты заняли Анапу, его родителей расстреляли за связь с партизанами. Виктор сумел уйти от расправы и добраться до партизанского отряда. Участвовал и в разведке, и в боях с карателями. Когда Варениковку освободили, Виктор встретил дома своего брата лейтенанта Головченко, который и взял его в свою 19-ю конно-санитарную роту. Так юный партизан стал сыном полка. С боями дошел до Германии. К концу войны ему было уже 15 лет.

Алексей Шинкаренко родился в 1927 году. С началом войны попал на тральщик «Земляк» и стал юнгой. Он участвовал в высадке десанта Куникова на Малую землю.

Ушел в бой с передовым отрядом 142-го отдельного десантного батальона 255-й бригады морской пехоты. Эта бригада активно участвовала в боях за наш город.

Трое гостагаевских мальчишек (Павел Карабах, Алексей Зеленый и Дмитрий Бойко) ушли в конце августа 1943 года со 144-й бригадой морской пехоты и стали юнгами. До этого они несколько раз просились в истребительный отряд, но получали отказ. При отходе к Новороссийску, в районе ст. Натухаевской фашистские самолеты стали бомбить дорогу. Откуда ни возьмись, появился грузовик с моряками, и мальчишки бросились к машине и уговорили их взять с собой. Так они попали на фронт. Д. Бойко вспоминал, что в 83-й бригаде морской пехоты служило более 15 юнг. Павел и Алексей погибли в боях за Кубань.

Дмитрий Бойко, после освобождения Тамани, пошел дальше дорогами войны. День Победы наш земляк встретил под Прагой. Ему было семнадцать с небольшим лет.

В 15 лет Ларка Горяев ушел с хутора Курбацкого с отступающими матросами в конце августа 1942 года. В бою у Сукко подобрал винтовку и сделал первые выстрелы по врагу. Так он стал юнгой. Воевал на Малой земле, освобождал Анапу, где мать, бабушка и брат погибли от рук палачей. А отец умер от ран. В одном из боев юнга Л. Горяев был ранен и комиссован по инвалидности. Илларион Горяев много лет работал шофёром, оставаясь в душе юнгой. В роковой аварии он прикрыл собой человека, и умер в больнице.

Алексей Александрович Агафонов, не коренной анапчанин, но много лет (с 1962 года) отдал службе анапской в/ч 2333 в должности заместителя командира одной из школ по политической части. Службу начал в 1942 году на Соловецких островах в первом наборе подростков в школу юнг. Учился морским наукам и военному искусству вместе с будущим писателем В. Пикулем, который позже написал книгу «Мальчишки с бантиками» о жизни и судьбах юнг из этой школы. После школы юнг воевал на Балтике на малом охотнике МО-409 рулевым. Участвовал в разведке боем у берегов Финляндии, в десантных операциях при снятии блокады с Ленинграда. Был награжден медалью Ушакова. После войны окончил военно-морское училище и служил на Балтике и Черном море на пограничных кораблях. Бывший юнга написал книгу «Своими глазами», в которой рассказал о юнгах, учившихся на Соловецких островах. Эта рукопись была опубликована в газете «Сельские зори».

А самым юным юнгой среди анапских мальчишек был пятиклассник Юра Липский, который воевал в 83-й бригаде морской пехоты. Его отец пропал без вести, и мальчишка горел ненавистью к фашистам. Когда курсанты моршколы готовили к взрыву здания и склады, он помог им скрытно пройти мимо Варваровки на Б. Утриш. И моряки взяли его с собой. Позже он окончил курсы радистов и служил на авиабазах ВВС ЧФ. Присягу он принял лишь за четыре дня до окончания войны. Вернувшись в Анапу, он доучился в семилетке, и долгие годы работал в нашем городе.

Подводя итоги небольшого исследования, можно сделать следующие выводы, что только из маленькой довоенной Анапы около 30 мальчишек и девочек сражались с фашистскими захватчиками в подполье и партизанских отрядах, сынами полков и юнгами ВМФ.

Участие детей в войне, в защите своей Родины было массовым. Это говорит о том, что им была не безразлична судьба их Родины. Они, наравне со взрослыми, били ненавистного врага, приближали Победу, как могли: в партизанских отрядах, на кораблях или в окопах. Таким было поколение детей грозных сороковых годов XX столетия. И оставшиеся в живых к 50-летию Победы установили памятный знак «Без вести пропавшим от детей войны» у мемориала на старом кладбище.

Отгремели залпы победного салюта. Солдаты возвращались домой. И с ними тысячи бывших юнг и сынов полков, юных партизан возвращались к мирной жизни. Об их боевом пути напоминали лишь боевые награды Родины. 36000 школьников СССР были удостоены орденов и медалей. Сотни памятников юным героям разбросаны по городам и весям страны. В укромном урочище Лобанова щель высится обелиск юному партизану Толе Алёхину, а в центре города по улице Кати Соловьяновой памятный знак юной подпольщице. Есть улица и юного партизана Ивина.

Вечная память павшим и живым защитникам, освободителям, отстаившим честь и независимость нашей Родины.

ХОМЕНКО Татьяна Константиновна – родилась на Вологодчине в 1946 г. Жила и получила образование в Ленинграде – полиграфист (ЛИПТ, 1965 г.). Трудилась в Анапе: главным инженером Анапского полиграфического объединения (1969-1979 гг.), затем более 30 лет – в Анапском археологическом музее, возглавляя отдел научно-просветительной работы. Литературным творчеством занималась со школьных лет. Автор двух книг: в 2006 г. – «Путь длиною в сто лет» – история Анапской типографии, и в 2009 г. – «Продолжи песню леса» – история её рода – Горышних. Публиковалась в краевых и местных периодических изданиях: журнале «Родная Кубань» № 2 в 2013 г., в ежегодном журнале «Санаторно-курортное лечение и отдых в Анапе», «Человек труда», «Литературная Кубань», газетах «Анапское Черноморье», «Анапа», «Черноморка» и других. Награждена: медалями «За долголетний добросовестный труд», «За вклад в развитие курорта Анапа». Член Союза писателей г.-к. Анапа.

ДОРОГИЕ МОИ ЗЕМЛЯКИ

Согласитесь, любой город без памятников, старинных зданий, улочек никому не интересен. Жить в нём, наверное, можно, а вот любить нельзя. Душой города являются люди, каждый со своей судьбой, своей биографией. И только когда становятся известными их завершившиеся земные жизни – город оживает. Память – это особая категория бытия. Возможно, другое измерение, в котором живёт Прошлое. Живёт независимо от нас, расширяя границы настоящего и перенося нас в минувшие годы, порой радостные, а порой печальные.

Анапа, город воинской славы, хранит память о ратных подвигах и трудовых свершениях своих жителей. Всё чаще улицам Анапы присваиваются имена соотечественников, устанавливаются их бюсты и мемориальные доски. В этом номере журнала мы рассказываем об анапчанах – лауреатах Государственной премии СССР конструкторе гидросамолётов А.С. Корытине и физике-ядерщике В.П. Добряке, а также о профессоре Кубанского государственного университета О.Г. Кукосяне.

Мы приглашаем к сотрудничеству читателей, имеющих интересные материалы об известных анапчанах, являющихся гордостью города и его жителей.

ДВЕ ОРБИТЫ АВИАКОНСТРУКТОРА КОРЫТИНА

*«Разве мысль ограничить пределами!
Суть не в громе парадных фраз.
Мы дела свои молча делали,
И дела говорят за нас».*

И. Исаев

Андрей Сергеевич Корытин, авиаконструктор и лауреат Государственной премии, – личность для Анапы знаковая. Судьба человека, талантом и трудом вложившего свой «кирпичик» в фундамент силы и славы страны и своей малой родины, может стать летописью земли, взрастившей его. Такая жизнь – образец служения отчизне.

Андрей Сергеевич Корытин родился в 1907 г. в Темрюке. В 1912 году его родители с четырьмя детьми (три сына и дочь) переехали в Анапу, тогда – Темрюкского уезда. Жили на улице Гребенской. В десять лет Андрей, третий ребёнок в семье, стал работать учеником в жестяной мастерской, в 14 лет вступил в комсомол, работал строителем. В фондах Анапского музея хранится любопытный документ того времени – комсомольская характеристика Андрея Корытина, подписанная секретарём РК ЛСМ Кравченко. Вот строки из неё: «Член РК ЛСМ Андрей Корытин в союзе работал активно с первых дней своего вступления. Бессменно работал секретарём ячейки. С работой справлялся, к обязанностям относился аккуратно и добросовестно. Очень энергичен и инициативен, способен на организаторскую союзную работу. Как товарищ – честный, трезвый. Как комсомолец – выдержанный, дисциплинированный, политически подготовлен». Через год его избрали секретарём комячейки строителей.

Участвовал в боевых операциях ЧОНа. Из протокола заседания бюро Анапского райкома ЛСМ от 22 мая 1925 года: «Присутствовали: Баранов, Кравченко, Рудницкая, Воронков. Слушали: о посылке на Кубанский рабочий факультет. Постановили: выделить товарища Корытина А.С.». По направлению комсомола три года (1925–1927 гг.) обучался на Кубанском рабфаке. В 1928 году женился на анапчанке с соседней улицы Шевченко – Яновской Антонине Иустиновне, активной комсомолке, театралке-«синеблузнице», одной из первых пионервожатых в Анапе, организовавшей из 20 детей отряд им. Розы Люксембург.

Поженились и разъехались на учёбу: он – в Новочеркасский политехнический институт, она – в Новороссийское училище дошкольного воспитания.

Три года А.С. Корытин – в числе лучших студентов. В 30-м году призыв Родины: «Комсомол – в авиацию!». Как успешно справляющийся с учебной программой, для продолжения учёбы Корытин переводится на 3 курс Донского политехнического института на авиационное отделение. Это было первое учебное заведение в нашей стране, дающее кадрам авиации высшее образование. Открыто оно по решению партии об укреплении обороноспособности страны. В 1933 году А.С. Корытин окончил авиационное отделение Донского политехнического института, получил диплом инженера-механика по самолётостроению.

Опытное конструкторское бюро

В 1934 году молодая семья Корытиных прибыла в Таганрог. Андрей Сергеевич стал работать здесь во вновь организованном ОКБ МС – опытном конструкторском бюро морского самолётостроения. Проектированием, постройкой и лётным испытаниям морской авиа-

ционной техники в этом бюро Корытин занимался 35 лет, последние 17 лет – в должности заместителя Главного конструктора Г.М. Бериева.

Конструкторское бюро, численностью примерно в 25 человек, размещалось в одном общем зале. Каждый новый самолёт – коллективное творчество, выношенное и выстраданное его творцами, это – часть их жизни. Корытин начинал трудиться рядовым инженером на конструкторском сопровождении серии морских ближних разведчиков – самолётов МБР-2.

Серийное производство гидросамолётов МБР-2 возложено руководством отрасли на Таганрогский авиационный завод – одно из старейших предприятий страны, имеющее большой опыт изготовления морских самолётов и ставшее, благодаря выбору Главного конструктора Г.М. Бериева, с той поры и по настоящее время, центром гидросамолётостроения в Советском Союзе – России. Уже с мая 1934 года завод начал планомерную сдачу серийных машин заказчику. В годы Великой Отечественной войны гидросамолёты МБР-2 принимали участие в сражениях на всех флотах Военно-Морских сил страны: Балтийском, Северном, Черноморском, Тихоокеанском. Особенно проявили себя в боях за оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя и в битве за Кавказ.

Диапазон интересов ОКБ МС чрезвычайно широк: от небольших гидросамолётов до самых тяжёлых самолётов-амфибий; от крылатой ракеты до лёгкого пассажирского самолёта – воздушного микроавтобуса; от поршневых гидросамолётов до реактивных, в том числе и сверхзвуковой гигантской летающей лодки.

В истории страны шёл зловещий период культа личности Сталина. Надо ли говорить, что жизнь конструкторов стала сложной и опасной. Специалист мог попасть в опалу только за смелость научных суждений, за неординарность представлений. В 30-е годы большинство талантливых авиаконструкторов оказались под арестом и отправлены в лагерь. Там из них формировали особые технические бюро (ОТБ), существовавшие в системе ОГПУ-НКВД-МВД СССР под различными названиями.

В 1939 г. из осуждённых авиаконструкторов сформировано ЦКБ-29, в котором работали А.Н. Туполев, В.М. Петляков, В.М. Мясищев, Д.Л. Томашевич, Р.Л. Бартини, С.П. Королёв. Ими спроектированы, построены и запущены в серийное производство бомбардировщики Пе-2, Ту-2, истребитель «110», штурмовик «Пегас».

Вообще, спецлаборатории и мастерские МГБ СССР могли выполнить задание практически любой технической сложности. Здесь в своё время работали талантливые учёные и инженеры, нередко из числа бывших заключённых. Многие из них – А.Н. Туполев (1888–1972 гг.), М.В. Келдыш (1911–1978 гг.), С.П. Королёв (1906/07–1966 гг.), Л.К. Рамзин (1897–1978 гг.) – широко известны в стране. Литературный вариант жизни и деятельности сотрудников таких закрытых миру спецлабораторий представил лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын в романе «В круге первом».

Ряд осуждённых и вольнонаёмных специалистов ОТБ (особых технических бюро) удостоены высоких наград. За выдающиеся заслуги в деле создания новых образцов военной и специальной техники А.Н. Туполеву, В.М. Петлякову, А.Д. Чаромскому, А.С. Бакаеву присуждены Государственные премии, и они освобождены со снятием судимости. Награждены орденами и освобождены со снятием судимости также: С.П. Королёв, В.П. Глушко, Е.П. Иконников, С.И. Лодкин, М.Ю. Цирульников, П.Г. Гойкинс и многие другие.

С июля 1941 по март 1953 г. деятельность ОТБ прекращена (приказ МВД СССР № 0046 от 30 марта 1953 г.)

Летом 1939 г. аэрогидродинамик А.С. Корытин становится ведущим инженером по испытаниям доработанного МБР-7. В дальнейшем – участником испытаний почти всех опытных морских самолётов, созданных коллективом ОКБ МС Г.М. Бериева.

В конце 1940 – феврале 1941 года в Севастопольской бухте проходили испытания корабельного самолёта-разведчика КОР-2. В составе бригады испытателей – А.С. Корытин. Серийное производство этих гидросамолётов поручается механическому заводу № 288 в посёлке Савёлово, что на правом берегу Волги, против города Кимры. Ядром ОКБ, вы-

ехавшего в Савёлово с Г.М. Бериевым в марте 1941 года, стали два десятка соратников, среди них – А.С. Корытин. В Савёлово налажен серийный выпуск КОР-2, но грянула Великая Отечественная война.

В 1941 году он вступает в ряды ленинской партии.

С первых дней войны Европа содрогнулась от ужаса и захлебнулась от горя. Несмотря на сопротивление Красной Армии, вражеские войска продвигались вглубь нашей страны: 8 сентября окружён кольцом блокады Ленинград, 19 сентября фашисты захватили Киев. Германская группа «Центр» 30 сентября начала операцию под названием «Тайфун» – захват Москвы. Осенью развернулись ожесточённые бои за Москву. Обстановка требовала срочно перебазировать оборонные предприятия страны из европейской части.

Эвакуация

Война требовала мужества не только от солдат и офицеров, защищавших Родину с оружием в руках, но и от тех, кто ковал победу в тылу. Вынужденное отступление Красной Армии, угроза захвата противником важнейших экономических районов поставили перед страной трудную задачу перебазирования промышленности из западных районов в восточные. За первые 6 месяцев войны на восток эвакуированы сотни промышленных предприятий, миллионы людей. Это была великая, не знающая себе равных, эпопея героического труда.

На подготовку к эвакуации работников завода и заводского оборудования Г.М. Бериеву предоставили всего три дня. Первые эшелоны ОКБ Г.М. Бериева выехали 15 октября 1941 года. Вместе с семьями других специалистов были отправлены в эвакуацию и Корытин с женой. Вспоминает Антонина Иустиновна: «Только тронулись мы с Савёловского вокзала Москвы до станции Сонково – нас, как щепки, разбросало в разные стороны. Это гитлеровские самолёты бомбили эшелон. На платформах – самолёты и 200 семей рабочих завода, имелись убитые и раненые. Казалось, уже ничто и никто не вселит уверенности в находящемся в эшелоне в том, что можно двигаться дальше. Снег, мороз, вещи разбросаны, люди – тоже... Собрали людей, устроились на ночлег. А утром под бомбёжкой снова двинулись в путь». Пункт назначения – город Чкаловск Горьковской области.

Но уже 6-7 ноября Горький сам подвергся ожесточённому налёту немецкой авиации, и там тоже началась эвакуация оборонных предприятий города. Поэтому «бериевцам» пришлось следовать дальше на восток, в город Омск. Только к концу ноября эшелоны прибыли к месту назначения.

Больше месяца в пути, без элементарных удобств и бани, на скудном сухом пайке – это ли не человеческий подвиг? Местные власти разместили приехавших не в самом Омске, а в маленьком посёлке Коломзино – пригороде. Там уже работали прибывшие ранее коллективы ОКБ В.М. Мясищева и Д.Л. Томашевича. Коллектив А.Н. Туполева использовал заводской аэродром для лётных испытаний.

Поэтому самой сложной задачей оказалось размещение людей. В одну комнату вселялись по 2-3 семьи. Местные жители приютили измученных тяжёлой дорогой людей, старались помочь тёплыми вещами. Но самым страшным было чувство голода, которое ощущалось постоянно, оно не оставляло человека ни на работе, ни дома. Покупать продукты на рынке оказалось не по карману: булка хлеба стоила 300-400 рублей, ведро картошки – 300, а среднемесячный заработок конструктора составлял около 1000 рублей без вычетов.

Чтобы как-то выжить, заводчане с весны взяли участки земли и выращивали картошку и овощи. Многие мужчины по совместительству работали на погрузке муки на железнодорожной станции или разгружали баржи на пристани. Переноска мешков весом до 60 кг и вытаскивание тяжелых брёвен из ледяной воды стало суровым испытанием для людей интеллектуального труда.

Отапливались дровами, традиционным местным топливом, которое сами добывали

в тайге, порой и за 300 км. В Сибири зимы длинные и лютые, дров требовалось много, поэтому для их заготовки на заводе организовали отряд «лесорубов» из числа молодых сотрудников.

Из-за отсутствия достаточных производственных площадей конструкторов Г.М. Бериева разместили в здании мельничного комбината. Особенно трудно с электроэнергией. Из-за её нехватки в городе полностью отключался свет. В этих сложнейших условиях из привезённых агрегатов и узлов удалось достроить несколько самолётов КОР-2 и сдать их военной комиссии по приёмке авиации ВМФ. Во время войны КОР-2 (он стал ещё и прекрасным пикировщиком) успешно действовал в составе Балтийского и Черноморского флотов: занимался разведкой, бомбометанием, корректировкой артиллерийского огня и спасением пострадавших на море.

Шла война... Главные сражения происходили на сухопутных фронтах, и для них в первую очередь требовались в большом количестве «свои» сухопутные самолёты. Ресурсы страны находились на строгом учёте. Но, несмотря на это, ОКБ морского самолётостроения сохранили и оно имело возможность заниматься перспективными разработками. Дальновидное решение впоследствии полностью себя оправдало. А пока практически отсутствовала производственная база.

Эту проблему решили в Москве: приказом Наркомата авиационной промышленности (НКАП) от 5 мая 1943 года предписывалось коллективу Г.М. Бериева перебазироваться в Красноярск на ремонтный завод № 477 – бывшие мастерские по ремонту катеров для Главсевморпути. С условием, что на новом месте будет обеспечен выпуск серийных КОР-2 с программой: 5 машин – в 1943 году и 50 машин – в 1944 году.

Перебазировка в Красноярск

Известие о перебазировании в другой город в коллективе воспринялось с большой радостью. Всем казалось, что с переездом в Красноярск можно будет избавиться от голода и тяжёлых жилищных условий. Сборы в дорогу были недолги. Личный багаж – в основном носильные вещи, которые ещё не успели обменять на продукты питания. Погрузив в вагоны агрегаты и узлы незавершённых КОР-2, стапеля и другое имущество из заводского оборудования, конструкторы и рабочие с семьями в июне 1943 года прибыли в г. Красноярск.

Всего через несколько месяцев первые КОР-2 построены, облётаны и направлены на фронт в воинские части. Чтобы понять чего это стоило, надо вспомнить известный фильм «Особо важное задание». Лозунг «Всё для фронта, всё для победы» на заводе – закон для всех. Официально рабочий день длился 12 часов в сутки, но, как правило, его продолжительность составляла 15-16 и более часов. Часто, в целях экономии сил, спать оставались в цехах. Не хватало продовольствия и топлива. Основная масса сотрудников жила по несколько необычному адресу: «г. Красноярск. Правый берег Енисея. Авиадом». Здесь, в квартире 62, жила семья Корытиных. Авиадом находился в нескольких километрах от завода. Транспорта никакого не было, и приходилось ходить на завод пешком в любую погоду.

Зарплата в то время мало что значила: на неё можно купить не более двух-трёх литров молока. Большим подспорьем стал выдаваемый на заводе паёк. В него входили: папиросы, водка, спички, предметы одежды. Всё несъедобное из пайка немедленно отвозилось в дальние деревни и обменивалось на картофель, муку, масло и другие продукты. Люди перебивались, как могли.

Понимая, что невозможно добиться военного преимущества на море только с помощью надводных кораблей и подводных лодок без взаимодействия их с морской авиацией, Г.М. Бериев задумал разработать новую патрульную летающую лодку с большим радиусом действия и высокой скоростью полёта, получившую впоследствии индекс ЛЛ-143 (летающая лодка – проект 1943 года). Налаживая в Красноярске серийный выпуск КОР-2 (кора-

бельные самолёты на вооружении крейсеров), конструкторский коллектив в то же время приступил к перспективным разработкам новой летающей лодки для флота – ЛЛ-143. Ближайшие соратники Г.М. Бериева при разработке ЛЛ-143 – первоклассные специалисты, прошедшие школу создания морских машин МБР-2, КОР-1, КОР-2, МБР-7, особенно, дальнего морского разведчика МДР-5. Драгоценный опыт они направили на рождение нового замечательного гидросамолёта.

Организовать в этих условиях создание гидросамолёта – дело очень непростое. С кадрами на заводе – не густо: коллектив конструкторов, сильно поредевший за два года войны, насчитывал 40 человек, а рабочих и технологов – около 100. Среди ближайших соратников Главного конструктора при разработке ЛЛ-143 был и инженер-гидроаэродинамик А.С. Корытин.

Для развёртывания работ остро не хватало квалифицированных кадров: обратились в горком комсомола с просьбой помочь. На заводе появились девочки и мальчики 15-16 лет. На ходу, не отрываясь от основной работы, обучали этих молодых помощников несложным процессам: черчению, клёпке, сборке, шаблонированию. Большой энтузиазм, высокая дисциплина труда и организованность всех звеньев, желание каждого сотрудника внести свой вклад в дело победы над врагом, позволили крохотному коллективу за рекордно короткий срок разработать и построить новую большую морскую машину. Весной 1945 года первый опытный гидросамолёт ЛЛ-143 собран.

Окончание Великой Отечественной войны А.С. Корытин встретил с коллективом в Красноярске. Сотрудники опытного завода со своими семьями отпраздновали День Победы на острове Молокова, расположенного на Енисее против заводских построек. Наступили мирные дни.

Из эвакуации возвращались коллективы промышленных предприятий. Работников опытного завода морских самолётов тоже невыносимо потянуло домой, на юг, в Таганрог. Каждый готов отправиться пешком по шпалам в родные края. Вокруг вопроса «где быть заводу» шли ожесточённые споры и борьба. Директор завода И.Я. Рехтман и руководители Красноярского крайкома партии считали, что завод должен остаться на месте: это способствует индустриализации региона и сохранению кадров в Сибири. Руководители ОКБ считали, что заводу лучше всего вернуться в Савёлово – находиться вблизи от научных и административных центров и предприятий-смежников. Но Главный конструктор считал, что завод мог располагаться только на южном море, потому что для разработчиков гидросамолётов море – основа основ. Высшие руководители с этим согласились, и в конце декабря 1945 г. было принято решение о перебазировании завода в Таганрог.

Возвращение в Таганрог

На железнодорожную станцию подали платформы для станков и оборудования, а теплушки – для людей. Погрузка проходила днём и ночью, в жестокий мороз, при прожекторном освещении. Неожиданное распоряжение: отцепить все вагоны с оборудованием, станками и отправить сначала только вагоны с людьми. Дело в том, что железная дорога в это время была перегружена эшелонами с солдатами, возвращающимися домой после войны с Японией. Естественно, каждый сопровождающий считал свой эшелон самым важным и требовал пропустить его без задержки. Только благодаря находчивости начальника эшелона, первого заместителя Г.М. Бериева – Георгия Сергеевича Тришкина, состав двинулся не несколько месяцев, а всего 30 дней. Начальник установил у дверей своей теплушки 20-ведёрную бочку со спиртом и кружку. При возникающих проблемах передвижения Тришкин оперативно решал их с учётом «человеческого фактора». На всех станциях от Красноярска до Таганрога, днём и ночью к этой бочке шли «нужные» люди: сцепщики, составители поездов, диспетчеры, кочегары и все те, кто хоть в какой-то мере способствовал продвижению состава вперёд. Умеренная порция спирта выделялась и своим, тем, кто промёрз на ветру или валился от усталости с ног.

Эшелон прибыл в Таганрог в начале февраля 1946 года прямо на территорию авиаци-

онного завода им. Г. Димитрова. В городе пригревало солнышко, как будто ранней весной. Многие из местных жителей глядя на приезжих, невольно принимали их за заключённых, только что освобождённых из лагерей: поношенные ватники, шапки, тулупы, рассчитанные на сибирские морозы.

Круг странствий замкнулся: ОКБ вернулось туда, откуда начинало свой путь. Исполнилась многолетняя мечта многих сотрудников, вернувшихся в город, где родились и выросли, где жили их родные и знакомые.

Таганрогский серийный завод сам бедствовал с производственными площадями: на месте основных цехов лежали груды битого кирпича и фермы, искорёженные огнём и взрывами. В помещении конструкторского бюро было сыро и холодно. Работали в пальто, валенках и варежках. Для отопления использовались железные печи. Производственникам – и того хуже. Для них выделили корпус без крыши над головой. От ветра и снега загоразживались листами фанеры и дюрала. И так – до наступления тепла.

Заводские помещения восстанавливались пленными немцами и японцами. Примечательно, что последние себя пленными не считали, заявляя, что их послал Микадо помогать Сталину восстанавливать разрушенную страну.

Сразу после возвращения в Таганрог коллектив ОКБ приступил к лётным испытаниям ЛЛ-143, – в разобранном виде лодка доставлена сюда из Красноярска по железной дороге. Одновременно начинался новый интересный творческий этап: приступили к разработке на базе самолёта ЛЛ-143 новой летающей лодки Бе-6, которая бы осуществляла дальнюю морскую разведку, несение патрульной службы по охране морских рубежей, бомбо-торпедометание, поиск подводных кораблей, постановку минных заграждений и другие цели. Полётная масса самолёта достигла 25 тонн, экипаж составил 8 человек. В содружестве с научно-исследовательскими институтами был проведён целый комплекс специальных экспериментальных работ по изучению мореходности и прочности гидросамолётов. Новая патрульная лодка-гидросамолёт Бе-6 в научном плане стал выдающимся творением конструкторской мысли, явился этапной машиной. За его создание и успешное решение комплекса научно-технических вопросов Г.М. Бериеву присвоено звание лауреата Государственной премии, а сотрудники опытного завода получили правительственные награды.

Ещё в годы войны в нашей стране развернулись работы по созданию реактивной авиации. Первые боевые истребители с отечественными турбореактивными двигателями были созданы в 1946 году в коллективах Артёма Ивановича Микояна, Александра Сергеевича Яковлева, Семёна Алексеевича Лавочкина и Павла Осиповича Сухого. Многие ОКБ после войны (в 1948 г.) оказались закрыты. Таким образом, с этого времени таганрогское ОКБ Г.М. Бериева оказалось единственным в Советском Союзе, занимающимся созданием морских самолётов.

После войны произошел значительный перелом в авиации. Время требовало новой техники. Стали создавать реактивные самолёты – летающие лодки с реактивными двигателями.

Задание на разработку новой темы – реактивная летающая лодка (Р-1) – получено начальником предварительного проектирования А.С. Корытиным и ведущим конструктором А.Г. Богатырёвым 25 июня 1947 года. Они же входили и в бригаду испытаний Р-1. Многие в работе было новым, доработки самолёта продолжались до июля 1953 г. В серийный выпуск летающая лодка не пошла, стала использоваться как экспериментальный самолёт. Но был приобретён бесценный опыт.

Летающий крейсер Бе-10

В ОКБ, в отделе общих видов, руководимом А.С. Корытиным под непосредственным техническим руководством Главного конструктора, по заданию заказчика разрабатывалась новая летающая лодка-амфибия с двумя турбовинтовыми двигателями. Новый пятидесятитонный боевой реактивный гидросамолёт-разведчик и торпедоносец – «Летающий крейсер» получил индекс Бе-10.

Организовали творческую группу примерно из 20-ти наиболее квалифицированных конструкторов от всех подразделений ОКБ. Их разместили в отдельной, закрытой от посторонних глаз комнате, которую шутники тут же прозвали «Сочи-Мацестой». Собранные вместе конструкторы могли оперативно согласовывать взаимно связанные вопросы. Здесь же обсуждать их с руководителями своих бригад и утверждать решения у Главного конструктора, начинающего свой рабочий день с утреннего разбора сделанного. На столах «курортной» зоны «Сочи-Мацеста» развернулась кипучая деятельность по главным направлениям – до полной увязки конструкций самолёта и его оборудования. (Это стало традицией: конструктивная завязка каждого нового изделия проходила по отлаженной схеме в комнате «Сочи-Мацеста»). Атмосфера общего подъёма предопределяла получение выдающихся результатов. И уже в октябре 1955 года сборка самолёта Бе-10 закончена. А начинать заводские лётные испытания в уже подмерзающем Таганрогском заливе нельзя.

Испытательная база в Геленджике

Г.М. Бериев предвидел эти сроки, и поиск места для испытательной базы на побережье незамерзающего моря начался ещё в 1949 г. Облетев побережье Чёрного моря, свой выбор Главный конструктор остановил на г. Геленджике. Там в районе Тонкого мыса имелась превосходная бухта и остатки воинской базы (полуразвалившийся сарай) с еще приличным бетонированным спуском в море для гидросамолётов. Место, представляющее собой практически пустырь, необходимо превратить в участок завода, где люди могли бы удобно жить и работать. Надо обустроить базу: построить производственные помещения, оснастить и оборудовать их, построить бытовки, столовую, высокий забор вокруг территории, защищающий базу от любопытных глаз.

Самолёт Бе-10 для отработок и прохождения лётных испытаний в ноябре 1955 г. отбуксирован из Таганрога. Сначала – в порт Мариуполь, а затем – в специальном самоходном доке по Азовскому и Чёрному морям перебазирован в Геленджик. Одновременно для обеспечения и проведения лётных испытаний сюда прибыла большая группа заводских специалистов-эксплуатационников, бригада испытателей, а также рабочие и обслуживающий персонал. Весь этот коллектив со всеми производственными и житейскими проблемами Г.М. Бериев поручил возглавить на месте своему заместителю Андрею Сергеевичу Корытину.

Главный конструктор, поручая дела на Геленджикской базе Корытину, хорошо знал, что Андрей Сергеевич, со свойственной ему энергией и необыкновенной требовательностью к себе и подчинённым, организует на новом месте хорошо слаженное подразделение завода, которое сможет успешно провести испытание нового реактивного гидросамолёта.

А.С. Корытин обладал необыкновенной работоспособностью и эрудицией. Главная черта характера Андрея Сергеевича – ответственность за порученное дело. Здесь он становился жёстким, решительным. Такой пример воспитывал в подчинённых трудолюбие и ответственность. Он ценил главное в человеке: компетентность специалиста и его дисциплинированность. Сам глубоко вникал в многочисленные проблемы, обсуждал их со своими сотрудниками (хорошая привычка руководителя – советоваться с подчинёнными), только потом принимал решение и требовал уже безоговорочного его выполнения. А.С. Корытин на работе строг, этого требовали обстановка, связанная с жизнью большого коллектива, долгое время пребывающего в отрыве от дома, и большая ответственность за судьбу создаваемого опытным заводом самолёта. Подчинённых, попавших под град критики, защищал бескомпромиссно, относил критику только в свой адрес.

Зима 1955–1956 гг. прошла в завершении монтажных работ и отработке самолётных систем и оборудования. Г.М. Бериев часто бывал в Геленджике. Прибыв на место, управление всеми делами брал в свои руки.

Гидросамолёт Бе-10 выдерживает государственные испытания и принят для серийного строительства. Эта машина стала выпускаться на Таганрогском авиационном заводе в 1958

году и поступать на снабжение одной из воинских частей ВВС Черноморского флота. Всего до 1961 г. изготовлено 27 машин. О техническом уровне Бе-10 свидетельствуют 12 мировых рекордов скорости, высоты и грузоподъёмности. Создан морской самолёт с выдающимися лётно-техническими и мореходными данными – первый в мировой практике высотный реактивный гидросамолёт-разведчик.

В 1961 г. на авиационном празднике в Тушино впервые демонстрировались реактивные летающие лодки Бе-10. Но через 2 года дальнейшая боевая служба первого реактивного гидросамолёта-разведчика прекратилась. Так Бе-10, «Летающий крейсер», прожил недолгую, но яркую жизнь в истории отечественной авиации.

Лётная станция, принявшая структурные формы на испытательной базе в Геленджике, детище А.С. Корытина, позднее преобразована в лётно-испытательный комплекс (ЛИК) со всеми необходимыми службами и отделами: лётной, испытательной, эксплуатационной и другими. Лётно-испытательный комплекс в Геленджике стал одним из важнейших звеньев Таганрогского опытного завода. (P.S. В настоящее время на территориях Геленджикского лётно-испытательного комплекса ОАО «ТАНТК им. Г.М. Бериева» (гидробазы) и международного аэропорта «Геленджик» по традиции каждый чётный год проводятся Гидроавиасалоны: работает международный выставочный комплекс, проводится научная конференция по гидроавиации. Над Геленджикской бухтой показывается уникальная лётная программа, в которой принимают участие лучшие лётчики России, всемирно известные пилотажные группы).

Затем ОКБ Г.М. Бериева досрочно выполнена программа по теме нестандартного задания: самолёт-снаряд П-10 (или крылатая ракета), блестяще выдержавший испытание, передан флоту для тренировок.

«Чайка» – самолёт-амфибия Бе-12

В мае 1956 г. в ОКБ поступило техническое задание на создание нового самолёта-амфибии для борьбы с подводными лодками и спасения людей в ближней морской зоне. Тема разворачивалась медленно, только через два года открыли дорогу для создания самолёта-амфибии «Чайка» с индексом Бе-12. Государственные испытания машины окончены 20 апреля 1965 года. Самолёт-амфибия Бе-12 стал выдающимся достижением коллектива. На нём в разное время установлены 42 мировых рекорда. Создание самой большой в мире летающей лодки с высокими техническими характеристиками свидетельствовало о том, что Военно-Морской Флот получил надёжное оружие для защиты Родины от подводного флота противника. Создание самолёта-амфибии Бе-12 «Чайки» отмечено Государственной премией СССР и орденами «Знак Почёта», полученными только в 1968 году. Лауреатами премии от Таганрогского машиностроительного завода стали шесть человек: Главный конструктор Г.М. Бериев, заместители главного конструктора начальники отделов КБ А.С. Корытин, А.К. Константинов, Х.Д. Кудзиев, начальник отдела прочности В.П. Терентьев и главный инженер завода К.И. Панин.

Бе-12 стала любимой машиной морских лётчиков. Самолёты-амфибии до настоящего времени несут боевую службу на всех флотах нашей страны, в том числе и в соседней с нами Севастопольской бухте.

Обращение к сухопутному самолёту не случайно, а закономерно. Переход опытного завода к новой гражданской, сухопутной теме не прост. С получением нового задания для разработки лёгкого пассажирского самолёта Бе-30 работа в ОКБ вновь закипела. Менее чем за два года самолёт сделан и вызвал большой интерес. Первый полёт самолёта состоялся 8 июня 1968 года. Но А.С. Корытин на нём не присутствовал. В 1967 году ему исполнилось 60 лет, и он ушёл на заслуженный отдых.

Так случилось, что семья Корытиных своих детей не имела. Всю свою нерастрченную любовь супруги щедро дарили молодёжи. Недавно, в послевоенном частном архиве,

обнаружились фронтовые письма (1941–1945 гг.) Луцкука Георгия, их родного племянника по линии жены А.И. Яновской-Корытиной. «Дяде Андрюше и тётке Тоне» Корытиным адресованы 19 сохранившихся писем. В них звучит благодарность Георгия за заботу о нём и материальную поддержку. Около пяти военных лет супруги писали племяннику на фронт, посылали ему деньги, а сами жили в тяжелейших условиях в эвакуации в Красноярске. Гибель любимого племянника в конце апреля 1945 г. переживали тяжело. После войны забрали к себе в Таганрог другого племянника, брата Георгия – Николая, и племянницу Татьяну, дочь младшего брата Корытина – Сергея. Наставляли, помогали молодым во всем до самого своего отъезда из Таганрога.

Возвращение в Анапу

В 1967 году семья Корытиных вернулась в родную Анапу. С этого времени началась вторая, земная орбита жизни Андрея Сергеевича.

Они никогда не имели своего дома, поэтому сразу занялись строительством собственного дома в Анапе – на улице Шевченко.

Потенциал личности Андрея Сергеевича ещё не исчерпан. Неповторимый исторический образ Анапы, удивительные тайны древней Горгиипии заморозили его ещё с юности, стали мечтой. Теперь появилось время, и оно было отдавалось его второму призванию. Находясь на пенсии, он очень серьёзно занялся изучением истории Анапы, её археологического прошлого. А какие интереснейшие проводились походы со школьниками Гайкодзора! Под руководством Корытина они облазили все сопки, знали все горные речушки в округе. Сколько интересного о том времени рассказывали педагоги А.К. Луспарян и Н.Н. Ваганова!

Несколько лет Андрей Сергеевич работал председателем исторической секции Анапского отделения общества охраны памятников истории и культуры. Трудно представить себе человека, который бы лучше него знал памятники Анапы и района! Он знал все строительные котлованы в городе, ежедневно их обходил, при необходимости останавливал строительные работы и наблюдал за работой археологов, исследовавших культурный слой. Вместе с ответственным секретарем Анапского отделения ВООПИК Н.П. Тюриным они привлекают внимание общественности к судьбе памятников истории и культуры в городе. В том числе и археологии, так как в эти годы решается очень непростая для активно застраиваемой Анапы проблема охранной археологической зоны. Наконец-то в проектно-сметную документацию на любое строительство в городе была внесена графа археологического согласования, обязывающая ведение археологического надзора за разрытием и исследованием – при наличии культурного слоя.

Музейная жизнь

Несколько лет А.С. Корытин трудился в городском музее, которому так понадобились его опыт и знания в решении сложных вопросов организации работы, умение составления официальных бумаг деловой переписки. Самой большой археологической победой Корытина стало сохранение двух раскопов во дворе тогдашнего горисполкома. Здесь планировалось строительство гостиницы «Магнолия», и уже были выделены средства и готова документация. Удалось доказать уникальность памятника, его сохранения и экспонирования. Разбирались с границами заповедной территории: в черту археологического заповедника попал участок на берегу, занятый Северо-Кавказским военным округом. Только А.С. Корытин мог решить этот вопрос: десятки писем в самые высокие инстанции от имени инспектора ВООПИК решили судьбу музея «Горгиипия». Поэтому музей-заповедник, получивший военную территорию, – это и его детище.

В августе 1975 г. произошла сенсационная находка археологов 2-х склепов, названных для удобства – «золотой» и расписной «склеп Геракла». При участии А.С. Корытина

организованы работы по демонтажу склепа, спиливание уникальных фресок. Сотрудники музея оформили выставку археологических находок под открытым небом.

Его знания были энциклопедичны. Молодёжь тянулась к нему. Знали, что у него большая личная библиотека с множеством книг по истории и археологии. Да ещё многие с дарственными подписями их авторов! Позднее эту часть библиотеки Андрей Сергеевич подарил музею. Корытин увлекательно рассказывал молодым музейщикам об авиации, начале своей трудовой биографии, о жизни в эвакуации, о коллегах – конструкторах гидросамолётов. Музейная молодёжь любила Корытина. Его жизненный опыт – убедителен, а удивительная деликатность – импонировала. Он умел разговаривать с людьми любого возраста, его слушали, ему верили.

Щедро отдавал Андрей Сергеевич знания, энергию, жизненный опыт, время и здоровье изучению истории своей малой Родины. С помощью своих друзей комсомольской поры он собрал материала

и написал историю Анапского комсомола, пионерской организации. В фондах музея хранится работа научного сотрудника отдела археологии А.С. Корытина «Местные племена на территории района».

Особенными трудами и заботами А.С. Корытина здание Свято-Онуфриевского храма защищено и сохранено от разрушения: в 1982 году ему придан статус памятника архитектуры XIX века. В 1990 г. храм возвращён прихожанам, и в конце 1991 года – стал действующим.

Умер Андрей Сергеевич Корытин в 1989 году, жена пережила его на четыре года.

В памяти анапчан Андрей Сергеевич Корытин остался не только как авиаконструктор с мировым именем, но и как замечательный человек, настоящий краевед и патриот Анапы.

На пересечении улиц Таманской и Протапова (рядом с отделом краеведения) стоит в сквере Памятный знак: стела с барельефом конструктора и лаконичной, очень скромной надписью: «Андрею Сергеевичу Корытину посвящается». Наверху – модель гидросамолёта Бе-12, создание которого было отмечено Государственной премией СССР. Макет гидросамолёта изготовлен таганрогскими самолётостроителями.

Авторы Памятного знака – художник А.Н. Прошутин и архитектор Ю.В. Рысин. Знак установлен в 1990 г.

«ТРАССУ СЧАСТЬЯ НАЗНАЧИВ ПЛАНЕТЕ...»

Ещё А.С. Пушкин говорил, что талант – это предрасположенность к труду. И все, кому посчастливилось жить и работать с Виталием Петровичем Добряком, отмечают его удивительное трудолюбие. А ещё – его основательные знания, глубокую интеллигентность и незаурядные организаторские способности. Таков наш земляк: поразительно скромный, бескорыстный труженик во славу великого дела – атомного производства.

Виталий Добряк родился 15 октября 1939 года в пос. Сузун Новосибирской области, где жил с отцом и младшим братом Геннадием. Мать рано умерла. В 1941 г., оставив детей у родственников, отец ушёл на фронт. Обездоленное войной, голодное детство его

сыновей. В 1945-м боевой офицер Пётр Григорьевич Добряк вернулся с войны, удостоенный орденами Красной Звезды, Славы III степени и многих медалей. Забрав сыновей, он уехал в Краснодар, где работал лектором крайисполкома. Второй его женой вскоре стала молодая, красивая казачка Серафима Андреевна Худына. Она – известного на Кубани рода Андрея Васильевича Худыны из станицы Крыловской, но жила до Краснодара у родственников в посёлке Витязево Анапского района.

Пётр Григорьевич – человек творческий. Играл на пяти музыкальных инструментах! Прекрасно шил одежду, сам мастерил домашнюю мебель. Играл в шахматы, умел вышивать. В 1948 году у супругов Добряк родилась дочь Алла. Вскоре Пётр Григорьевич получил новое назначение – заведующим Анапским отделом культуры. Семья с тремя детьми переехала в Анапу, поближе к родственникам жены. Сначала снимали комнату на улице Кати Соловьяновой, а затем построили свой дом на улице Северной. Серафима Андреевна стала трудиться продавцом в книжном магазине, директором которого был известный в то время человек – Н.Г. Кузьменко.

В Анапе при активном участии заведующего отделом культуры Добряка с 1953 по 1956 годы построены: кинотеатр «Родина», первый стадион с деревянной трибуной, в парке – первая, деревянная ещё, Летняя эстрада. Пётр Григорьевич неоднократно избирался депутатом Анапского Совета народных депутатов.

Его дети – сыновья Геннадий, Виталий и дочь Алла получили образование в городской средней школе № 2. Вместе с Виталием успешно окончили обучение одноклассники: Червонная Т.В. (с серебряной медалью), Самарцева С.И., Сидорова Ж.Ф., Борисов Г.Г., Бедняков В.Б., Скориков С.И., Кожевникова А.Г., Рощупкин А.И., Фролов Ю.А., Губанов В.Н. Этих дорогих ему людей впоследствии Виталий Петрович очень тепло вспоминал: как во время перемен успевали одноклассники искупаться в море, как устраивали волейбольные баталии, до темноты не расходясь со школьного двора.

После школы Виталий Добряк с отличием закончил Саратовское техническое училище и по направлению работал слесарем в монтажном управлении г. Озерска (Челябинская область).

Ранее Озёрск считался закрытым энским городом. Всё здесь начиналось с лагерей и барачков. И бал там правил сатана ... – Берия. Жертвы тогда не считали, для многих эта дорога – в один конец. Отсюда никому не разрешалось выезжать, даже в отпуск. Была ограничена переписка с родными и близкими. История распорядилась так, что именно здесь оказались исполнителями срочного задания по сооружению первого промышленного реактора крупнейший физик-атомщик, академик АН СССР, лауреат четырёх Государственных и Ленинской премий, трижды Герой Социалистического Труда Игорь Васильевич Курчатov и ... Берия. Но кому – вечная любовь и память, а кому – трава забвения.

Правительство эксплуатировало многих учёных, живших практически изолированно от внешнего мира. Эти выдающиеся специалисты по кибернетике, математике, атомной физике работали для приумножения могущества советского государства. Были разные категории учёных: одни жили, как заключённые, в специальных лагерях, прозванных «шарашками», мастерски описанных лауреатом Нобелевской премии А.И. Солженицыным в его романе «В круге первом». Другие – поселены, главным образом, в Сибири. Целые безымянные города, где производились научные изыскания, обозначались номерами (почтовыми ящиками) и не фигурировали ни на картах СССР, ни в железнодорожных, ни в авиарасписаниях.

Серафима Андреевна стала

В Озёрске Виталий Добряк поступил на вечернее отделение филиала Московского инженерно-физического института. Когда учился на 3 курсе, его призвали в армию. Так как служил он в этом же городе, командование разрешило продолжать учёбу в институте. Днём он служил, вечером учился, а после учёбы, вернувшись ночью в часть, мыл полы в казарме, когда наступала его очередь.

Отслужив в армии, пошёл работать в Озёрске на объект особого назначения – завод 37 (ныне 23) ПО «Маяк» – дежурным техником-механиком.

Времена меняются. Ныне Озёрск, стоящий на берегу большого озера, – ладно скроенный город, с многоэтажными домами и широкими проспектами, множеством современных больших магазинов. Здесь живут доброжелательные люди. Градообразующим предприятием является производственное объединение «Маяк». Это место, куда доставляют для регенерации и хранения ядерное топливо. Вся дальнейшая трудовая биография В.П. Добряка связана с этим городом и этим предприятием: 45 лет своей жизни отдал атомному производству, причём из них 32 года возглавлял отдел главного механика.

По окончании МИФИ у Виталия Петровича начался новый этап трудового пути уже в качестве инженера-конструктора завода. Через шесть лет В.П. Добряка назначили заместителем главного механика завода 23. К этому времени у него уже выработались твёрдые жизненные принципы, которых он старался придерживаться: «Прежде всего, необходимо владеть фундаментальными знаниями по своему роду деятельности. Серьёзная работа не терпит дилетантов. Время быстротечно. Ежедневно меняется мир – нужно успевать за ним. Необходимо учиться всегда. Необходимо любить свою работу».

В 1974 году он возглавил одну из важнейших служб завода – отдел главного механика, обеспечивающего безопасность реакторного производства. Служебное положение обязывает быть авторитетным человеком. А авторитет В.П. Добряка создавался не только знаниями и занимаемой должностью, но и высокими личными качествами, его кругозором, нравственностью и умением общения с людьми.

Проблема реактивных отходов всегда беспокоила людей: как бы они не попали в почву, в воду, не загрязнили атмосферу, не причинили вреда всему живому. Процесс регенерации ядерных отходов очень сложен. Они поступают в специальную дистанционно управляемую печь, где варятся с особым сверхнадёжным стеклом, их разливают по стальным бидонам на двухнедельный отстой. Проходят проверки на надёжность. А потом огромный, весящий 140 тонн робот, отнесёт пеналы в зал хранения, в одну из ячеек на долгие годы. За это время завершится период полураспада большинства элементов, заключённых в стеклянной чушке. Природа серьёзного успеха – в постоянном движении, крупном размахе, большом резонансе, экстремальности самого процесса. Что не означает действия наобум, по наитию. За всем и всегда был умный, грамотный расчёт сил, средств, человеческих возможностей. Всегда – на пределе. Это и есть часть основного процесса.

Нет необходимости рассказывать о тонкостях сложнейших заводских технологий. А вот цифры впечатляют: 70 тысяч точек контроля над процессом, ЭВМ фиксирует каждый «вздох» на заводе, около 40 параметров рассказывают о динамике многотрудного дела. На каждом этапе существует надёжная система защиты. Особенность этого производства – тщательный психологический отбор сотрудников.

Именно «За наладку, пуск и освоение новой физической установки» главный механик завода 23 Виталий Петрович Добряк удостоен в 1982 году Государственной премии СССР. (Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 1 ноября 1982 г. № 11649).

Отдыхать в Анапу Виталий Петрович приезжал с радостью. Здесь живёт семья его сестры Новопашиной (Добряк) Аллы Петровны. Сюда, на свою малую родину, он привозил на отдых свою семью: жену и двух дочерей.

Как же радовало его сердце трепетное чувство, что хранила память с детства и ранней юности! Дивное, бесконечно меняющееся море, прохладное дыхание которого помогало пережить знойное лето. Высокий берег с потрясающими закатами во всё небо и

таинственные, мерцающие в южной ночи, лунные дорожки. Шумный армянский хутор на окраине Анапы, где в тени раскидистых фруктовых деревьев прятались небольшие хатки-мазанки, и шумная ребятня тут же окружала прибывшего гостя. Замшелые камни подсевших крепостных ворот будили воображение былыми славными победами русских войск. А легенды и необычные памятники старого кладбища? Как старались мальчишки медленно, чуть дыша пройти мимо развалин кладбищенской часовни, а потом неслись они во весь дух к крутому спуску на галечный пляж и падали в блаженную прохладу моря!

На его глазах Анапа преображалась, хорошея год от года на современный лад. Она становилась многоэтажнее, удобнее для проживания и местного населения, и гостей, привлечённых возможностью поправить здесь своё здоровье. Всё большую известность приобретал город именно в качестве курорта.

Последний приезд Добряка в Анапу состоялся в сентябре 2006 года. В кругу родственников отметил Виталий Петрович и свой 67-й день рождения. Обошёл все свои любимые места, постоял и сфотографировался у входа в СШ № 2. Был в музее. Тогда только ещё печаталась книга автора этого очерка «Анапская типография: путь длиною в сто лет», в которой несколько страниц было посвящено его отцу: П.Г. Добряк в 1955–1960 гг. работал директором анапской типографии. Виталий Петрович знал о книге и ждал её выхода.

Вернувшись из отпуска, В.П. Добряк скоропостижно скончался. Это случилось 27 октября 2006 года. Как писала озёрская газета «Про Маяк» (№ 3 от 3 ноября 2006 г.): «Не стало гордости и опоры завода 23, «Маяка», отрасли».

Виталий Петрович Добряк – ликвидатор последствий аварии на ПО «Маяк», он награждён медалью «Ветеран труда» (1991 г.), знаком «Ветеран атомной энергетики в промышленности» (2000 год). Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени он получил из рук Президента страны В.В. Путина. Портрет Виталия Петровича неоднократно помещался на Доску Почёта завода и «Маяка», на Аллею трудовой славы. Его имя занесено в Книгу Почёта завода.

В Анапе в конце мая 2012 года, во время Праздника последнего звонка, на здании школы № 2 была открыта мемориальная доска в память о В.П. Добряке. Вступительное слово директора школы А. Алёшкина начиналось стихами:

*«Трассу счастья назначив планете,
Перед временем совестью чист,
Ты за ядерный щит был в ответе...»*

На открытие мемориальной доски в Анапу приезжала семья В. П. Добряка: жена и две дочери. Жена, Лариса Ивановна, ныне пенсионерка, и старшая дочь Елена работали с ним на одном заводе. А младшая дочь Ирина трудится начальником крупного отдела на РАО «ЕЭС России» в Екатеринбурге. Присутствовала сестра Виталия Петровича А. Новопашина с семьёй и анапчанин В. Купчинский, учившийся в школе в параллельном классе с В. Добряком.

Виталий Петрович Добряк гордился своей принадлежностью к поколению романтических и бескорыстных людей, оставивших в истории Отечества самый созидательный и добрый след. К поколению – самому чистому в нравственном плане, но и самому обездоленному: в детстве – войной и послевоенным голодом, в конце трудовой жизни – лихими девяностыми. Его труд вершился ради нашего будущего. Мы будем помнить нашего земляка: стойкого, мудрого, великодушного человека.

НАШЕ ВРЕМЯ ТРЕБУЕТ КЛИНИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ

Есть люди, внутри которых как будто находится маленькая, но очень эффективная электростанция, непрерывно вырабатывающая для своего хозяина энергию. Благодаря этому, человек всегда бодр, свеж, ему до всего есть дело. Он за всё берётся, засучив рукава, он горит в работе, активен в общении с людьми. Таким человеком и был анапчанин Оганес Гайкович (больше известный как Иван Григорьевич) Кукосян, профессор Кубанского государственного университета, доктор психологических наук, заслуженный деятель науки Кубани. А сколько ему присвоено почётных званий: академик Международной академии наук высшей школы, почётный академик Международной академии психологических наук, почётный работник Института экономики и управления в медицине и социальной сфере! Его личность многогранна, учёный добивался успехов в различных отраслях науки даже в самые тяжёлые годы.

В АНАПЕ

Родился Оганес 15 июля 1922 года на хуторе Котломыш Анапского района. Ближайший ЗАГС находился в станице Раевской (в то время входящей в состав Анапского района), там и зарегистрировали это событие. Вскоре семья переехала в село Гайкодзор:

отца избрали секретарём партячейки. Он стал одним из организаторов первого колхоза из армян. Мать работала в колхозе. В семилетнем возрасте Оганес пошёл учиться в Гайкодзоровскую школу (на армянском языке). Окончил обучение уже в СШ № 7 г. Анапы, одной из двух в те годы школ-десятилеток в Анапе. Учился хорошо, активно участвовал в общественной жизни школы. В 1938 г. Кукосяна приняли в комсомол. По болезни глаз он имел освобождение от службы в армии, поэтому не стал фронтовиком во время Великой Отечественной войны. Но лиха хватил сполна.

После освобождения Гайкодзора от фашистских оккупантов Кукосяна назначили председателем сельсовета им. Л.М. Кагановича, он участвовал в восстановлении разрушенных станиц... А шёл ему тогда 21-й год.

Отремонтировал Гайкодзоровскую школу, которой и руководил потом семнадцать лет. Прежде всего, Иван Григорьевич экстерном, за 2 года, окончил с отличием исторический факультет педагогического института (будущего Кубанского университета) в Краснодаре. Сколько же в школе появилось нового в то время! Из семилетней школа выросла в среднюю, её радиофицировали. Впервые по краю для учащихся введена единая форма. Школа имела духовой оркестр и ансамбль баянистов. А сколько было побед на смотрах художественной самодеятельности и в спортивных соревнованиях! И, самое главное, в 1956 году директор организовал в ней школу продлённого дня – заметьте, первую в крае и третью по стране! На четыре года раньше соответствующего Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР.

Иван Григорьевич вступил в партию, избирался депутатом местных Советов. В 1960 году поступил в аспирантуру (заочно), его перевели на должность заведующего РОНО. Два года И.Г. Кукосян руководил отделом народного образования в Анапском районе.

Как же здесь не вспомнить восьмилетнюю школу продлённого дня № 24 – Благодаря вниманию и действенной помощи заведующего РОНО И.Г. Кукосяна она была открыта в 1960 г. в Анапе на улице Серебряной (ныне – улица Ивана Голубца). В апреле 1965 г.

решением горисполкома эта школа переименована – стала № 6, и работала она 15 лет. Школа была создана для трудновоспитуемых подростков, которые своим непредсказуемо вольным поведением наводили страх на жителей города. Дети военного поколения – голодные, рано узнавшие горе, объединённые потерями, безотцовщиной, обрушившейся, как стихия, с простыми желаниями покоя и сытости, с мечтами, придавленными бомбёжками, нищетой и разрухой. Безжалостное будущее грозило многим из них колонией.

Директором этой школы назначили Л.К. Панютина, завучем – Е.Д. Середину. Школа работала в две смены. Тщательно подбирались преподавательский состав, необходимых учителей переводили даже из районных школ. Пришли работать супруги Галас: Алексей Ефимович преподавал физкультуру, его жена – Т.В. Галас и Л. Е. Вартеросян трудились учителями начальных классов. Математике обучала детей Т.В. Михнёва, русскому языку и литературе – В.И. Колесниченко и Л.Н. Дроздова. А немецкий язык преподавала Кукосян Е.И.

«Педагогическая поэма» – долгая и упорная: учителя постепенно завоевывали уважение учащихся, становились их друзьями, упорно вкладывая знания и кропотливо «сея доброе и вечное» в их сердца и души, настойчиво нейтрализуя всяческий негатив в характерах. Со временем дети стали медленно меняться. Анапчане стали шутливо величать школу – «академия».

Двухразовое школьное питание стоило 7 рублей в месяц. Утром после второго урока – молоко с сухариками, после 4-х уроков – полный вкусный обед с борщом, мясным блюдом и компотом. Едва ли не самым главным человеком в школе, после директора и физрука, ученики считали «тётю Эмму», повариху на раздаче в школьной столовой, знавшую по именам всех детей школы и даже их семьи. Из раздаточного окна кухни зоркие глаза тёти Эммы выискивали в толпе очередного счастливца. Ему в карманы ссыпались остатки сухариков, потому что «дома были ещё двое голодных малышей», или в тарелку наливалась добавка борща, «чтоб до утра йисты не просил». Иногда какому-нибудь золотушному пацанёнку наливалось в подставленный им стакан дополнительное молоко – «витамины!».

Таким образом, все дети школы были обласканы, облюблены и вкусно накормлены. Разные памятные события происходили в этой школе, но ни один ученик не попал в колонию! Прекрасный педагогический опыт.

Ещё через два года Иван Григорьевич Кукосян стал заместителем председателя райисполкома: курировал сферы образования, здравоохранения, культуры. Карьера чиновника его не вдохновляла, он предпочёл педагогическую деятельность – то, к чему лежала душа. В 1964 году И.Г. Кукосян переводится на очную учёбу в аспирантуре и переезжает с семьёй в Краснодар.

В КРАСНОДАРЕ

Следующие тридцать восемь лет жизни и деятельности Ивана Григорьевича связаны с Кубанским государственным университетом.

Защитив кандидатскую диссертацию по педагогике, Иван Григорьевич семь с половиной лет являлся деканом художественно-графического факультета Кубанского университета. По сути, спас этот факультет от ликвидации, когда в 1970 г. он попал в список непрофильных в системе университетского обучения. Коллеги и ученики уважительно называли декана меж собой «отцом худграфа».

В это же время Кукосян всерьёз увлёкся психологией, навсегда поразившей учёного своей глубиной и возможностью конкретной помощи людям, попавшим в сложные жизненные ситуации. И уже в 1974 году в университете появилась кафедра психологии, которой Кукосян успешно руководил 16 лет. Он защитил докторскую диссертацию по психологии, стал профессором. Активно участвовал во Всесоюзных конференциях и Международных конгрессах в Германии, Голландии. В 1980 г. на XXII Международном конгрессе психологов И.Г. Кукосян руководил симпозиумом «Межличностное познание».

Это уже международное признание авторитета страны и заслуг учёного. При его участии изданы более 20 сборников научных трудов. И как результат этой деятельности: в кубанских школах появились педагоги-психологи, опыт оказался востребованным школами России. У профессора Кукосяна есть много учеников и последователей в этой области.

Более двадцати лет назад в нашей стране появился Проект закона о дополнительном образовании для взрослых, одним из авторов которого являлся профессор Кукосян. Сколько людей, обладая бесценными знаниями и жизненным опытом, уходило на пенсию, и общество теряло их знания. «Дайте возможность этим людям найти другие точки применения своих способностей, получив дополнительное образование, и трудиться! Психологическая помощь значит не меньше, чем лекарства», – уверен Иван Григорьевич. В 1990 г. на базе кафедры появился факультет по переподготовке кадров, а спустя два года, опять по предложению Кукосяна, при вузе открыт институт, позднее преобразованный в Центр дополнительного профессионального образования. И.Г. Кукосян руководил им, как директор, а затем и как проректор университета. Этот Центр переподготовил более пяти тысяч военнослужащих, уволенных в запас. По сути, адаптировали людей для дальнейшей работы и жизни.

На протяжении многих лет И.Г. Кукосян был самым опытным и авторитетным членом диссертационного Совета в Кубанском госуниверситете. Под его руководством успешно защитили кандидатские диссертации по психологии 17 человек. Он являлся научным консультантом 3-х докторов психологических наук.

И.Г. Кукосян по жизни – созидатель, реально оценивающий события и обстоятельства. И всегда опережающий время! Слово с делом у него никогда не расходилось. Он предлагал и реализовывал передовые идеи, которые прибавляли авторитет вузу. По своим достижениям Межотраслевой региональный Центр повышения квалификации и переподготовки кадров, руководимый Кукосяном, стал четвёртым из 53-х, работающих в нашей стране.

Так было до 2002 года. У Кукосяна было разрешение министерства занимать должность ректора только до 75 лет (в то время существовали ограничения на возраст). А ему 80 – возраст очень приличный. И хотя Иван Григорьевич сохранил живой интерес к жизни, науке, работам коллег – университет он оставил. «И чуть с ума не сошёл!..» – признавался позднее Иван Григорьевич.

Один из его бывших студентов стал директором Института экономики управления в медицине и социальной сфере. Это негосударственный институт, здесь нет ограничений на возраст. И Кукосян опять стал трудиться, уже в этом институте. Опытный профессионал, он чувствовал необходимость дополнительных психологических знаний для врачей и специалистов социальной сферы. В 2003 году он запускает с нуля новый проект, воплощая организаторский и управленческий потенциал в очередное успешное дело. На базе созданного им уже в этом институте такого же Межрегионального Центра повышения квалификации и переподготовки кадров, но теперь – для системы здравоохранения и социальной сферы, стало возможно получение профессионального образования по одиннадцати направлениям! Профессор Кукосян активно участвовал в открытии магистратуры специальностей «Клиническая психология» и «Социальная психология» – в Центре готовят клинических психологов и консультантов по психоанализу. На Западе эти специалисты очень востребованы и относятся к категории высокооплачиваемых. Такая же картина сейчас складывается и в России.

Сегодня в психологической помощи у нас нуждаются более 70 % граждан. Среди них те, кто попадает в кризисные ситуации, становится жертвой различного рода происшествий. Это природные катаклизмы, террористические акты, дорожно-транспортные происшествия и т.д. В их числе – наркоманы, алкоголезависимые, малолетние преступники и больные СПИДом, те, кто склонен к суициду, а также тяжело болеющие пожилые люди, одинокие и инвалиды. Эти люди, в первую очередь, – пациенты психологов.

Что касается психоаналитического консультирования, то впервые в крае оно внедрено именно в этом Межрегиональном Центре повышения квалификации. Руководство Департамента образования и науки края дало заказ на подготовку клинических психологов для своей сферы, что Центр и выполняет уже несколько лет. Всем ясно, что работа в детских домах, школах-интернатах, коррекционных классах, а также борьба с распространением наркомании среди подростков и молодёжи требуют таких специалистов. Институт готовит эти кадры для Краснодарского края и республики Адыгея. С 2003 по 2010 гг. здесь повысили квалификацию и прошли переподготовку более четырёх тысяч работников системы здравоохранения и социальной сферы.

Безусловно, наше время требует клинических психологов. Есть необходимость, чтобы в штатных расписаниях всех лечебных клиник и учреждений социальной защиты были клинические психологи. Они необходимы и для курортной зоны края, поскольку люди едут на отдых и лечение с целым чемоданом проблем психологического характера, о чём часто даже не догадываются. А разве в современных учреждениях здравоохранения и социальной защиты населения не престижно иметь руководителей и специалистов, которых отличали бы хорошие знания и навыки в психологии управления, психологии общения? Это лишь повысит их конкурентоспособность. У института прочные позиции в рейтинге успешных вузов Краснодарского края, осуществляющих подготовку кадров для социальной сферы Кубани. И, как следствие, происходит большая востребованность выпускников этой специальности.

Иван Григорьевич никогда не изменял своему жизненному правилу – жить с пользой для людей. Профессор Кукосян, профессионал высшего класса, будто следовал восточной мудрости, гласящей: «Наши возможности – «кувшин», из которого выливается ровно столько, сколько в нём есть». Вот и лилось из его «кувшина», как из рога изобилия, – бесконечно! Такова была его натура.

Появилась в последние годы у Ивана Григорьевича мечта: тянуло в родные места. Любимая Гора, сады и виноградники... Там, в Гайкодзоре, такой вкусный воздух! Там живут родственники. Понемногу его жена и дочь стали готовиться к переезду.

И ВНОВЬ АНАПА

Мечта сбылась в конце 2008 года: супруги Кукосян вместе с дочерью Ольгой возвратились в родное село Гайкодзор на постоянное место жительства.

Работу свою учёный не оставил. Трудился дистанционно, так принято сейчас во всём мире. «И эффективность труда намного выше: только за один год разработал более 40 нормативно-правовых актов. За неделю подготовил Положение о новой системе оплаты труда сотрудников института, над которым месяца 3–4 потребовалось бы работать, не меньше». Он – абсолютный трудоголик.

В последние годы Иван Григорьевич работал и над проблемой долголетия. Думаю, что главные условия его собственного долголетия – неистребимый оптимизм и доброжелательность. И, конечно, его семья, которой он бесконечно дорожил. Как в почтенном возрасте не просто существовать, созерцая мир, а качественно жить с пользой для окружающих? Вот его рекомендации: «Наукой доказано, что минимальный возраст, отпущенный природой каждому из нас, – 125 лет! К этому и надо стремиться, настрой самого человека важен. Не обходится тут без хорошей генетики. Продлению жизни способствует напряжённая умственная деятельность. Примите совет: окружайте себя приятными, дорогими вам людьми и общайтесь с ними чаще».

Французы говорят: «Возраст – это дело паспорта, а в жизни важно и на сколько лет ты выглядишь, и каковы твои потенциальные возможности». Иван Григорьевич – человек высокой культуры, с большим кругом общения. Предельно внимательный к каждому собеседнику, независимо от занимаемых должностей и чинов. Всегда находился в прекрасной фи-

зической форме: подтянутый, с благородными манерами, быстрый в реакциях. Речь – яркая, с отточенным логическим мышлением и тонким юмором. Слушать его – сплошное удовольствие: познавательно, интересно.

В том, что Иван Григорьевич посвятил свою жизнь науке и смог добиться таких успехов, – большая заслуга его жены, Екатерины Ивановны. Она была ему лучшим другом и помощником, создавала условия для плодотворной работы, все житейские хлопоты брала на себя. Жена всю жизнь создавала мужу надёжный тыл. Екатерина Ивановна – преподаватель немецкого языка с 22-летним стажем работы.

В августе 2012 года супруги Кукосян отметили 67-летие совместной жизни. Это был их ежегодный личный праздник, посвящённый друг другу. Пять лет жизни в Гайкодзоре были счастливыми для этой семьи. Но 30 апреля 2013 года не стало Екатерины Ивановны. А 2 мая ушёл за нею следом и Иван Григорьевич. Такая лебединая верность...

Иван Григорьевич Кукосян – живой очевидец нашей истории. Он всегда был её активным творцом с равнодушным сердцем и житейской мудростью: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». И вот ещё хороший совет от профессионала-психолога, примите его: «Если уж взялся руководить людьми, то не унижай их человеческое достоинство: уважай их, люби, терпи, воспитывай, подсказывай».

На таких людях мир держится.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	
Посвящение	3
ПРОЗА	
Казаков А.П. (гость журнала)	
Дом <i>рассказ</i>	9
Фокин В.И.	
Неоконченная повесть	21
Чех Н.А.	
Конокрад <i>повесть</i>	42
ПОЭЗИЯ	
Золотцев С.А. (гость журнала)	79
Фокин В.И.	85
Клебанов В.З.	91
Бухаров В.П.	96
ДЕБЮТ В ЖУРНАЛЕ	
Лёвин С.А. (дебют в журнале)	
По ту сторону лета	101
Катукова Л.А.	
Живые-мертвые глаза <i>рассказ</i>	120
Зацепин А.В.	124
Саари А.В.	127
ОЧЕРК, ПУБЛИЦИСТИКА	
Валиев В.А.	
Юные защитники Отечества	130
БИОГРАФИКА	
Хоменко Т.К.	
Дорогие мои земляки	136
Две орбиты авиаконструктора Корытина	137
«Трассу счастья назначив планете...»	146
Наше время требует клинических психологов	150

ВЫСОКИЙ БЕРЕГ
Журнал
писателей г.-к. Анапа
Выпуск № 2

Составитель и редактор	В.И. Фокин
Набор текста	И.Н. Смаглюк
Фотохудожник	О.А. Ариффулин
Компьютерная верстка	О.Н. Юрина
Корректор	Н.И. Колпикова

Сдано в набор
Подписано в печать
Бумага офсетная, печать офсетная
Формат Объем Тираж
Заказ

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
в типографии

*Кавказский вид с Эльбруса,
масло, 1837 г.*

*Воспоминания о Кавказе,
масло, 1838 г.*

*Кавказский вид с саклей,
1837 г.*

*Кавказский вид с верблюдами,
1837 г.*

Парус, 1828–1832 гг.

